

А. П. ОКЛАДНИКОВ, В. Д. ЗАПОРОЖСКАЯ

ЛЕНСКИЕ
ПИСАНИЦЫ

Ответственный редактор

Н. Н. Гурина

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

А. П. Окладников, В. Д. Запорожская

ЛЕНСКИЕ ПИСАНИЦЫ

—*—

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ
У ДЕРЕВНИ
ШИШКИНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 5 9

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1939 г. авторы данной работы были приглашены Институтом культуры при СНК ЯАССР для осуществления археологических исследований в долине р. Лены. Среди археологических памятников Ленского края, на которые следовало обратить внимание вновь организованной Ленской историко-археологической экспедиции, определенное место отводилось и наскальным изображениям — ленским писаницам. С этой целью экспедиция обследовала значительное количество как ранее известных, так и новых местонахождений наскальных рисунков по берегам р. Лены, а также некоторых ее притоков.

В настоящем исследовании публикуются материалы, полученные в результате детального изучения самого крупного на Лене и вместе с тем единственного в Сибири по обилию и разнообразию местонахождения наскальных рисунков около дер. Шишкино, выше г. Верхолепска (рис. 1).

Наскальные рисунки около дер. Шишкино дают большой и яркий материал для разрешения важных вопросов древней истории Сибири. Они позволяют восстановить неизвестные ранее страницы прошлого Ленского края начиная с каменного века и вплоть до прихода на Лену первых русских людей. В писаницах Шишкинских скал отражены исторические события, связанные с деятельностью не только древнейших, забытых историей обитателей этого края, но и ближайших предков современных якутского и бурятского народов.

Работы по изучению шишкинских писаниц начались разведкой 1929 г., когда удалось изготовить эстампажи и зарисовки ряда наиболее интересных рисунков и сцен. Рисунки эти были затем частично использованы как иллюстративный материал в «Очерках из истории западных бурят-монголов XVII—XVIII вв.», изданных в 1937 г. в Ленинграде Государственной академией истории материальной культуры и Научно-исследовательским институтом культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР. В 1941 г. Шишкинские скалы подвергнуты детальному изучению Ленской историко-археологической экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Научно-исследовательского института культуры при СНК ЯАССР, в работах которой на территории Иркутской области принял участие также Иркутский областной музей. Работы 1941 г. привели к ряду новых наблюдений и находок. Самым важным открытием 1941 г. в дер. Шишкино явилось огромное изображение дикой лошади, которое отнесено нами к эпохе палеолита. Тогда же здесь обнаружена и палеолитическая стоянка, следы которой оказались почти у самого подножия Шишкинских скал, на том месте, где мы ранее раскапывали неолитический могильник. Находки 1929 и 1941 гг. частично описаны в общих сводках по археологии и ранней истории Севера, изданных в 1942—1946 гг. в Якутске, а также в некоторых центральных периодических изданиях.

Более детальное изучение шишкинских писаниц в то же время ясно выявило огромный объем ожидающей здесь исследователя полевой работы и связанные с местными условиями технические трудности. В силу этого изучение шишкинских писаниц было продолжено в 1947 г. вновь организованной Бурят-монгольской археологической экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Научно-исследовательского института куль-

туры и экономики Бурят-Монгольской АССР. Работы эти, как и прежде, велись при поддержке Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. В 1947 г. удалось полностью обследовать Шишкинские скалы и скопировать на кальке если не все, то по крайней мере большинство более или менее удовлетворительно сохранившихся и доступных изображений. Одновременно В. Д. Запорожская осуществила фотографирование отдельных участков

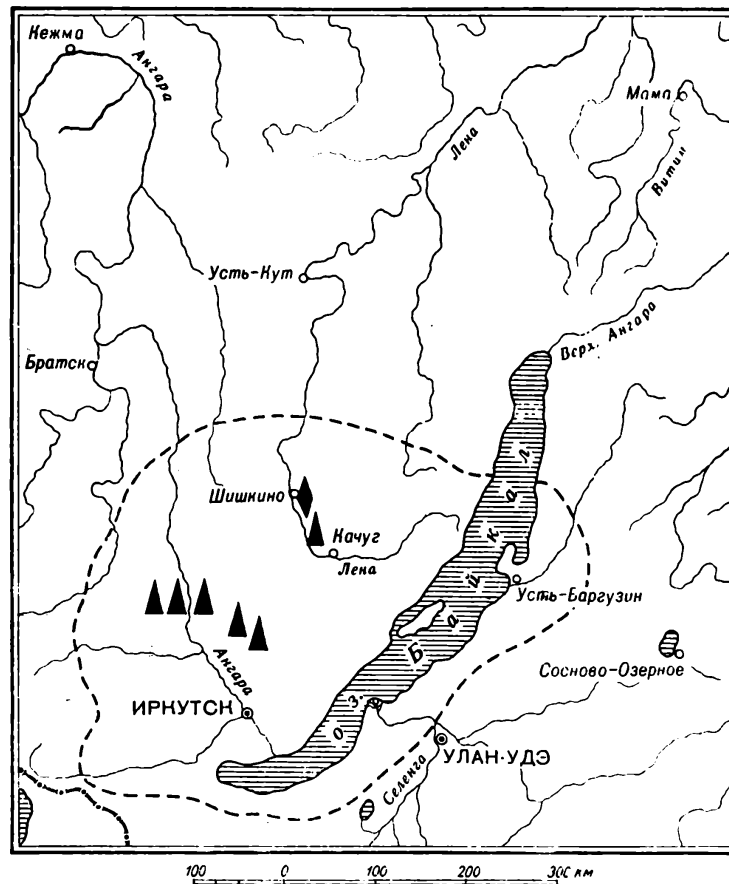

Рис. 1. Карта распространения писаниц в Прибайкалье (куруканские писаницы отмечены треугольниками, шишкинские — ромбом; пунктирной линией околтурена область распространения курыканских памятников).

Шишкинских скал и важнейших изображений (рис. 2, 3). В 1949 и 1950 гг. вышла в свет первым и вторым изданием (как первый том «Истории Якутской АССР») монография «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству». В ней использованы и шишкинские рисунки, интерпретированные на фоне всей истории Ленского края до XVII в. включительно. В 1957 г. после длительного перерыва участники Ангарской археологической экспедиции ИИМК АН СССР вновь обследовали наскальные изображения на Шишкинских скалах.

Обобщением и завершением всего сделанного ранее в изучении шишкинских писаниц и является публикуемая работа. Она построена следующим образом: во вводной ее части сжато даны общие сведения о Шишкинских скалах и истории их исследования. Дальше описываются сами изображения.

Соответственно ходу полевых работ по изучению шишкинских писаниц, начатому от дер. Шишкино и продолжавшемуся далее вверх по Лене, к шишкинской мельнице и дальше от нее, по направлению к дер. Кистенево, описание изображений идет с последнего на северном конце Шишкинской возвышенности скалистого выступа, условно названного нами еще в 1929 г. «первым камнем».

Продолжением Шишкинских скал являются скалистые обнажения у Никольского ручья, в 0.5—1 км ниже дер. Шишкино, вниз по р. Лене, на том же правом ее берегу. Писаницы расположены здесь по обеим сторонам ручья, на правом и левом мысах, вдоль р. Лены (909—985).

В конце главы описаны изображения (986—1002), место которых по тем или иным причинам не могло быть впоследствии точно определено среди других рисунков.

Рисунки описываются в порядке их общей сквозной нумерации (1—1002), но для удобства ориентировки в писаницах на месте в описании учтены отдельные участки Шишкинских скал, отделенные друг от друга овражками, скалистыми уступами или осыпями. Такие участки называются в описании «камнями».

Обозначение «камень» для таких участков избрано было по той причине, что оно распространено в народной топографической номенклатуре и употребляется у местного населения по отношению к отдельным скалистым обнажениям (ср. «пятый камень» на берегу Лены между с. Малые Голы и дер. Юшино, «Братский» и «Монастырский камень» на Ангаре).

Поскольку рисунки обычно расположены на особых уступах — ступенях скалистых обнажений таких «камней», в описании отмечаются соответствующие «ярусы» (сверху вниз). В описании особо отмечаются также в отличие от изолированных рисунков композиционные группы и скопления рисунков. В некоторых случаях, когда внутри многочисленных групп детально описываются отдельные рисунки, последние отмечены буквенными обозначениями.

Следует иметь в виду, что подавляющее большинство рисунков выполнено техникой вытирания (вытерты или затерты камнем), поэтому в тексте описания рисунков отмечены только те случаи, когда применялась другая техника.

Расстояния между рисунками отмечены только тогда, когда это существенно важно для понимания их композиционной и смысловой связи (например, для рисунков 16 и 17, изображающих двух лосей, идущих друг за другом).

За описанием рисунков следует раздел, посвященный исторической интерпретации шишкинских писаниц. В конце книги помещены таблицы рисунков.

Всего в книге описано 1002 рисунка и композиций, а если учитывать отдельно все фигуры и знаки, то в таблицах и тексте рисунков значительно больше — около 2730. Размещение и масштабы рисунков в таблицах зависели от объема и формата издания. Оно также определяется тем, что рисунки на скалах не составляют обычно больших, целостных композиций, а тянутся отдельными, не зависящими друг от друга по смыслу и композиции, разновременными группами, в основном в горизонтальном направлении, на уровне глаз, составляя длинные, узкие

Рис. 2. Шишкинские скалы. Калькирование писаниц.

полосы. Поэтому по необходимости пришлось распределить их на таблицах соответственно порядку описания в тексте.

Для того чтобы читатель мог составить представление о соотношении рисунков на определенных больших участках скал, в таблицах представлены три таких участка: часть камня XXVI (табл. XIV), камня XXVIII (табл. XXX), камня XXX (табл. XXXVII), где видно размещение рисунков не только по горизонтали, но и по вертикали. Кроме того, на рис. 19 дана деталь камня XXVII и на рис. 22 — деталь камня XXI.

Рисунки в таблицах размещены следующим образом:

Таблица	№№ рисунков	Камень	Таблица	№№ рисунков	Камень
I	1— 10	I	XVIII	481— 507	XXVII
	11— 28	II	XIX	508— 527	XXVII
	29— 39	III	XX	528— 536	XXVIII
II	40— 47	III	XXI	537— 550	XXVIII
	48— 64	IV	XXII	551— 564	XXVIII
	65— 68	V	XXIII	565— 586	XXVIII
	69— 81	VI	XXIV	587— 594	XXVIII
	82— 89	VII	XXV	595— 607	XXVIII
III	90—100	VII	XXVI	608— 624	XXVIII
	101—107	VIII	XXVII	625— 641	XXVIII
IV	108—116	VIII	XXVIII	642— 656	XXVIII
V	117—129	VIII	XXIX	657— 669	XXVIII
	130—137	IX	XXX	Часть камня	XXVIII
	138—140	X	XXXI	670— 692	XXVIII
	141	XI	XXXII	693— 709	XXVIII, XXIX
VI	142—151	XI			XXIX
	152—167	XII	XXXIII	710— 725	XXIX
	168—207	XIII	XXXIV	726— 752	XXIX
VII	208—224	XIV	XXXV	753— 767	XXIX
	225—228	XV	XXXVI	768— 769	XXIX
	229—255	XVI		770— 779	XXX
	256—267	XVII	XXXVII	Часть камня	XXX
VIII	268—312	XVII	XXXVIII	780	XXX
IX	313—339	XVII	XXXIX	781— 784	XXX
X	340—352	XVII		785— 792	XXXI
	353—364	XVIII	XL	793— 821	XXXI
	365—367	XIX	XLI	822— 851	XXXI
XI	368—383	XIX	XLII	852— 873	} За мель- ницей.
	384—385	XX	XLIII	874— 888	
	386—387	XX	XLIV	889— 908	
XII	388—391	XXI	XLV	909— 917	} Николь- ский ру- чей, ле- вый мыс.
	392—398	XXII	XLVI	918— 926	
	399—405	XXIII	XLVII	927— 934	
	406—413	XXIV	XLVIII	935— 936	
XIII	414—424 а	XXV		937— 945	} Николь- ский ру- чей, пра- вый мыс.
		XXVI	XLIX	946— 968	
XIV	Деталь каменя	XXVI	L	969— 979	
XV	424 е — 439	XXVI	LI	980— 985	} Николь- ский ручей Различные пункты Шишкино.
XVI	440—449	XXVI			
XVII	450— 460 461— 480	XXVI XXVII	LII	986—1002	

Рисунки в таблицах уменьшены фотографическим способом с калек: рисунки 101—129, 225—285 — до $\frac{1}{8}$, 985, 988 — до $\frac{1}{6}$, рис. 19 до $\frac{1}{5}$, остальные — до $\frac{1}{10}$ натуральной величины.

На табл. XIV, XXX и XXXVII рисунки уменьшены до $\frac{1}{25}$ натуральной величины.

Рис. 3. Шишкинские скалы. Калькирование писаниц.

Рисунки, составляющие композиционные группы, как правило, даны на таблицах в таком масштабном соотношении их частей, какое они имеют в натуре на скалах.

* * *

Завершая работу над шишкинскими писаницами, потребовавшую много времени и труда, авторы ее считают долгом выразить свою глубокую признательность Институту языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, Научно-исследовательскому институту культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР (ныне Комплексный научно-исследовательский бурятский институт Сибирского отделения АН СССР) и Институту истории материальной культуры АН СССР, без постоянной поддержки которых она не могла бы быть осуществлена. Столь же глубоко благодарны мы нашим сотрудникам, принимавшим участие в полевых и камеральных работах, связанных с подготовкой этой публикации: М. Я. Черемных, И. В. Арембовскому, З. А. Абрамовой, К. М. Черемисову, Г. Н. Румянцеву, А. Д. Столяру, Н. Н. Дикову, А. М. Гершевичу, Ю. А. Завитухину и А. В. Лепину, исследователям бурятского фольклора С. П. Балдаеву, Н. О. Шаракшиновой, О. В. Румянцевой, которые предоставили в наше распоряжение ценные фольклорные материалы.

I

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПИСАНИЦ у дер. ШИШКИНО

Среди археологических памятников Сибири издавна видное и вместе с тем особенное место занимают наскальные рисунки, или писаницы, как их до сих пор называет местное русское население. В глазах народа они представляли собой не простые рисунки, а неведомые письмена, оставленные древними обитателями этой страны, надписи, наполненные неизвестным, но глубоким смыслом. Отсюда происходит и широко распространенное название таких наскальных изображений: «писаницы», «писаные камни». Коренное же население в свою очередь окружало писаные скалы атмосферой религиозного почитания и культа. Для него писаные скалы были священными местами предков, а наскальные рисунки считались произведениями духов.

Наскальные изображения по этой причине наравне с курганами и могильным золотом первыми обратили на себя внимание исследователей. Они отмечены уже в литературе XVII—XVIII вв.: в хронографе первой половины XVII в., в Чертежной Книге Сибири С. У. Ремезова, в сочинении Н. Витзена и в трудах первых путешественников по Сибири. Загадочные писаницы обнаружены были в XVIII в. и на далекой сибирской реке Лене.

«Наконец, есть несколько украшенных фигурами скал на правом, или восточном, берегу р. Лены, между г. Верхоленском и дер. Качегой (в разных местах, в особенности одна, называемая Писаным камнем, верстах в 36 ниже Верхоленска). На них видны разные изображения людей и животных, вырезанных на красноватом песчаном камне. Со всех этих изображений, пока они мне были известны по слуху и пока я сам еще не добрался до них, я приказал снять рисунки», — писал Г. Ф. Миллер¹ (рис. 4). Рисунки, и при этом весьма точные, с этих изображений сделал художник Миллера Люрсениус. Однако, познакомившись с писаными камнями на Лене, Миллер пожалел об усилиях, напрасно затраченных, по его мнению, на зарисовку этих изображений: «Но, когда мне удалось увидеть их собственными глазами, мне стало жаль потраченного на зарисовку труда, да и теперь не считаю пужным издавать их. В виде образца, однако же, и следуя принятому порядку, прилагаю несколько рисунков, по которым любители таких вещей рассудят, могут ли они принести им какую-нибудь пользу».²

Позже Ленские скалы, где находятся рисунки, впервые отмеченные Миллером, не раз описывали различные путешественники и писатели, так как здесь находились почитаемые бурятами «шаманские урочища», священные места, связанные с культом грозных божеств

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, I. М.—Л., 1937, стр. 535.

² Там же.

2 Ленские писаницы

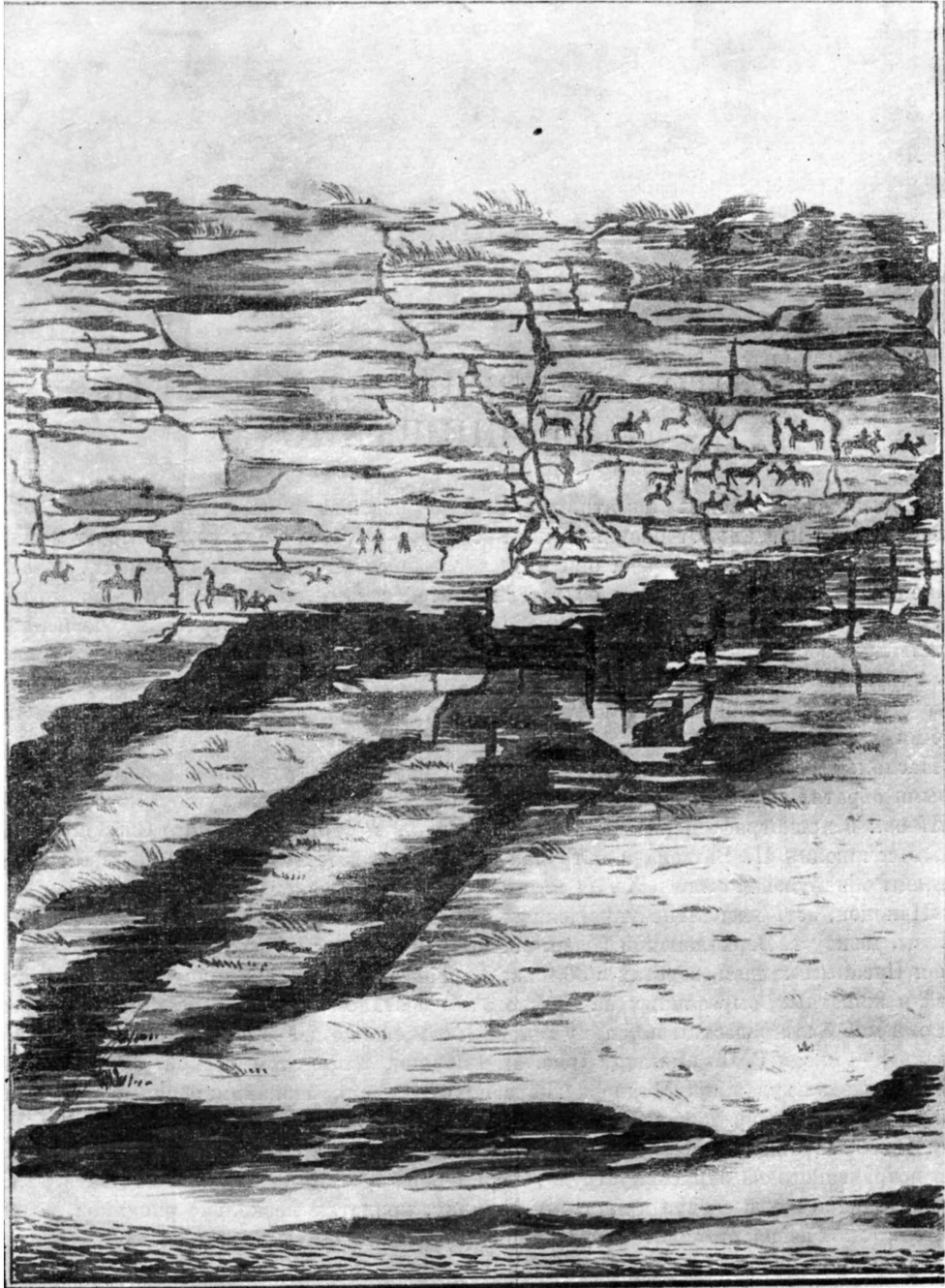

Рис. 4. Шишкинские писаницы. Рисунок Люрсениуса. XVIII в.

шаманского пантеона, «хозяев Лены». Из них, однако, только А. Щекатов упоминает о имеющемся на шаманской горе в 12 верстах от Качуга каменном холме, на котором «природа сделала изображение, подобное человеку».³ С тех пор рисунки на этих скалах окончательно забыты.

О ленских писанищах в районе Качуга и Верхоленска в XIX в. настолько основательно забыли, что только лишь спустя почти два столетия после Миллера они были открыты вновь и при этом неожиданно.

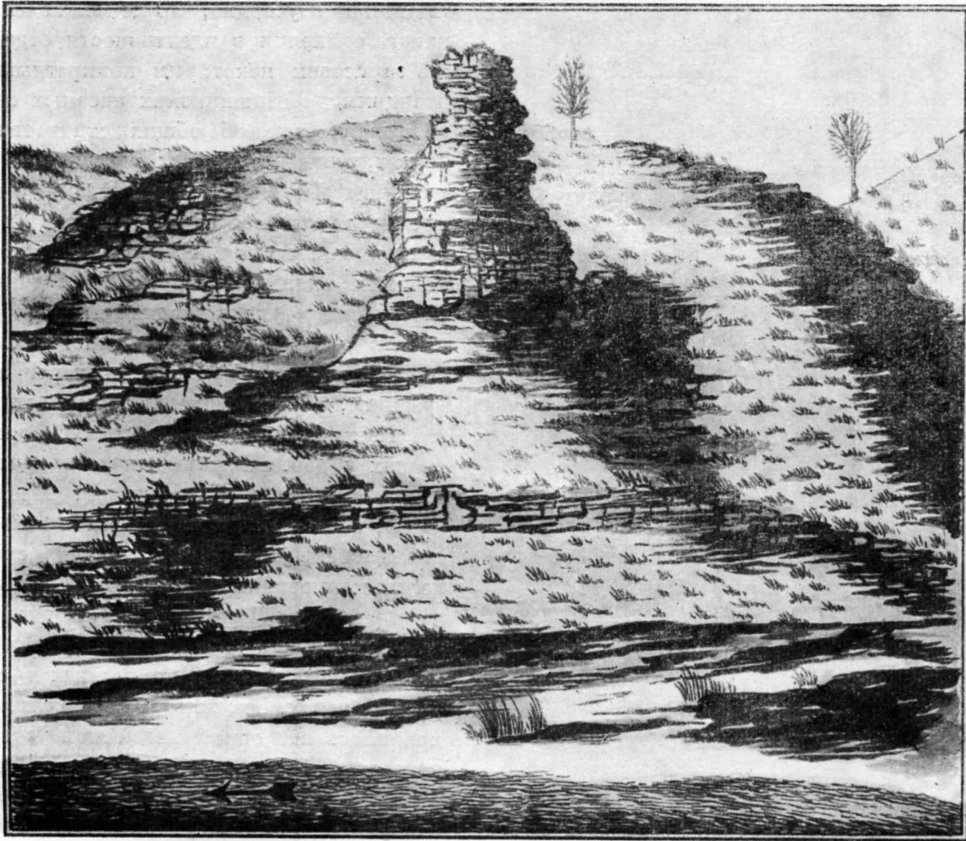

Рис. 5. Шаманский камень в дер. Шишкино. Рисунок Люрсениуса. XVIII в.

В 1929 г. при раскопках неолитического могильника у дер. Шишкино мы услышали от одного местного жителя, что на «Шаманских скалах» поблизости от деревни находили металлическую посуду и кости людей и что там имеются какие-то рисунки.

Обследование Шишкинских скал, произведенное нами вместе с М. Я. Черемных, действительно показало, что это и есть то место «между Качегой и Верхоленском», где находится знаменитый «шаманский камень» старинных авторов, та самая «заставляющая вздрогнуть скала», о которой писал Миллер.

Общий вид этого камня оказался точно таким же, как его нарисовал в XVIII в. Люрсениус и как его описывали позднейшие путешественники, хотя он, по-видимому, если верить позднейшим рассказам, и был частично разрушен в 1897 г. Он имел вид отдельного вертикаль-

³ Афанасий Щекатов. Словарь географический Российского государства, ч. 6. М., 1808, стр. 179.

ного выступа красного песчаника, издали напоминающий шаманские жертвенники, *шире*, на которых сжигались кости жертвенных животных во время тайлаганов. Он, как и писали раньше, стоит в «полугоре», соединенный и теперь с основным массивом горы только лишь узким перешейком (рис. 5, 6).

Вместе с тем оказалось, что Шишкинские скалы, где находится этот священный камень ленских бурят, являются местонахождением древних рисунков, которые были зарисованы

Рис. 6. Шаманский камень в дер. Шишкино («жертвенник» Хара-Ажирая) в его современном виде.

по приказанию Миллера Люрсениусом. Рисунки Люрсениуса выполнены настолько тщательно и усердно, что не может быть никакого сомнения в идентичности отдельных его зарисовок некоторым конкретным композициям на Шишкинских писаных скалах, не говоря уже об общих стилистических чертах, типе и характере рисунков. В своих рисунках Люрсениус очень удачно передал прежде всего своеобразный характер Ленских писаных скал. На рисунках этого художника видны их широкие, гладкие плоскости, нависающие карнизы на месте отпавших в древности глыб и многочисленные горизонтальные, а также и вертикальные трещины, рассекающие эти плоскости.

Как на рисунках Люрсениуса, так и на скалах у дер. Шишкино видны одинаково стилизованные фигуры людей, верблюдов, лосей, всадников, а местами и целые охотничьи сцены. Особенно наглядно сходство целых композиций с оригиналом выражено в двух рисунках Люрсениуса. На одной такой композиции показана большая группа странных птичьих фигур, показанных в своеобразных позах. Эта композиция целиком сохранилась на одной невысокой скале за шишкинской мельницей, у самой дороги, ведущей из Шишкино в Кистенево. Люрсениус мог легче и удобнее всего зарисовать эту любопытную сцену, только лишь

сойдя с коня и остановившись прямо перед рисунком, находящимся на высоте не более 1—1.5 м от уровня земли⁴ (рис. 7).

Шишкинские скалы, где находятся писаницы, принадлежат к числу наиболее живописных и своеобразных мест в долине р. Лены (рис. 8, 9). Скалы эти начинаются на расстоянии каких-нибудь 1.5—2 км от дер. Кистенево и непрерывной, широкой дугой тянутся вниз по Лене вплоть до крайних построек дер. Шишкино. Сначала они представляют собой низкий, обрывистый уступ сравнительно невысокого и пологого склона, по которому с горы спускается полотно старой тракторной дороги из Качуга в Верхолениск. Около шишкинской мельницы они прорезаны узкой и глубокой долиной сухого ручья. Ниже устья ручья высота и крутизна

⁴ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности, т. 1, вып. 3. СПб., 1888, стр. 71, нижний большой рисунок (теперь этот рисунок, как и ряд других, уже более не существует, он был уничтожен при добыче камня для строительных работ в 1956—1957 гг.); Г. Ф. М и л л е р, ук. соч., стр. 561, рис. 35.

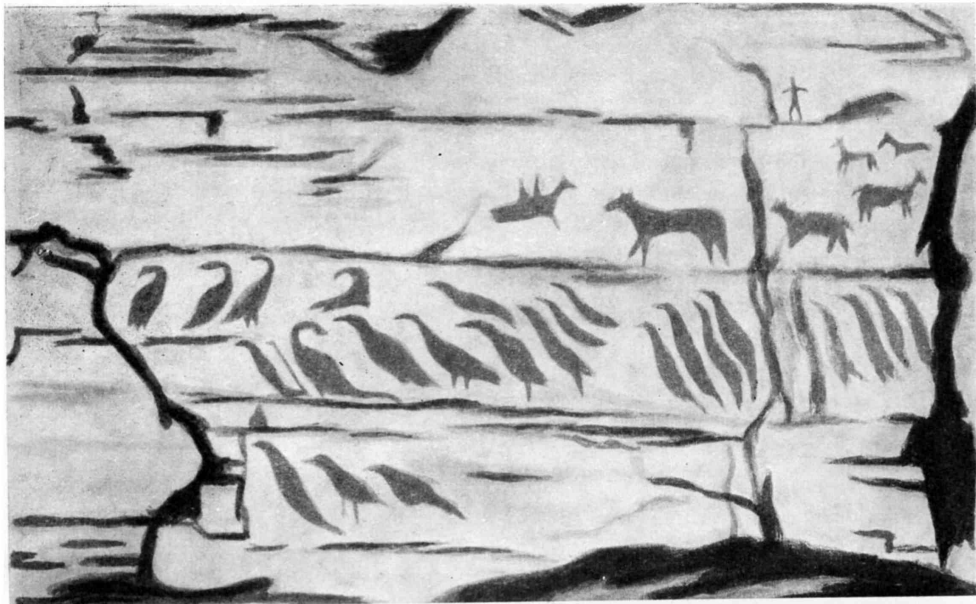

Рис. 7. Изображения птиц. Рисунки Люрсениуса. XVIII в.

Рис. 8. Общий вид на р. Лему и Шишкинские скалы.

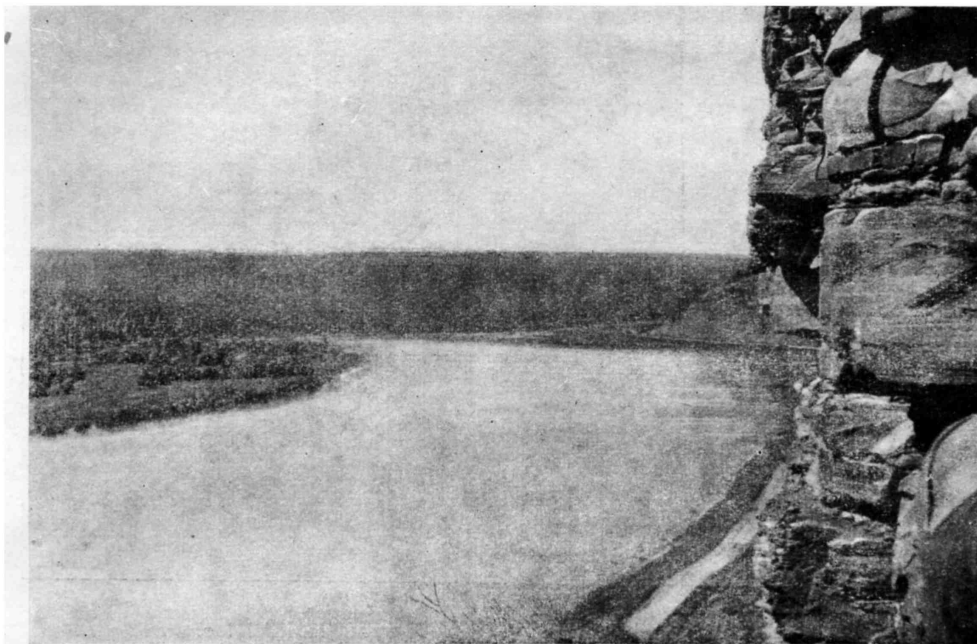

Рис. 9. Река Лена и Шипкинские скалы.

Рис. 10. Шипкинские скалы. Вид с противоположного берега р. Лены.

скал резко увеличиваются. Вскоре и весь склон коренного берега на высоту от 80 до 100 м над уровнем реки обрывается скалистыми уступами темно-красного цвета. С противоположного берега Лены весь этот берег представляется в виде сплошной, отвесной стены, увенчанной сверху густой, темно-зеленой каймой. В действительности эта стена расчленена на ряд отдельных участков — «камней», и, кроме того, в ней отчетливо выделяются горизонтальные ярусы, как бы ступени гигантской лестницы, в виде двух, трех, а иногда даже и четырех последовательных уступов (рис. 10, 11).

Скалистая стена, протянувшаяся почти на 3 км, неожиданно заканчивается перед дер. Шишкино, от которой ее отделяет только долина небольшого сухого ручейка и площадка вто-

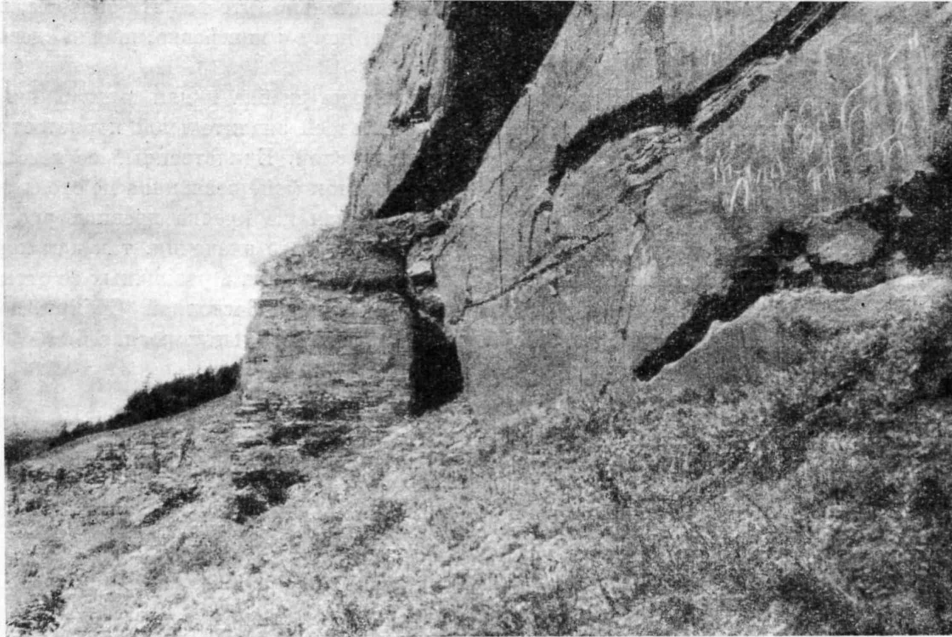

Рис. 11. Шишкинские скалы. Видны два яруса-ступени (на переднем плане).

рой надпойменной террасы с расположенными на ней неширокими шишкинскими полями. И на всем протяжении Шишкинских скал, от крайнего с севера выступа до мельницы, а также дальше, от мельницы вверх по Лене, по направлению к дер. Кистенево, вплоть до самого конца береговых скалистых обнажений, рассеяны древние наскальные изображения. Они имеются и на самой нижней части Шишкинских скал, вблизи трактовой дороги, на средних ее ярусах и, наконец, у самой вершины обрыва. Местами они разбросаны отдельными группами, местами же концентрируются целыми скоплениями, густо перекрывая друг друга. Здесь представлены, как мы увидим, наскальные изображения самой различной техники и содержания, всех времен и всех или почти всех народов, когда-либо населявших Ленский край.

Необычайная концентрация писаниц на одном определенном участке объясняется прежде всего особыми удобствами этих скал для выполнения, а также и для последующего сохранения наскальных изображений. Уже с первого взгляда Шишкинские скалы обращают на себя внимание своеобразными формами и особым характером их поверхности. Красный песчаник верхнекембрийского возраста, характерный для всей красноцветной толщи, распространенной на Лене от дер. Юшино до Тутуры, представлен здесь не мелкими, рыхлыми прослойками, а мощными и плотными слоями значительной ширины. Слои эти выступают в обресе коренного бе-

рега не только в виде колоссальных ступеней-ярусов, но и широкими, вертикальными плоскостями, которые непрерывно тянутся часто на протяжении многих метров.

Обширные вертикальные плоскости скальных ярусов, особенно верхних, отличаются поразительной гладкостью своей поверхности, как бы самой природой специально предназначенной для изобразительной деятельности древнего человека. Поверхность скалы здесь как бы нарочно выглажена. Более того, местами она как будто не только специально выравнена, но даже отшлифована, а сверх того еще покрыта блестящей коркой глубокого скального загара.

Гладкие отвесные стены красного песчаника были тем привлекательнее для древнего художника, что такой относительно плотный материал вместе с тем отличается мягкостью и хорошо поддается любой обработке. Его легко можно резать и царапать ножом, а также долбить, тереть и шлифовать обыкновенным камнем. Не удивительно, что все эти способы, в особенности вытирание поверхности скалы камнем, резьба по нему и шлифовка, нашли здесь особенно широкое применение.

Ровная, гладкая поверхность Шишкинских скал вполне удобна и для выполнения красочных рисунков. Она легко воспринимает и благодаря своей значительной пористости еще лучше, чем, например, известняк, удерживает красочный слой. Единственный ее недостаток в данном отношении заключается только в том, что на красном фоне песчаника не столь резко, как на белом и желтоватом известняке, выделялась красная же краска древних рисунков. Но и эта отрицательная особенность не имела слишком большого значения, так как компенсировалась большей густотой и насыщенностью тона охры-краски в различных ее оттенках.

Нигде в другом месте, не только лишь на Лене, но и во всей Восточной Сибири, нет поэтому таких благоприятных условий для расцвета искусства наскальных росписей.

II

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ у дер. ШИШКИНО (описание)

КАМЕНЬ I

Камень I, господствующий над долиной сухого ручья и соседней надпойменной террасой, напоминает по форме пирамидальную башню. Фасад этой башни обращен к Лене широкой, гладкой плоскостью, на которой и расположено большинство рисунков (верхний ярус). Ниже есть еще небольшой уступ (нижний ярус). К сухому ручью и полям дер. Шишкино обращена узкая полоса скалистого выступа камня I высотой около 3 м.

Рисунки находятся на отдельных, небольших выступах скалы, на высоте 15—20 м над уровнем дна сухого ручья.

Верхний ярус

1. На плоскости, обращенной к деревне, в верхнем ярусе имеется один изолированный рисунок, на котором схематически изображены два животных, следующих друг за другом. По общим очертаниям тела животные напоминают коз или оленей. Передняя фигура фрагментарна. Остальные рисунки (2—5) сосредоточены на плоскостях скалы, обращенных к р. Лене, т. е. к югу.

2. Схематическое изображение человека.

3. Схематическое изображение человека. Отличается от предыдущего согнутой в локте правой рукой и наличием лука со стрелой в левой руке. Перед этой фигурой изображен условный знак, напоминающий букву «Р» с отходящими от нее в сторону изогнутыми линиями. Может быть, это остаток изображения человека с луком.

4. Схематическое изображение человеческой фигуры.

5. Схематический рисунок в виде трезубца остриями вниз. Рисунок сильно пострадал от прочерченных по нему позднейших надписей. На боковой плоскости скалистого выступа, в углу, на расстоянии 8 м от описанных выше пяти рисунков, размещена группа рисунков в количестве четырех изображений (6—9). Из них рисунок 8 вытерт и слегка пришлифован сплошным пятном на очень гладкой, как будто намеренно отшлифованной поверхности скалы. Рисунок трезубца (6) выполнен глубокой резной линией.

6. Трезубец.

7. Изображение животного, напоминающее козу. Животное показано в момент скачка.

8. Аналогичное изображение животного. Пересечено длинной вертикальной линией.

9. Стилизованная фигура животного (?).

Нижний ярус

10. Изолированный рисунок из двух неуклюжих, грубо стилизованных фигур животных. Нижняя фигура напоминает лошадь с длинным хвостом и султаном на голове. Верхняя имеет выступ на спине. Выступ этот, возможно, изображает всадника.

КАМЕНЬ II

Изображения камня II находятся в ближайшем соседстве с изображениями камня I, на фасаде скалистого выступа, обращенного к р. Лене. Последний имеет здесь вид широкой и сплошной вертикальной плоскости.

11. Изображение всадника. Всадник изображен с луком в руках. Рисунок схематичен: голова коня и лук всадника в виде коротких прямоугольников — «молоточков». Рисунок поздний, он выделяется среди всех остальных беловатым тоном. Поблизости находится группа рисунков (12—15), которая состоит из трех фигур всадников и одной фигуры лося. Все рисунки вытерты, местами вышлифованы.

12. Рисунок всадника. Сохранился только в передней части. На шее коня видны высокие зубы, представляющие стилизованную гриву.

13. Фигура лося, по-видимому самки. На голове зверя показаны уши или рога и свисающий под шеей клок. Зверь изображен поднимающимся наклонно вверх.

14. Изображение всадника с луком в руках. Сохранилось частично.

15. Изображение всадника. Фигура коня стилизована так же, как и на рисунке 12. Грива изображена в виде четырех вертикальных полосок. Изображение человека схематично, в виде трезубца, непропорционально мало по сравнению с конской фигурой.

Следующая группа рисунков состоит из двух больших изображений лосей, идущих один за другим вправо от зрителя, и одной кривой полосы впереди них. Все три рисунка выполнены бледно-красной от времени краской лилового оттенка, сильно пострадавшей от выветривания. Местами полосы краски только угадываются по еле заметным следам при смачивании скалы водой.

16. Изображение лося, выполненное сплошной контурной полосой краски. Ноги зверя, за исключением одной задней ноги, и уши его сплошь залиты внутри краской. Животное изображено строго в профиль, но каждая нога выделена отдельно. Особое внимание уделено передаче таких характерных для этого зверя деталей, как типичный лосиный горб над лопатками, подшейный клок и уши. Умело переданы также общие очертания большого, грузного тела животного, а также его длинной и утолщенной на конце морды. Животное показано в движении, идущим за вторым лосем. Внутреннее пространство фигуры, не покрытое краской, тщательно зашлифовано по всей его плоскости. Эта работа несомненно была выполнена значительно позже и относится ко времени, когда на Шихпинских скалах широко распространяется прием выполнения рисунков тщательной, сплошной протиркой или зашлифовкой. То же самое случилось и с малым палеолитическим рисунком коня, который внутри контуров был тщательно зашлифован много времени спустя после его изготовления.

17. Аналогичное по технике и стилю изображение лося. Выполнено грубо и сохранилось значительно хуже: утрачена голова и сильно пострадали от выветривания конечности. Находится на расстоянии 70 см от рисунка 16 и составляет часть одной и той же композиции.

18. Дугообразная широкая полоса, выполненная красной краской того же тона, что и обе лосиные фигуры.

19. Изолированный рисунок всадника. Выполнен на гладкой, по-видимому предварительно зашлифованной поверхности камня, тончайшими резными интрихами, заметными только при тщательном осмотре всей поверхности рисунка. Лошадь под всадником изображена бегущей

легкой рысью, причем показаны все четыре ноги, характерно изогнутые. Тело коня легкое и относительно пропорциональное. На голове спереди виден султан или начальник. Под шеей коня свисает узда и видна подшейная кисть. На шее имеется три острых зубца, изображающих гриву. Хвост коня, возможно, изображен обмотанным у репницы, так как здесь полоса хвоста

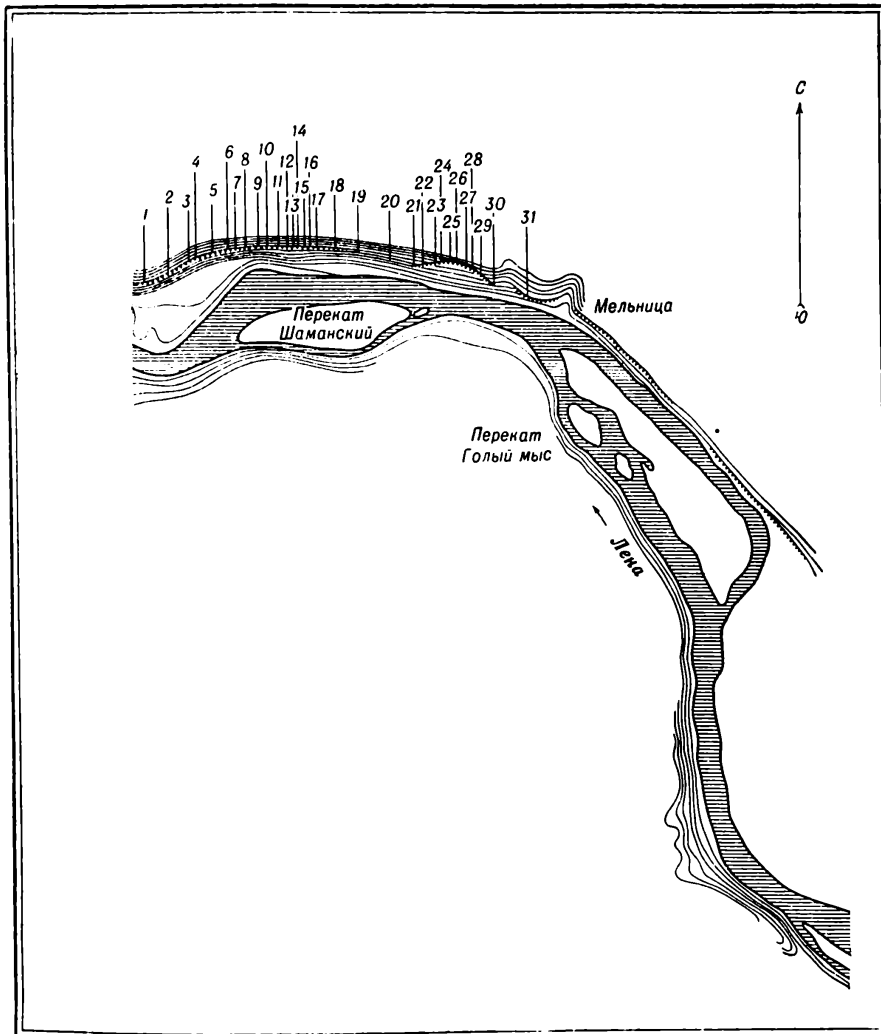

Рис. 12. План Шишкинских скал. Цифрами обозначены отдельные «камни» с изображениями.

заштрихована в ромбическую сетку. На голове у всадника странный, вытянутый вперед и высокий головной убор, видимо шлем. Одна рука его в виде кривой полосы протянута к шею коня, второй не видно. Туловище всадника сплошь заштриховано в ромбическую сетку длинными, перекрещивающимися резными линиями. Также заштрихованы и штаны. Всадник, очевидно, с ног до головы был одет в кольчугу — штриховка условно передает именно такую кольчужную одежду. Штаны всадника широкие, причем на одной ноге снизу имеется небольшой, прямоугольный уступ — вырез. Сзади туловища всадника, над спиной лошади виден косо поставленный выступ, должно быть саадак. Ноги коня и зубцы на его шее тоже заштри-

хованы, но на этот раз простыми, поперечными линиями. Позади всадника видны два миндалевидных знака (рис. 13).

Под передней частью большой фигуры лося (17) размещена группа рисунков (20—24). Она состоит из трех схематических фигур всадников, одного изображения человека и одной фигуры животного.

20. Схематическое изображение всадника.

21. Плохо сохранившаяся фигура всадника.

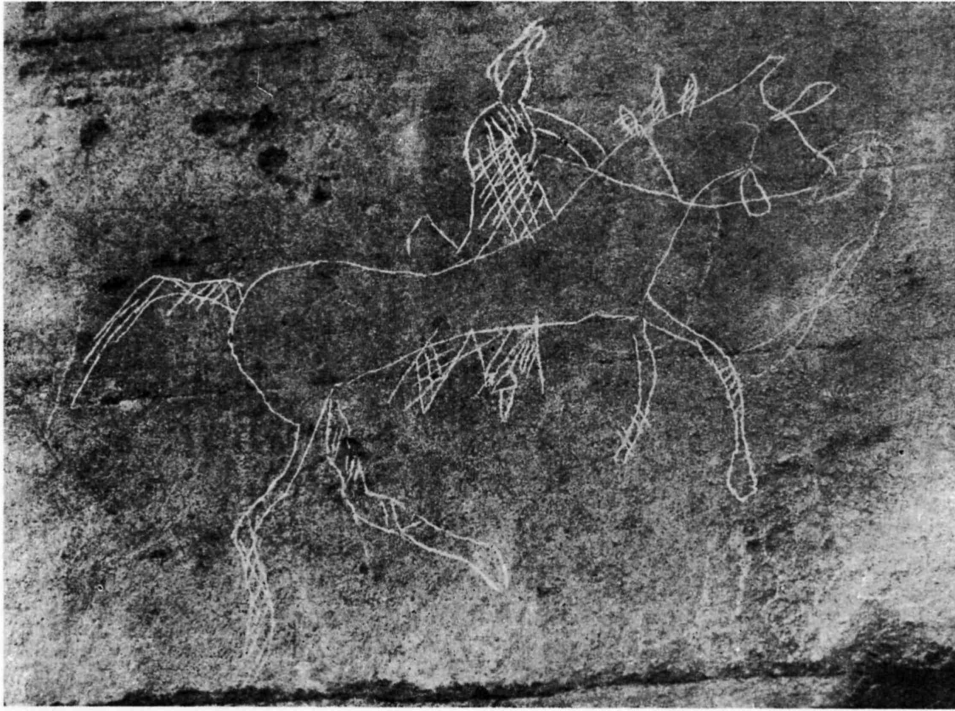

Рис. 13. Изображение кыргызского всадника.

22. Плохо сохранившаяся фигура всадника. В руках всадника лук.

23. Стилизованное изображение стоящего человека. Голова имеет вид овального выступа.

24. Стилизованное изображение животного, напоминающего лису. У него, как и у лисы, характерно изогнутое туловище, широкий, большой хвост, острая, длинная мордочка. Рисунок помещается на потолке небольшого карниза.

По соседству с описанными рисунками находится композиция (25—27), которая состоит из большого количества прямых, косых и кривых, горизонтальных и вертикальных врезанных линий и различных фигур. Линии эти по сравнению с соседними вытертыми рисунками имеют более свежий вид, так как не покрыты столь плотным и густым скальным загаром.

25. Схематическая фигура животного. Протерта на скале полосами.

26. Линейное резное изображение, напоминающее низкое, куполовидное сооружение каркасного типа, из переплетающихся прутьев, типа якутского *отуу*, нанайского *хамрана*.

27. Пересекающиеся линии, возможно, изображающие охотничьи изгороди-ловушки. Сюда же относится, по-видимому, рисунок 25. В таком случае животное изображено направляющимся к охотничьей изгороди.

28. Две резные линейные фигуры, изображающие человечков, стоящих вертикально рядом друг с другом. Обе фигурки одинаковые. Длинная, прямая линия условно изображает туловище и голову (а внизу—*penis*), руки и ноги даны в виде симметричных косых линий.

КАМЕНЬ III

Изображения состоят из трех отдельных групп рисунков.

Первая группа включает разновременные и разнохарактерные по трактовке изображения оленя, лошадей, всадников и какого-то животного (29—34).

29. Реалистическое по общему облику изображение оленя с ветвистыми рогами. Судя по рогам, изображен благородный олень, марал. Фигура животного вытерта, но рога дополнительно прорезаны желобчатыми полосками.

30. Лошадь курыканского стиля, с крутой, «лебединой» шеей, на которой торчат три зубца, изображающие гриву. Рисунок сохранился плохо. Вытерт и околонтурен резной линией.

31. Аналогичное предыдущему изображение. Для этого рисунка характерна специфическая манера передавать бедра в виде «вымени», от которых отходят вниз тонкие линии конечностей. Рисунок околонтурен глубоким резным контуром.

32. Остатки схематического изображения лошади.

33. Стилизованное изображение всадника. Всадник показан в профиль, с рукой, протянутой к узде.

34. Изображение животного, судя по хвосту — лошади. Обращают внимание специфически трактованные копытца на задних ногах этого животного.

Вторая группа состоит из двух рисунков (35 и 36).

35. Пять грубо стилизованных антропоморфных фигур. Головы фигур округлые, руки опущены.

36. Грубая фигура всадника. В руках его слегка процарапанный лук, позади выступ саадака.

Поблизости находится третья группа рисунков (37—39). Она состоит из трех фигур: две изображают животных и одна всадника.

37. Схематическое изображение животного с длинным туловищем и кривым рогом (?), как у козла — *текэ*.

38. Схематическое изображение животного. Сохранилось частично.

39. Схематическое изображение всадника.

На рисунках 40—47 изображена сцена охоты двух всадников на диких коз; отдельно изображен круг.

40. Рисунок в виде неправильного круга с радиальными линиями внутри, выполненный тонкими резными линиями. Напоминает изображения солнца в шаманском искусстве сибирских племен. По виду позже остальных, соседних с ней рисунков.

41. Схематическая фигура всадника, преследующего животное.

42. Изображение животного. Напоминает собаку или волка. Рисунки 41 и 42 составляют одновременно выполненную композицию. Они грубее и, судя по более светлому тону рисунка, позже расположенных ниже трех рисунков (43—45). Последние по технике выполнения объединяются тем, что обведены тонким резным контуром.

43. Всадник. Грива лошади изображена в виде трех вертикальных зубцов. В руках всадника лук со стрелой, обращенной к животному, скачущему впереди.

44. Рисунок убегающего животного, по-видимому козы.

45. Аналогичный предыдущему, схематический, но полный экспрессии рисунок животного. На голове животного видны типичные для козули рога — «елочкой».

46. Схематическое изображение животного, судя по длинному хвосту — коня.

47. Схематическое изображение животного — козы (?).

КАМЕНЬ IV

Изображения состоят из ряда разновременных и разнохарактерных рисунков. Они рассредоточены группами и отдельными рисунками на выступах камней под небольшими навесами и в нишах.

Первая группа состоит из двух рисунков (48—49).

48. Изображение всадника, выполненное тонкими вышлифованными полосками. Рисунок примитивен, фигуры показаны линиями. Хвост кося изображен «елочкой».

49. Схематический рисунок (фрагмент фигуры животного?).

50. Рисунок лося. Вышлифован сплошь, местами оконтурен резной линией.

В следующую группу, вторую, входят три рисунка (51—53). Рисунки зашлифованы, частично оконтурены резной линией.

51. Изображение животного, судя по круто изогнутой длинной шее — лошади. Задняя часть изображения псчезла. Вышлифовано широкой полосой.

52. Остатки изображения животного (?). Вышлифовано широкой полосой.

53. Остатки фигуры животного.

54. Грубое изображение животного.

Третья группа рисунков состоит из двух изображений (55—56).

55. Остатки изображения животного.

56. Схематическое изображение всадника (?).

Четвертую группу составляют три рисунка (57—59). Рисунки затерты и оконтурены резной линией.

57. Стилизованное изображение животного.

58. Рисунок лося. Схематичен, но достаточно остро передает фигуру и характерные детали сохатого: рога, «кисть» под шеей и крутой горб над лопатками. Голова лося пересечена вертикальной резной линией, вверху прямой, внизу переходящей в зигзаг. Такая же линия, раздвоенная внизу, имеется под брюхом лося. Эти резные линии нанесены, по-видимому, позже лосиной фигуры.

59. Схематическое изображение животного, по-видимому лошади.

Пятая группа рисунков состоит из четырех изображений (60—63).

60. Фрагментарное изображение животного.

61. Резной линейный рисунок в виде «метелки». Аналогичные по технике и характеру рисунки обычны на средней Лене, в Якутии.

62. Рисунок, аналогичный, предыдущему.

63. Фигура в виде трезубца.

Шестая группа представляет одну композицию из ряда изображений (64).

64. Три фигуры животных, похожих на оленей, следующих друг за другом. Лучше сохранилось среднее изображение, где полностью уцелели очертания туловища животного и голова с двумя короткими рогами. У передней фигуры изящно очерчена задняя половина туловища. Третье животное крупнее остальных и оформлено наиболее грубо.

КАМЕНЬ V

Представляет собой отвесную плоскость. На ней имеется много следов линейных резных рисунков, часто перекрывавших друг друга. Затем были сделаны новые рисунки. Рисунки эти затерты, без резных контуров. Они выделяются на фоне скалы более светлым фоном, тогда как ранние рисунки почти неотличимы от него.

65. Фрагменты изображения всадника.

66. Фигура животного, по-видимому изображающая оленя с необычайно длинной, высоко поднятой шеей и двумя «спицами» — рогами.

67. Грубая фигура всадника (?).

68. Фигура животного, судя по рогам — оленя. Рога показаны в виде «елочки».

КАМЕНЬ VI

На плоскости камня VI имеется две группы рисунков и несколько изолированных изображений.

Первая группа состоит из четырех изображений (69—72).

69. Два курыканских изображения лошадей. Лошади имеют тонкие, удлиненные туловища, на гривах есть обычные зубцы, а у передней на голове, кроме того, и султан. Головы маленькие. Рисунки вышлифованы и несколько светлее фона. Сильно выветрились.

70. Фрагмент фигуры животного или птицы (?).

71. Хвост и нога изображения коня.

72. Резное линейное изображение в виде сетки из перекрещивающихся горизонтальных вертикальных линий. Изображает, очевидно, сеть или ловчую изгородь.

73. Две грубые фигуры животных. Судя по отсутствию хвоста это не лошади, а скорее лоси. Вышлифованы.

Вторая группа состоит из трех рисунков (74—76). Рисунки 74—76 глубоко вытерты, почти вышлифованы.

74. Схематическая фигура животного.

75. Фигура животного. Собака (?).

76. Схематическое изображение человека.

77. Изображение всадника. Вытерто, оконтурено резными линиями.

78. Схематическое изображение оленя или дикой козы. Вытерто, оконтурено тонкими резными линиями.

79. Схематический, стилизованный рисунок лошади. Спереди на голове животного треугольный выступ, очевидно султан. На спине животного имеется два длинных, параллельных выступа. Возможно, что они условно изображают седло. Рисунок вытерт, оконтурен резными линиями.

80. Крупный, грубый рисунок лошади в курыканском стиле. На голове коня султан, под головой подшейная кисть, на гриве три прямоугольных зубца, голова маленькая, туловище длинное и узкое.

81. Десять человеческих стилизованных фигур, стоящих в ряд, с опущенными вниз и протянутыми друг к другу руками. У некоторых фигурок руки сливаются вместе.

КАМЕНЬ VII

Рисунки расположены на одной большой плоскости скалы. Они представляют собой скопление изображений, частично одновременных, частично перекрывающих друг друга. Отчетливо выделяются в них два стилистических варианта изображений, отличных по технике и стилю, по графической манере. К первому варианту относятся рисунки, выполненные способом вытирания.

По стилю они принадлежат к типичным курыканским писаницам. Рисунки, принадлежащие ко второму варианту, представлены резными линейными изображениями более позднего по стилю времени.

По расположению на плоскости скалы рисунки делятся на две группы. В первую входит большая часть рисунков. Вторая группа находится ниже первой и состоит всего лишь из четырех рисунков, размещенных на одной горизонтальной линии.

В первую группу входят рисунки 82—88.

82. Схематическое изображение животного, судя по длинному хвосту — лошади. Над изображением виден ряд вертикальных резных линий, пересеченных косыми линиями (сеть? ловчая изгородь?).

83. Аналогичное предыдущему по характеру изображение животного — на этот раз, лося. У лося хорошо переданы общие очертания грузного тела, характерный горб над передними лопатками и тяжелая, массивная голова. На голове видны короткие рога — «спицы». Рисунок лося пересечен длинными резными линиями, косыми и вертикальными (лось «пойман» в изгороди?).

84. Схематическое, фрагментарное изображение животного, по общим очертаниям всего вероятнее — козули.

85. Грубая фигура животного, вероятно лошади.

86. Схематический рисунок, напоминающий летящую птицу. Правее знак в виде угла.

87. Дугообразная полоса.

88. Грубое изображение животного.

89. Изображение всадника. Рисунок выполнен грубо, но с вниманием к деталям. На голове лошади султан, под шеей подшейная кисть, на шее зубцы. За спиной всадника массивный, косой стержень со свисающими от него тремя полосами. Это, по-видимому, изображение саадака с украшающими его кистями.

90. Фрагментарное изображение всадника. Одна рука его согнута вниз в локте, другая — вверх. Под брюхом коня свешивается стилизованная кисть. Изображение всадника налегает на остатки какого-то другого рисунка.

91. Изображение трех фигур животных. Верхняя, самая большая из них изображает лошадь с непропорционально длинным туловищем. Два остальных рисунка меньшего размера. Один из них представляет, возможно, верблюда (судя по двум выступам на спине). Второй рисунок сохранился частично, в нем не хватает правой половины.

92. Большое количество перекрещивающихся косых и прямых линий, вырезанных на гладкой поверхности камня и образующих сетку.

93. Схематический резной рисунок сети. В середине изображена рыба с отчетливо обрисованными жабрами и чешуей. В верхней части сети две стилизованные резные фигуры.

94. Резное линейное изображение животного.

95. Резное линейное изображение животного, в задней части которого торчит стрела. Оперение стрелы показано в виде овала. Так же изображалось оно и на древнекыргызских наскальных рисунках в Минусинском крае.

Вторая группа изображений включает рисунки 96—99.

96. Резной линейный рисунок в виде горизонтальной линии, от которой вверх и вниз отходят короткие, косые линии.

97. Фрагмент фигуры животного.

98. Изображение верблюда (видны два горба на спине). Вытерто и оконтурено резными линиями.

99. Аналогичный предыдущему рисунок.

100. Три расположенные на одном горизонтальном уровне, грубо вышлифованные схематические фигуры. Крайний справа схематически изображает животное с длинным телом и хвостом, как бы распластавшееся в скачке.

Средний рисунок изображает заднюю половину такой же, как описанная выше, фигуры животного. Первая слева фигура почти сливается со второй.

КАМЕНЬ VIII

Один из наиболее сложных и богатых рисунками. Большая часть изображений, однако, исчезла или сохранилась в фрагментарном виде.

101. Две фигуры, изображающие животных, обращенных в противоположные стороны.

102. Серия разновременных, частично налегающих друг на друга фигур: *а*. Схематическая фигура всадника. Под брюхом животного виден свисающий вниз выступ (чепрак?). *б*. Изображение скачущего галопом коня с широко раскинутыми ногами. На выгнутой дугообразно шее животного имеются трапецевидные выступы-зубцы. Поперек фигуры видна глубоко врезанная, длинная, вертикальная полоса. *в*. Аналогичное по стилю изображение скачущего галопом коня с широко раскинутыми ногами. Расположено под описанной выше фигурой. Голова коня маленькая, очерчена плавной кривой и сливается с его шеей. На шее торчат короткие, вертикальные линии, условно изображающие гриву. Для рисунка в целом характерна своеобразная плавность и округленность линий, которыми хорошо переданы «лебединый» изгиб вытянутой вперед шеи, седловина спины, изящная округлость брюха, груди, крупа и бедер. Впечатление стремительности движения вперед усиливается необычным наклоном фигуры животного вниз. *г*. Фигура лося, судя по прямой линии спины и брюха, а также по отсутствию хвоста и постановке ног (особенно задних). *д*. Высоко поднятая вверх на длинной шее голова животного, судя по рогам — козули. *е*. Прочерченная фигура животного (?), пересеченная вертикальной чертой. *ж*. Прочерченный фрагмент фигуры животного. *з*. Миндалевидная линейная фигура. *и*. Изображение лося, стилистически сходное с рисунком *г*, голова утрачена. *к*. Крест. *л*. Человечек. *м*. Животное. *н*. Углы. *о*. Крупное, тщательно выполненное изображение жеребца с длинной подшейной кистью, коротким султаном и тремя зубцами на шее. Так же как и на рисунках *б* и *в*, фигура коня отличается рядом характерных признаков. Непропорционально маленькая голова посажена на длинной, изогнутой шее; туловище узкое и длинное, с мощной грудью и перехватом в задней части. Линии рисунка уверенные, графически четкие и плавные. *п*. Изображение лошади. По стилистической уверенности отлично как от соседнего с ним рисунка *о*, на которое он отчасти налегает, так и от других рисунков той же группы: туловище лошади на этом рисунке длинное и прямое, ноги прямые. На шее видны обычные зубцы, но непропорционально длинные, длиннее всей головы животного. Рисунки *а*, — *д*, *и*, *о*, *п* выполнены в одной технической манере. Они слегка зашлифованы, а затем обведены по контуру тонкой резной линией. Рисунки *к*, *л* резные, линейные, схематического характера.

103. Примитивные резные рисунки, расположенные в три ряда. Вверху обрывок изображения животного. В середине схематическое изображение лошади и три вертикальные линии, самая длинная из которых пересечена косым крестиком. В нижнем ряду две схематические фигуры всадников. Нижние рисунки вытерты, но дополнены тонкими линиями.

104. Фрагмент изолированного большого рисунка животного с большой, округлой мордой и одним треугольным выступом наверху. По-видимому, это передняя часть изображения лосиной самки с торчащими вверх ушами. Рисунок был в древности вышлифован, но впоследствии стерт и перекрыт новыми, более поздними изображениями. Судя по размерам уцелевшей передней части, длина его была первоначально не менее метра.

Рисунки 105—107 составляют композиционную группу.

105. Фигура лося. Под шеей зверя видна свисающая вниз кисть.

106. Лось с широко развилстыми рогами и подшейной кистью.

107. Всадник.

Рисунки 108—114 также составляют композиционную группу.

108. Стилизованная фигура животного с длинными рогами, зашлифована сплошь.

109. Грубое изображение идущего животного (конь?).

110. Кривая полоса, выполненная глубоким желобком.

111. Три вертикальные, короткие полосы. Выполнены бледно-красной краской (выцвела от времени). Рядом расположены фрагменты вытертых фигур: вверху — животного, ниже — как будто человека, над полосами — фигура в виде изогнутой полосы, заканчивающейся развилкой. Последняя заходит на соседнюю миндалевидную фигуру.

112. Большая миндалевидная фигура, выполненная шлифовкой и оконтуренная глубокими и четкими резными желобками. Посредине пересечена вертикальной резной линией.

113. Схематическое резное изображение человека с двумя островершинными головами и длинными руками, опущенными вниз. Одна рука фигуры зигзагообразно изогнута, другая прямая, заканчивается развилкой.

114. Два всадника и три животных, составляющие очень живую сцену охоты курыканских всадников на лосей. Лоси изображены на бегу, с характерными длинными ногами. Лошади на этих рисунках сходны по общему виду с фигурами лосей. Один всадник (верхний) изображен условно, второй более живо и реалистично. Он одет в узкий кафтан с высокой талией, в одной руке его лук, другая откинута назад. Характерна посадка туловища всадника. Он сидит не посредине туловища лошади, а у самой ее шеи и нагнулся вперед, к шее коня. Этим передано положение всадника, пригнувшегося к шее коня в момент стремительно-быстрой скачки, галопа. Все фигуры тщательно, но неглубоко вышлифованы и обведены тонкой резной линией по контуру. Вправо от них видна тщательно зашлифованная задняя нога большой лосиной фигуры (судя по уцелевшему фрагменту, фигура эта была не менее 1.5 м длиной). Снизу у ноги лося видна вышлифованная сердцевидная фигура, а повыше — два миндалевидных выступа (может быть, уши исчезнувших лосиных фигур).

115. Фигура антропоморфного существа с «коронай» вместо головы и только с одной рукой.

116. Рисунок животного. Напоминает лося. Отличается своеобразной стилизацией и вместе с тем каким-то тяжеловесным реализмом.

Рисунки 117—121 составляют определенную группу. Они частично налегают друг на друга.

117. Самое раннее изображение — фигура лося с массивным, широким туловищем. Голова лося очерчена реалистично и живо.

118. Всадник. Лошадь с характерной маленькой головой и султаном. У нее высокая, лебединная шея и мощная выпуклая грудь. Всадник сидит с характерным наклоном вперед. Позади виден прямой выступ (саадак?).

119. Фрагменты условных изображений двух водоплавающих птиц (головы). Ниже видны ноги исчезнувшей фигуры животного.

120. Изображение лошади с узким и длинным туловищем, под головой коня свисает вниз подшейная кисть. Под брюхом видна также свисающая вниз кисть.

121. Рисунок коня, сверху перекрыт фигурой лося с широко расставленными ногами. Фигура лося относительно пропорциональная, с хорошо выраженным горбом над лопатками. На голове видны уши и рога, очертания которых расплываются в затертом сплошном пятне. Следующая группа рисунков состоит из шести изображений (122—127).

122. Фрагмент фигуры животного.

123. Фигура животного, по-видимому самки оленя.

124. Фигура оленя.

125. Лось. Изображение выполнено точечной оббивкой в виде довольно глубокого желобка, проходящего вдоль тела. Голова и ноги выбиты сплошь. Желобки этого рисунка перекрыты сверху резными линиями, отчасти налегающих на него сверху более поздних фигур (123 и 124). Рисунки 123, 124 протерты и заштрихованы внутри в типичной раннекурыканской манере.

126. Фрагмент фигуры животного.

127. Плохо сохранившийся рисунок животного. Грубо зашлифован.

128. Передняя часть фигуры лося. Находится примерно в 10 м от рисунка 126. Рисунок пришлифован.

129. Плохо сохранившаяся фигура, по-видимому лося. Тело громоздкое, неуклюжее, с непропорционально маленькой головой. Подшейная кисть обозначена. Рисунок пришлифован.

КАМЕНЬ IX

Изолированный, небольшой скалистый выступ.

Верхний ярус

130. Схематическое изображение животного (лошади?).

131—132. Остатки изображений лошадей курыканского стиля (сохранились только задние части фигур); рисунок, расположенный справа, сохранился лучше левого. Над телом коня выступает на косо поставленном стерженьке флажок. Рисунки заштрихованы внутри продольными штрихами.

133—134. Остатки изображений животных.

Средний ярус

135. Единичный рисунок всадника. Рисунок коня выполнен грубо. Рисунок человека необычен: он изображен во весь рост, сбоку. Рисунок вытерт и обведен контурными линиями.

Нижний ярус

136. Изолированный рисунок в виде двух окружностей, в каждую из которых вписана вторая окружность. Обе окружности пересечены вертикальными линиями и соединены сверху кривой линией. Рисунок выполнен глубоко врезанными полосками — желобками.

137. Выцарапанная тонкими линиями копия рисунка 136, явно сделанная позже, в подражание ему. Кроме того, на том же камне заметны следы других, погибших от времени резных линейных рисунков.

КАМЕНЬ X

На высокой и широкой отвесной плоскости скалы (около 18 м шириной, 8 м высотой) остались стертые следы многочисленных когда-то рисунков.

138. Одно большое изображение. На нем представлено два человеческих лица. Первое из них — в виде широкого овала, верхняя часть которого перекрыта как бы широкой и длинной лапой, вроде медвежьей, с шестью кривыми, довольно короткими когтями, загнутыми вниз. Нечто похожее на когти есть и на противоположном конце лапы. Однако здесь эти когти (в количестве двух) загнуты в обратном направлении, т. е. вверх. На лице, перекрытом лапой, изображен только большой, овальный рот, обозначенный нетронутой поверхностью скалы, тогда как все остальное пространство сплошь тщательно вытерто и даже зашлифовано. Второе лицо, помещающееся рядом и несколько ниже первого, очень характерно: верхушка его узкая, скуловая часть резко расширена. Глаза узкие и помещаются под самой верхушкой, как бы у темени. Нос большой, длинный и широкий. Внизу коротким выступом обозначена шея. Сбоку с темени свисает пышный султан из перьев или что-то вроде длинного пука волос. Такие же пучки волос или кисти имеются на фигурах всадников с наскальных изображений Минусинского края, принадлежащих енисейским кыргызам. Они имеются и на изображении всадника, которое украшает золотой сосуд из клада в Надь-Сент-Миклоше (Венгрия).

139. Вышлифованная условная фигура в виде широкой полосы с узким отростком на левом ее конце.

140. Два схематических рисунка всадников.

КАМЕНЬ XI

Представляет собой отдельный скалистый выступ. В 10 м выше камня X, между ним и камнем XI, на рыхлой земле у подножия скалы (на карнизе шириной около 2.5 м над уровнем

реки) найден превосходно отделанный, небольшой топорик серовского типа, изготовленный как обычно, из серого кремнистого сланца, покрытого сверху голубоватой патиной.

В глубокой и узкой щелевидной нише у камня XI находилось прежде скальное погребение, от которого уцелели только обломки шитых конским волосом полотниц из бересты, а также обломки деревянных планок. По рассказам местных жителей, в нише (вернее, глубокой расщелине скалы) были обнаружены кости человека и медный котел. Погребение это может быть датировано скорее всего поздним железным веком.

Верхний ярус

141. Изображение, напоминающее голову и туловище огромной рыбы, увенчанное двумя небольшими рожками у самой морды.

Средний ярус

Состоит из серии разновременных фигур, выполненных разной техникой.

142. Фертообразная фигура, от которой отходит в сторону подобие птичьей головы на длинной шее. Слабо вытертое. Рядом изображение круга с перекрестьем внутри и отходящим вверх длинным стержнем, фрагментарный рисунок животного, заштрихованный внутри и обведенный резной тонкой линией, два человечка, стоящих рядом. Вышлифованы.

143. Линии, образующие подобие шалаша из древесных ветвей. Резные линии рисунка очень старые, так как по тону не отличаются от скального фона.

144. Линейный рисунок. На нем видно, что изображено куполообразное жилище типа чума или якутского *отуу*.

145. Три фигуры. Слева грубо изображено животное, напоминающее быка, может быть с условно переданной фигурой седока на спине. Справа изображена фигура, аналогичная повозкам в серии рисунков, изображающих на шишкинских писаницах перекочевки. Между повозкой и быком вписана позже резная человеческая фигура.

146. Миндалевидная фигура.

147. Линейный рисунок. По-видимому, это схематическое изображение человеческой фигуры. Рисунок относительно свеж.

Нижний ярус

148. Две фигуры. Справа видна фигура убегающей козули. Сзади едет всадник на коне, грива которого украшена четырьмя прямоугольными зубцами. Рисунок зашлифован и обведен тонким резным контуром.

149. Изображение животного. Фрагментарно.

150. Внизу — задние половины двух обращенных головами друг к другу животных (олений или лосей). Обе фигуры были слегка вышлифованы и обведены резным тонким контуром. Над оленьими фигурами имеются две миндалевидные, заштрихованные внутри фигуры. Возможно, это уши исчезнувшей большой фигуры лося.

151. Фигура животного, возможно собаки. Обращена мордой влево.

КАМЕНЬ XII

Изображения находятся под «жертвенником» Хара-Ажирая, в небольшой нише, под выступом скалы в виде навеса. Рисунки в большинстве выполнены резными линиями и покрыты густым скальным загаром. Вверху нарисована сцена перекочевки, ниже — всадник и четыре человеческие фигуры. В самом низу имеется изолированная группа рисунков, выполненных иной техникой, вытиранием.

Первая группа рисунков, изображающая сцену перекочевки, состоит из пяти рисунков, вытянутых по одной линии в виде узкой полоски (152—156).

152. Изображение быка и повозки. На повозке сверху видно что-то вроде балдахина или грибовидной крыши. Внизу ее висят кисти.

153. Аналогичный рисунок быка и повозки, изображенной, однако, несколько иначе: повозка имеет широкий кузов с выступом впереди, похожим на карниз. Внизу видны два колеса.

154. Аналогичный рисунок быка и повозки. Повозка увенчана грибообразным выступом — балдахином. Внизу видны три широкие кисти.

155. По-видимому, нижняя часть более крупного рисунка повозки.

156. Изображение быка и повозки. Кузов повозки снабжен таким же, как и на рисунке 153, выступом спереди. Под кузовом видны три таких же выступа, напоминающих колеса.

157. Загадочная фигура в виде окружности, внутри которой находится изображение, напоминающее голову животного.

158. Условно-схематический рисунок, состоящий из кривых и прямых резных линий. Вторая группа рисунков состоит из пяти изображений (159—163).

159. Схематическое изображение всадника.

160. Схематическое изображение стоящего человека.

161. Фигура человека, аналогичная предыдущей.

162. Схематическое изображение человека.

163. Схематическое изображение человека. Положение обеих последних фигур таково, что они как бы обращаются друг к другу с протянутыми руками. Рисунки 159—163, затерты узкой полосой.

Третья группа рисунков состоит из четырех изображений (164—167).

164. Фрагмент фигуры животного (?).

165. Схематическое поясное изображение человека с опущенными вниз руками.

166. Фрагментарное схематическое изображение всадника.

167. Группа изображений всадников. Вверху имеется изображение всадника, сидящего на коне с зубчатой гривой и султаном. Ноги коня тонкие, подогнутые в коленях. Туловище коня узкое, поджарое. Под этим изображением находятся две другие фигуры всадников. Одна из них, левая, сохранилась только отчасти. Другая фигура всадника, правая, трактована так же, как и верхняя фигура всадника, но отличается от нее наличием тройной зубчатой короны или, может быть, рогатого головного убора, похожего на рогатые шапки древних якутов, *муостааг бергея*.

КАМЕНЬ XIII

Изображения расположены на сравнительно небольшой, гладкой плоскости, защищенной сверху и снизу выступами скалы. Прямо над ней возвышается «жертвенник» Хара-Ажирая. Рисунки зашлифованы, большинство их обведено по контуру тонкими резными линиями. Не зашлифованы только два рисунка. Зашлифованные рисунки выделяются на шероховатой, темно-кирпичной поверхности скалы своей гладкой «фактурой» и местами своеобразным жирным блеском. Изображения повозок отличаются тем, что в них сочетаются зашлифованные поверхности с незашлифованными, только лишь обведенными тонким резным контуром.

Рисунки располагаются пятью поясами, «строками». Вверху изображена группа человеческих фигур и две лошади. Ниже видны обрывки какой-то фигуры и два человека, один из которых держит за повод коня. В третьем поясе слева видно изображение рыбы и за ним ряд человеческих фигур, взявшихся за руки. В четвертом поясе расположены человеческие фигуры, повозка и животные. Отдельно, в самом низу, на обособленном выступе скалы сохранились обрывки вытертых фигур (рис. 14).

168. Часть рисунка лошади.

169. Фигура лошади, обращена вправо, к крайнему слева в ряду человеческих фигур рисунку. Человек этот, очевидно, держит лошадь за повод.

170. Фигура человека, изображенного стоя, в широком, длинном платье, напоминающем монгольский халат.

171—174. Аналогичные по характеру изображения человеческих фигур.

175. Остатки погибшего рисунка.

176. Изображение человека, обернувшегося к соседнему изображению человека.

177. Изображение человека такого же типа, как описано выше. В руках у него повод, за которым находится лошадь.

178. Рисунок коня, обращенного влево, к соседней с ним человеческой фигуре. На голове коня виден султан.

179. Рисунок рыбы. Возможно, голова животного с длинной шеей.

180—192. Схематические изображения тринадцати человеческих фигур, взявшихся за руки.

193. Изображения двух быков и повозки, один бык спереди, другой сзади. Повозка имеет сверху грибообразный выступ — навес. Кузов ее треугольный, с двумя полукруглыми выступами по бокам. Между кибиткой и вторым быком видно схематическое линейное изображение человека.

194. Аналогичные изображения двух быков и повозки, расположенных в том же порядке, как и на предшествующих рисунках. Над головой переднего быка виден какой-то предмет в виде треугольника с отходящей от него к голове быка длинной линией.

195. Линейный рисунок дуги, возможно являющийся частью незаконченного изображения повозки.

196. Рисунки быка и повозки обычного типа.

197. Изображение трех человеческих фигур.

198. Человеческие фигуры, расположенные в ряд с предыдущими тремя фигурами.

199. Фрагмент повозки типа описанных выше.

200. Схематическое изображение двух животных.

201. Изображения людей типа описанных выше.

202. Фрагмент изображения животного.

203. Фрагменты изображений животных.

204. Фрагменты человеческих фигур.

205. Резные линейные рисунки: слева две короткие линии и схематический рисунок звезды, в середине куполовидная фигура, справа неправильный четырехугольник, пересеченный крестообразно двумя поперечными линиями.

206. Серия фигур всадников, животных и человеческих фигур. Из них два крайних слева протерты неглубоким желобком, остальные грубо процарапаны резными линиями. Все фигуры очень схематичны, особенно человеческие. Характерной особенностью их является манера изображения пальцев рук и ног короткими прямыми палочками, развилками.

207. Два грубо протертых рисунка животных.

КАМЕНЬ XIV

Расположен на самой вершине скалистого обрыва Шишкинских скал, вблизи «жертвенника» Хара-Ажирая. Изображения находятся на отдельной широкой плоскости красного песчаника. Они группируются двумя скоплениями.

Группа первая состоит из четырех рисунков (208—211).

208. Грубое схематическое изображение всадника. Рисунок вытерт, ноги коня вышлифованы узкими желобками.

209. Изображение всадника. На голове коня султан.

210. Рисунок из резных линий, изображающих фигуру.

211. Две длинные параллельные линии, заканчивающиеся метелкой. Рядом, справа, имеется резной знак в виде трезубца, обращенного остриями вниз.

Вторая группа изображений находится на расстоянии 4 м вверх по реке от первой группы. Она состоит из десяти фигур. Все фигуры выполнены очень грубо (212—221).

212. Схематически трактованная фигура всадника.

213. Стилизованная фигура животного.

214. Схематически трактованная фигура человека.

215—217. Схематические изображения человечков.

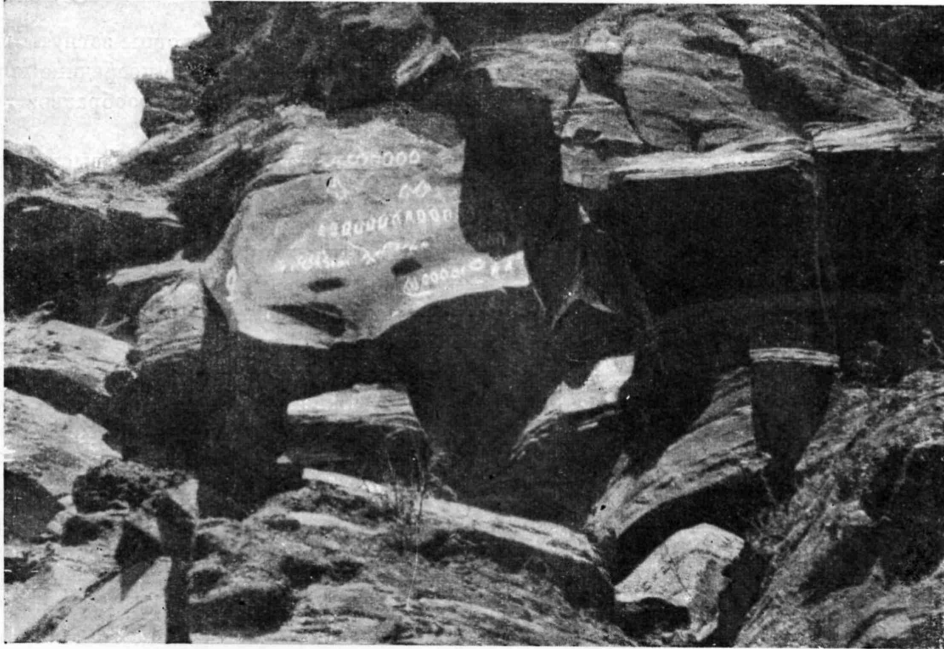

Рис. 14. Рисунок под «жертвенником» Хара-Ажирая.

218. Схематическое изображение всадника.

219. Треугольник, от которого сверху отходят в стороны две линии.

220. Схематическое изображение человека.

221. Верхняя часть человеческой фигурки.

222. Фрагмент изображения всадника (?) с поднятыми вверх руками и круглой головой. Рисунки 212—222 тщательно вытерты, почти вышлифованы.

223. Резная линейная фигурка, схематически изображающая человека.

224. Схематическая линейная фигурка человека. Рисунки 223, 224 относительно древние по тону, но светлее остальных изображений.

КАМЕНЬ XV

Рисунки находятся на изолированной плоскости песчаника.

225. Остаток примитивной фигуры животного.

226. Грубое изображение животного, скорее всего лошади. Голова коня вытерта, очерчена тонкой линией и заштрихована внутри.

227. Две схематические фигуры животных, левая по общим очертаниям напоминает собаку.

228. Схематическое изображение человека и животного с маленькой, острой мордой.

КАМЕНЬ XVI

Рисунки располагаются на большой плоскости скалы. Из них два (изображение лодки — 236 и антропоморфного существа — 234) вырезаны неглубокими резными линиями. Остальные вытерты и частично оконтурены тонкими резными линиями.

Девять рисунков (229—237) составляют большую композиционную группу.

229. Изображение человека, стреляющего из лука.

230. Изображение небольшого животного, по-видимому, собаки.

231. Всадник. Задние ноги лошади отличаются тем, что их нижние концы загнуты вперед, подобно ступням. Фигура всадника выполнена тщательно, тело его имеет посредине перехват узкой талии, руки дугообразно свисают вниз. Позади торчит стержень с дугообразной поперечиной наверху.

232. Всадник. Голова коня маленькая, изогнутая вниз, на короткой шее выступают три зубца, под шеей свисает кисть.

233. Верхняя часть человеческой фигуры.

234. Антропоморфная линейная фигура, очень схематическая. Голова длинная, «столбобразная».

235. Схематический линейный рисунок судна с высоким и длинным носом (или бечевой?). Изображена мачта, от которой отходят вниз и в стороны поддерживающие ее веревки — ратяжки. Сзади рулевое весло. В передней части рисунок лодки налегает на более древнее изображение животного, от которого уцелели две ноги, должно быть передние.

236. Фрагментарное изображение лошади с всадником. На шее коня три зубца, внизу уздечка.

237. Всадник, едущий навстречу описанному выше (236). На шее схематически трактованного коня видны три вертикально торчащих зубца и два отдельных зубца, соответствующих, очевидно, ушам. Несмотря на схематический характер изображения, оно хорошо передает бег коня галопом. Он вытянул шею вперед, передние и задние ноги его распластаны в беге, хвост выгнут дугой. У всадника, протянувшего правую руку к шее коня, в левой руке находится флажок.

Вторая композиционная группа состоит из восьми рисунков (238—245).

238. Условный знак в виде трех резных вертикальных линий.

239—244. Шесть всадников. Вытерты, но некоторые детали их, как видно на рисунке, сделаны линиями. Четыре всадника (239—242), едущих друг за другом в ряд, выполнены рукой одного рисовальщика и в одно время. Рисунки лошадей грубые и тяжеловесные: отличаются особыми пропорциями — не удлинненными, как на типично курыканских рисунках, скорее короткими телами; шеи лошадей не дугообразно выгнутые, а вздернуты кверху. Фигуры всадников большеголовые, прямые — без талии; позади них видны развевающиеся полосы от саадака. Рисунки 243, 244 отличны от описанных выше. Рисунок 244 изображает всадника с флагом на длинном древке. Под средней частью тела коня видны свисающие вниз ноги всадника и переданная в виде трезубца кисть. Рисунок 243 представляет собой точную, но ухудшенную и уменьшенную копию находящегося непосредственно над ним рисунка 244.

245. Фрагментарное изображение животного. Выполнено грубо (затерто), голова изображения не уцелела.

Третья группа изображений состоит из десяти рисунков (246—255).

246. Всадник с луком.

247. Всадник. Рисунок расположен рядом с рисунком 246, вправо от него. Фигура всадника заканчивается горизонтальной поперечной полосой.

248. Всадник с луком, скачет во весь опор. Тело лошади длинное, узкое.

249. Всадник. Одна рука всадника загнута вверх, в другой виден флажок на коротком древке.

250. Человек с флажком в одной руке. На голове крючкообразно загнутый влево головной убор (шлем с пером?). Обращают внимание утрированно широкие плечи и узкая талия фигуры.

251. Антропоморфная фигура.

252. Схематическое изображение человека.

253. Нижняя часть фигуры животного.

254. Всадник. Сидит почти на крупе коня. На гладком фоне скалы имеются сплошь вытертые рисунки, но видны они слабо.

255. Изолированное линейное изображение человека.

Следует добавить, что на гладкой вертикальной плоскости песчаника, густо покрытой скальным загаром, было много вытертых и резных (тонкими штрихами) изображений. Но все эти изображения не могут быть полностью прослежены и едва угадываются. В общем это рисунки лошадей и всадников курьканского стиля.

КАМЕНЬ XVII

Один из наиболее богатых рисунками. Рисунки расположены на разных уступах — ярусах, ступенчато возвышающихся один над другим и занимающих обширные плоскости красного песчаника.

Верхний ярус

256. Фрагмент большой фигуры животного (лося?).

257. Фрагмент изображения животного (голова и шея).

258. Фигура лося.

259. Тщательно вытертая, почти зашлифованная фигура всадника. На шее коня четыре зубца. Под брюхом коня чепрак. У всадника в руках лук, обращенный выпуклостью дуги назад, а не вперед, как обычно.

260. Изолированный схематический рисунок животного, сделанный резными линиями.

Рисунки 261—267 составляют композиционную группу.

261. Резной линейный рисунок. Выделяется на фоне остальных, соседних с ним изображений как своими крупными размерами, так и подчеркнутой примитивностью. Это условная фигура животного с уродливой, ромбической головой.

262—267. Рисунки небрежные, линейные, слабо процарапаны, изображают кибитки. Рисунки 265—267 слабо процарапаны.

Вторая группа изображений включает рисунки 268—284. Рисунки эти одновременны. Ядро композиции составляют крупные фигуры лосей и всадника, характеризующиеся единством стиля.

268—269. Сцены погони всадника за лосем. Всадник одет в узкое платье с резко выраженным перехватом талии. На голове виден шлем или коническая шапка с пером-султаном. В левой руке лук, в правой аркан — лассо. На голове коня султан. Ноги всадника свисают вниз. Рядом до самой земли свисает подбрюшная кисть. Рисунок всадника вытерт, обведен по контуру тонкой резной линией. Фигура лося большая неуклюжая.

270. Схематический условный рисунок, напоминающий птицу, повернувшую голову назад.

271. Рисунки, расположенные непосредственно под рисунками 268 и 269, являются точным, но уменьшенным втрое повторением верхней группы.

272. Большая сцена погони всадника за лосем. Сцена эта привлекла внимание еще одного древнего художника, который, однако, повторил на этот раз копию своего непосредственного предшественника, а не исходный образец — оригинал. Он скопировал его рисунок, но в более упрощенной, схематической форме, в меньшем размере, и только одну главную фигуру — всадника. Лучше всего в его копии удался конь. Он изображен в совершенно такой же позе и та-

ких же пропорциях, но только без султана. Сама же фигура всадника пострадала от времени, от нее осталась только голова с шеей, а султан, откинутый назад, превратился в два рога.

273. Остатки нижней части человеческой фигуры.

274. Схематическое изображение человека.

275. Фрагмент изображения человека.

276. Голова животного, по-видимому оленя.

277. Фигура скачущего животного.

278. Разные изображения животных. Фрагментарны.

279. Стилизованная фигура человека.

280. Резная стилизованная фигура человека, выполненная крайне схематично.

281. Изображение животного. Туловище вытерто, ноги резные.

282. Схематическое изображение животного, судя по хвосту — лошади.

283. Остатки грубо выполненного изображения животного.

284. Изображение всадника.

285. Изображение животного.

286. Изображение животного, по-видимому лошади.

287. Задняя часть рисунка животного, остальное неразличимо.

288. Большая, хорошо сохранившаяся, реалистически выполненная фигура лося с характерной подшейной кистью.

289. Грубая фигура лошади.

290. Крупная фигура животного, судя по общим очертаниям тела и круто выгнутой шее — лошадиная.

291. Типично курыканский всадник. Тело коня массивное, особенно выделяется мощная, утрированная грудь; голова маленькая, на круто поднятой шее. Хвост лошади заходит на соседнее, несомненно более древнее изображение лося (288).

292. Грубое изображение человека в рост. Находится под брюхом животного (290).

Рисунки 268—292 шлифованы. Под ними на всем протяжении видны следы более ранних контурных и заштрихованных рисунков.

293. Резной линейный рисунок скачущего галопом животного. На этом изображении впоследствии было нанесено другое, означающее, должно быть, мачту с растяжками, подобную мачте судна на рисунке 235.

294. Резные линии — остатки какого-то рисунка.

295. Грубая фигура животного.

296. Две резные головы животных, одна под другой, уцелевшие от исчезнувших фигур. Вверху голова оленя с характерными рогами. Внизу голова оленьей самки(?).

297. Передняя часть фигуры животного.

298. Группа схематических изображений, выполненных в одной манере. Вверху слева изображены два следующих друг за другом животных. Ниже имеются две более крупные фигуры животных. Первая фигура, очевидно, изображает лося, вторая — всадника на коне. Еще ниже изображены три фигуры: первая слева — всадник с луком, вторая — лошадь, третья фигура изображает всадника. Фигура первого слева всадника изображена довольно детально. Все рисунки шлифованы и частично обведены тонкой резной линией.

Средний ярус

299. Изолированная фигура всадника, выполнена способом вытирания. Выделяется круто поднятой, длинной лошадиной шеей. Задняя часть рисунка не сохранилась.

300. Схематическое изображение человека.

301. Остатки фигуры животного (передняя часть изображения лошади?).

302. Изображение птицы или человека. Сохранилось неполностью.

303. Остатки двух лошадиных фигур.

304. Схематическая фигура всадника.

305. Сцена, состоящая из примитивных фигур. Вверху нарисованы две фигуры животных (лошадей) и одна человеческая фигура, соединенная нитью с одним из животных. Внизу животное, похожее на собаку с головой, поднятой кверху.

306. Сцена охоты. Впереди бежит дикая коза (козуля) с характерным для нее крутым задом и широко раскинутыми во время скачков прямыми ногами. За ней гонится собака. Под фигурой собаки находится еще одна звериная фигура, более крупная, грубее выполненная, сзади скачет на лошади всадник с широко распростертыми в стороны руками.

Рисунки 307—312 составляют композиционную группу. Она состоит из резных линейных рисунков.

307. Знак в виде трезубца и голова животного.

308. Квадрат с косым крестом внутри (знамя?) и две пересекающиеся под углом прямые линии.

309. Два всадника.

310. Изображение человека с рогами на голове.

311. Всадник с луком в руках, преследующий козу.

312. Животное, напоминающее по виду лису.

Нижний ярус, А

313. Резные линии, расположенные горизонтально.

314. Грубое изображение животного. На шее животного торчат зубы.

315. Всадник. По цвету несколько светлее скального загара плоскости скалы.

316. Изображение животного. Рисунок 316 вместе с находящимся рядом рисунком 315 составляет одну сцену охоты: всадник на всем скаку стреляет в прыгающее впереди животное, в спине которого торчит стрела.

317. Наверху виден горизонтальный ряд из девятнадцати человеческих фигур в длинной одежде, взявшихся за руки. Фигуры затерты, по цвету значительно светлее, чем фон скалы, покрытый сплошным скальным загаром. Внизу изображено две пары человеческих фигур. В одной паре левая фигура изогнута и нагнулась к правой, держа ее за руку. Вторую пару составляют взявшиеся за руки, такие же, как вверху, фигуры людей.

318. Резными, довольно глубокими линиями прочерчен контур фигуры, может быть изображающей часть кибитки. Слева и справа от этой фигуры отдельные линии — обрывки какой-то фигуры (изображение животного). Справа схематически нарисована козуля.

319. Сцена из трех фигур. Слева оседланный конь с султаном на голове (?); в середине человек, как бы стоящий на коленях перед полусидячей фигурой, протянувшей к нему руку. Рисунки затерты, частично оконтурены резными линиями и несколько светлее, чем фон скалы. По сохранности одновременны рисунку 318.

320. Слева изображены три всадника, едущие один за другим. Рисунки отличаются тщательным выполнением деталей: у всадников видны палучья (саадаки) с развевающимися позади лентами, подшейные и подбрюшные кисти, луки, головные уборы с перьями. Рисунки обведены неглубоким, узким желобком по контуру. Внутри рисунки пришлифованы. С правой стороны имеется несколько затертых фигур и процарапанных линий. Среди них хорошо видна фигура человека в кафтане с перехваченной узкой талией, поднявшего руки кверху. Рядом видна еще одна фигура человека с поднятыми вверх руками. Человек одет в узкий, с хорошо выраженной талией кафтан, внизу ясно видны две ноги в узкой, высокой обуви. Сбоку, у талии фигуры, виден выступ в виде искривленного кверху стержня. С края композиции несколько обособленно от всех остальных расположена третья фигура человека в таком же узком, в талию, кафтане и высокой обуви.

Рисунки 321—323 составляют композиционную группу.

321. Детально и тщательно изображенная сцена перекочевки. На рисунке впереди видна лошадь, за которой едет всадник с саадаком; за ним едет второй конный воин, на голове которого находится, по-видимому, шлем, а за спиной налучье. Затем один за другим идут быки, тянущие повозки — кибитки двух видов. Быки связаны друг с другом (через повозки) поводьями. Изображения вытерты, прошлифованы внутри и обведены по контуру плавным, неглубоким желобком. Под этой композицией расположены резные рисунки, копирующие вышеописанные кибитки (рис. 15).

322. Грубо прочерченная тонкими резными линиями фигурка человека.

323. Грубо процарапанный рисунок в виде неправильного квадрата с вертикальными штрихами внутри. Рядом примитивная фигурка человека (однорукая).

324. Два типично позднекурыканских по стилю всадника на широкогрудых конях с высоко поднятой головой и зубцами на шее. В руках у всадников, по-видимому, арканы. Впереди видна схематически трактованная фигура человека, стоящего с опущенными руками (рис. 16).

325. Схематическая линейная фигура.

Нижний ярус, Б

326. Грубо выполненная фигура животного; плохо сохранилась.

327. Сложная композиция из ряда рисунков. Хорошо видны две бегущие олени фигуры, направляющиеся к сети. Затем имеется ряд условных геометризованных фигур, выполненных резными линиями, в том числе схематическое изображение человека, стреляющего из лука, два знака в виде заштрихованных внутри треугольников, от основания которых опускаются вниз стержни. Справа изображен всадник, едущий на коне, у коня на шее видны торчащие зубцы. Контурные фигур и линейных рисунков выполнены желобками, варьирующими по глубине от легких царапин (хвост коня) до глубоких врезов (вторая слева фигура оленя, сеть, соседние два схематических знака).

328. Композиция из группы животных и условных геометризованных фигур. Рисунки выполнены процарапанными линиями.

329. Схематическое изображение всадника. Изображение затерто, контур обозначен резной тонкой линией.

330. Всадник.

331. Четыре человеческие фигуры в длинной одежде, стоящие в ряд. У одной фигуры в руках жезл, одна подняла вверх руки. Около человеческих фигур справа видно грубое изображение животного с непомерно большой головой.

332. Грубое изображение человека.

333. Фигура оленя, очерченная одной резной линией. Около рогов оленя имеется прочерченный условный знак сердцевидных очертаний.

334. Всадник со знаменем в руке. Флаг имеет вид прямоугольного полотнища, от которого симметрично свисают вниз три прямых хвоста. На голове всадника два рога. На шее лошади зубцы, на голове султан, под шеей условно воспроизведена кисть. Рисунок очерчен слабой контурной линией. Внутреннее его пространство неравномерно затерто.

335. Условная фигура (стилизованное изображение змеи?), очерчена желобком. Слева от нее наклонная полоска, выполненная той же техникой.

336. Группа из двух оленей и других условных изображений, в том числе стилизованных кибиток (?). Изображения выполнены резными линиями и частично затерты.

337. Всадник на лошади и три схематически выполненные стоячие человеческие фигуры. Рисунки затерты и обведены по контуру еле заметной линией.

338. Композиция из трех фигур — двух всадников и лося (?) между ними. Рисунки curly-канского стиля, затерты добела. Плохо сохранились.

339. Грубый рисунок животного (лошадь?).

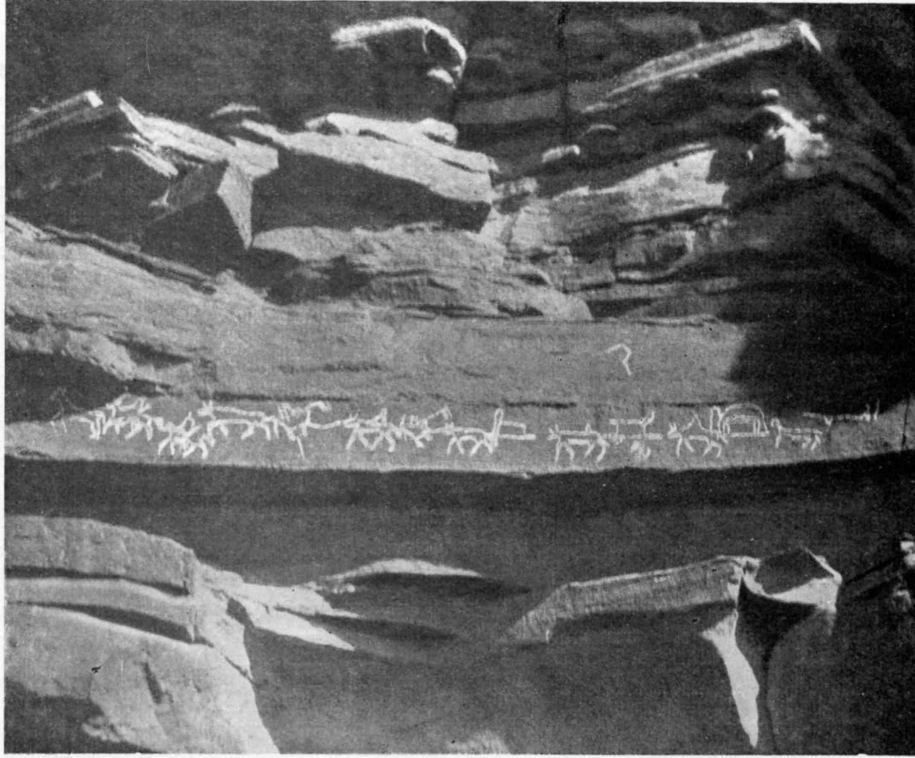

Рис. 15. Сцена перекочевки.

Рис. 16. Всадники и антропоморфная фигура.

340. Две грубые фигуры животных, идущих друг за другом. Рисунки сохранились плохо.
341. Сложная композиция из ряда сильно пострадавших от времени рисунков: своеобразно стилизованные всадники, фигуры, напоминающие шатры или кибитки (?), поясная фигура человека, лось (?). Рисунки тщательно вытерты.
342. Превосходно выполненная в курьканском стиле фигура лося. У лося необычайно легкое и изящно очерченное туловище, легкие, сухие ноги, маленькая голова с подшейной кистью и «спицами» — рогами (или ушами). Подчеркнуто обозначен маленький, торчащий вверх хвостик. Весь рисунок поражает сходством с фигурами курьканских лошадей; сходство это особенно ярко выражено в специфической манере изображения бедер коня.
343. Три человеческие фигуры в длинных одеждах. В середине фигура человека с луком.
344. Человек с изогнутым туловищем.
345. Фигура животного (лося?). Заштрихована и пересечена косыми поперечными линиями. Возможно, рисунок изображает зверя, находящегося в охотничьей изгороди или в сети.
346. Сцена охоты (?). Изображены две обращенные вправо стоячие человеческие фигуры с луками. Одна из них, выполненная наиболее детально, имеет высокий головной убор с пером или кистью и короткий кафтан. В руках лук, направленный на стоящего рядом зверя (лося?). Лицом к последнему справа стоит третья человеческая фигура своеобразных очертаний. Рисунки зашлифованы и оконтурены узкими желобками; луки переданы глубокими, желобчатыми полосками.
347. Сцена перекочевки скотоводческой группы. Впереди едет всадник, сидящий как будто на быке, на крупе животного. Бык тянет кибитку с двумя окнами (?) в ней. За кибиткой идет второй бык, на котором тоже сидит всадник. Далее расположен ряд глубоких условных рисунков — всадники, в том числе всадник с луком, змея (?), кибитка (?), бык.
348. Фигуры животных, пересекающие и перекрывающие друг друга. Контуры фигур обозначены желобками, внутренняя поверхность их сплошь зашлифована. Ранее этих рисунков на том же месте была изображена (вытерта) лошадь, фигура которой перекрыта более поздним рисунком животного.
349. Три человеческие фигурки в длинных халатах.
350. Схематически трактованная фигура коня и всадник. Внизу условно изображено какое-то животное (собака?). Рисунки выполнены резными линиями, наиболее глубокими на фигуре коня.
351. Три небрежно процарапанные линейные человеческие фигурки. Две имеют признаки мужского пола.
352. Человеческая фигура.

КАМЕНЬ XVIII

Рисунки располагаются на высокой изолированной скале.

353. Довольно грубое изображение животного.
354. Антропоморфное изображение человека или птицы с распростертыми крыльями.
355. Изображение всадника. Рисунок сильно пострадал. Узнается по красно-бурой расцветке скалы на этом месте. Рядом, слева, антропоморфная фигура.
356. Три грубо вытертых, фрагментарных изображения животных.
357. Две грубо вытертые фигуры животных. Крайняя слева фигура перекрыта сеткой из коротких вертикальных и длинных горизонтальных линий. Здесь изображена, очевидно, сцена ловли животных в западню или ловчую сеть.
358. Условные рисунки, выполненные резными линиями.
359. Изображение скачущего коня. Поблизости много следов других рисунков.
360. Два антропоморфных изображения.
361. Плохо сохранившийся рисунок, напоминающий нижнюю часть фигуры человека.
362. Ряд изображений. Внизу два изюбра с ветвистыми рогами, над ними две фигуры жи-

вотных, идущих в разные стороны. У одного из них на спине виден стреловидный знак (стилизованная фигура человека?). Вверху схематически изображены два стоящих рядом человека. Справа от них большая, грубая фигура животного со странно трактованной головой. Выше три антропоморфные фигуры (рис. 17).

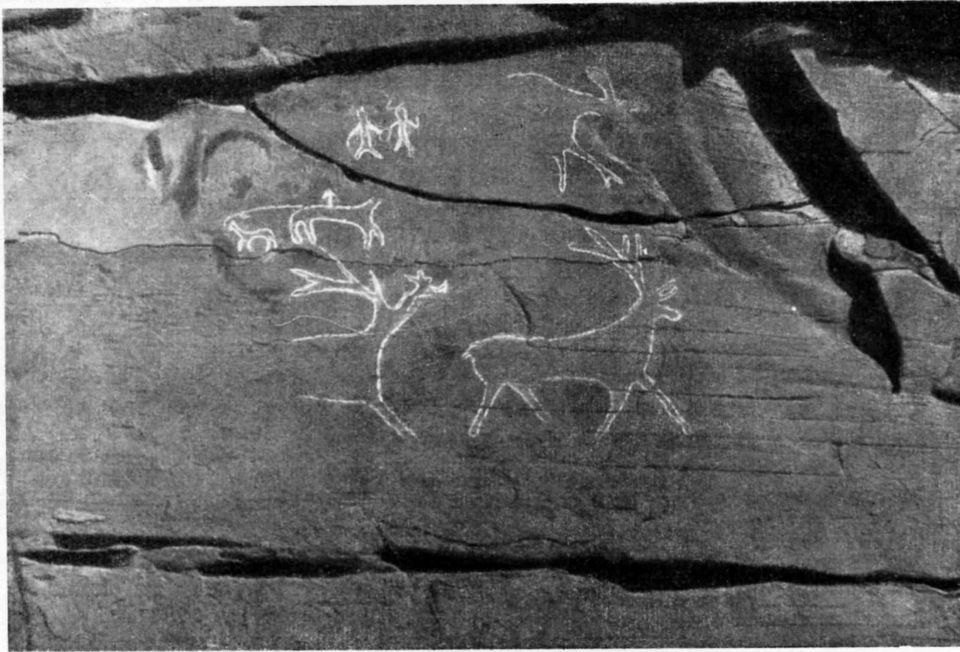

Рис. 17. Изображения животных и антропоморфные фигуры.

363. Внизу глубоко выбитая в скале, изогнутая полоса, по-видимому представляющая начало выбивки фигуры животного, контур его спины. Выше, слева, семь человечков, схематически выполненных, плохо сохранившихся. Справа от них резные изображения всадника (?) и человечков, выполненные резными линиями. Слева грубое вытертое изображение всадника.

364. Антропоморфная фигура.

КАМЕНЬ XIX

Верхний ярус

365. Две фигуры животных, одна большая (лоси?), выше — одна маленькая.

366. Фигура животного. Затерта.

367. Остатки изображений всадников и пеших людей, выполненных сплошной горизонтальной штриховкой.

Средний ярус

368. Крупное изображение лося.

369. Схематическое изображение человека и условная фигура в виде треугольника со ступенчатым основанием.

370. Две фигуры лосей, идущих один за другим.

371. Серия фигур. Из них три были выполнены шлифовкой. Это два схематических, поясных изображения человеческих фигур с воздетыми вверх руками и маленькой, едва заметной

головой, а также всадник. На коне султан; за всадником, наклонившимся к шее коня и протянувшим руки вперед, виден саадак со свисающим флажком на конце. Остальные изображения выполнены тонкими резными линиями: схематическая фигурка человека, зигзаг, животные, в том числе одно, в котором торчит схематически изображенная стрела с оперением на древке, шалаши, кривая длинная полоса, дугообразное сооружение с подобием розетки внутри и выступающей наружу справа кривой полосой, заканчивающейся овальным расширением (змея?).

372. Две схематические фигуры: изображение человека и треугольный длинный выступ.

373. Схематический рисунок в виде несомкнутого кольца с загнутыми внутрь концами.

374. Фрагменты вытертых и зашлифованных внутри изображений. Выделяется изображение всадника, выполненное тончайшими резными линиями.

375. Серия фигур; слева направо: два животных (одно, судя по длинному хвосту и челке, — лошадь), две условные человеческие фигуры; одна из них сидит, вытянув ноги, другая стоит.

Нижний ярус

376. Крупное изображение лося.

377. Олень.

378. Фигура всадника.

379. Стилизованное изображение всадника.

380. Крупная фигура всадника. Всадник одет в узкий кафтан, перетянутый в талии. В руке его виден лук. У лошади под шеей свисает кисть. Голова ее крупная, на круто подтянутой, тонкой шее.

381. Небольшое, схематическое изображение животного.

382. Фрагмент изображения в виде высокой, узкой дуги.

383. Фигура животного. Все рисунки вытерты.

КАМЕНЬ XX

384. Лось.

385. Группа прочерченных линейных изображений; животное, «звезда», «елочка», решетка, башня с куполом (?) и непонятные схематические фигуры около нее, юрта с тремя выступами на крыше (?), кибитка (?), животное.

386. Всадник. У коня маленькая голова и зубцы на шее. Рисунок грубый.

387. Изолированное изображение животного. Выполнено грубо.

КАМЕНЬ XXI

388. Голова животного.

389. Фрагмент фигуры всадника.

390. Два грубо протертых условных изображения животных.

391. Две фигуры оленей, идущих друг за другом. Вышлифованы.

КАМЕНЬ XXII

Утес, на котором выполнены рисунки, выступает двумя гранями.

392. Легкой резной линией прочерчены две стоящие мужские фигуры. Справа от каждой фигуры имеются остатки еще двух человеческих фигур.

393. Слева линейная фигурка человека, справа две вертикальные линии. Рядом грубо протертая фигура животного.

394. Схематическая фигурка животного, выполненная тонкими резными линиями.

395. Пришлифованное, слабо заметное изображение человека по пояс. Рядом грубая фигура животного. Поблизости видны следы рисунков животных.

396. Ряд стилизованных резных фигур: голова быка, фигуры животных, рыбы, всадник (?). Рисунки затерты, они значительно светлее, чем скалистый фон, на котором выполнены.

397. Ряд фигур, тщательно зашлифованных, но полностью не сохранившихся. Среди них видны: фрагмент фигуры животного (?), квадрат с вписанными в него диагоналями, кибитка обычной треугольной формы с кистями по бокам и грибообразным навершием, фигура животного, должно быть, везущего кибитку, фигура человека.

КАМЕНЬ XXIII

Камень XXIII представляет собой небольшой, изолированный выступ скалы.

398. Затертое изображение животного.

399. Два изображения животных. Поверх одного нанесен схематический резной рисунок.

400. Линейное резное изображение кибитки, которую тянет схематически нарисованное животное.

401. Примитивное изображение всадника и животного.

402. Группа схематически трактованных, грубых фигур — лошадей и всадников, один из них с луком. Здесь же крупная фигура лося, которому тоже пририсованы зубцы лошадиной гривы.

403. Две грубые фигуры животных.

404. Две такие же, как 401, фигуры — лошади и всадника. У лошади около головы видны два крупных пятна.

405. Аналогичное предыдущему рисунку изображение животного.

КАМЕНЬ XXIV

406. Слева остатки фигуры животного. Рядом изображение лося. Справа имеется еще одна фигура лося.

407. Две вытертые фигуры лошадей, идущих друг за другом.

408. Изображение всадника курьканского типа. Позади всадника виден выступ задней луки седла, или саадака. Рисунок тщательно зашлифован. По-видимому, шлифовкой «освежен» более ранний рисунок.

409. Всадник курьканского типа, изображен грубо, но с экспрессией. Сзади видна еще одна грубая фигура всадника.

410. Грубо вытертая, крупная фигура лося.

411. Схематическая фигура животного.

412. Схематические рисунки животных. Протерты, околтурены тонкими резными линиями.

413. Глубоко вышлифованный рисунок лося.

КАМЕНЬ XXV

Верхний ярус

414. Две крупные фигуры всадников. Передний всадник в узком, длинном кафтане. На голове его конический шлем, увенчанный стреловидным острием; впереди шлема помечен острый, вертикальный выступ. Сзади от всадника отходит саадак (?), в руке повод. Вторая фигура всадника схематичнее. Оба рисунка были тщательно вышлифованы на большой, гладкой плоскости камня.

415. Две сети из перекрещивающихся резных линий. Поблизости следы других изображений.

416. Грубые, вытертые изображения двух животных.

417. Голова животного на длинной, вытянутой вперед шее. Выше небольшая розетка с пятью лучами.

Нижний ярус

418. Грубо выполненная фигура лошади.

419. Схематический рисунок лошади. Под шеей коня свисает кисть.

420. Схематическая фигура лошади.

421. Фигура бегущей лошади. Под шеей свисает узкая, длинная кисть. Впереди — фрагмент второй лошади, без хвоста.

КАМЕНЬ XXVI

422. Условное изображение (птица?).

423. Изображение всадника. Ниже находится изображение животного.

424. Группа рисунков, расположенных следующим образом. *а.* Вверху слева нанесен рисунок всадника со знаменем, скачущего вверх. *б.* Ниже рисунка всадника со знаменем находится фигура всадника без знамени, более крупная и хуже сохранившаяся. Еще ниже изображены расположенные друг за другом, слева направо, одной горизонтальной полосой следующие рисунки небольшого размера. *в.* Схематическая линейная фигура человека, окаймленная сверху знаком в виде ворот. *г.* Шесть одинаково стилизованных человеческих фигур. *д, е.* Пять фрагментарных фигур животных. *ж.* Крупный рисунок лошади курыканского стиля, а около лошади еще одно миниатюрное условное изображение животного. *з.* Под изображением лошади находятся три линейные схематические фигуры животных. Остальные рисунки расположены отдельно. *и.* Два изображения животных, обращенных головами друг к другу. *к.* Всадник, преследующий двух коз. *л.* Фигура животного.

425. Изображение животного. Фрагментарно.

426. Два рисунка. Слева фрагмент рисунка: морда с рогами, по-видимому, оленя. Справа антропоморфное изображение.

427. Изображение лося.

428. Группа изображений. В середине крупная фигура лося, выполненная светло-малиновой краской. Туловище животного и его ноги оконтурены широкой полосой краски, поперек косые полосы краски. Рядом слева грубое изображение всадника. Угловатая фигура лошади без головы. Выше лося стилизованное, грубое изображение из двух слившихся фигур. Одна напоминает лошадь с двумя седоками. В отличие от изображения лося все эти изображения вытерты.

429. Голова лося с непомерно длинной шеей. Под шеей антропоморфное изображение (?).

430. Грубый, неопределенный рисунок в виде длинной полосы, на правом конце два выступа.

431. Резная линейная фигурка мужчины с передником тунгусского типа. На голове торчат волосы или шаманский головной убор, руки вытянуты в стороны и заканчиваются распростертыми пальцами.

432. Изображение всадника. Правая рука седока дугой откинута в сторону. Левая, очень тонкая, держит лук. Тело животного длинное, с двумя коротенькими ножками. На шее три зубца.

433. Фрагмент лосиной головы с великолепными, раскидистыми рогами, от которых уцелела лишь часть.

434. Два рисунка. Левый изображает всадника. Верхняя часть фигуры седока полностью не сохранилась. Справа резная линейная фигура человека. Правая рука вытянута.

435. Два рисунка. Грубое, линейное, схематичное изображение всадника и фигура лошади.

436. Фигура курыканского всадника. На шее лошади торчат три зубца. Рисунок затерт, по контуру был обведен слабыми, неуверенными линиями-царапинами. Рисунок по своему тону светлее скалы.

437. Грубый рисунок всадника на коне, шея которого украшена зубцами. Изображение затерто, тонкие линии рисунка (хвост коня, его ноги) переданы протертыми штрихами.

438. Схематическое изображение животного.

439. Изолированный, грубый рисунок животного.

440. Группа изображений всадников и лошадей в характерном курыканском стиле. Все фигуры вытерты и обведены по контуру более или менее отчетливой резной линией.

441. Изображение животного.

442. Рисунок представляет большую композицию из пяти крупных фигур. Слева изображен двугорбый верблюд-самец. Впереди виден типично курыканский всадник на скачущем коне. Над копом изображен в движении лось-самец с большими, ветвистыми рогами и подшейной кистью. Далее двигаются еще один за другим два лося, причем первый из них бежит широкой, размашистой рысью.

443. Рисунок расположен непосредственно под двумя передними лосями, описанными выше. Вверху два грубо изображенных всадника, едущих один за другим. Задний всадник набрасывает на переднего аркан (?). Ниже видны две примитивно выполненные фигуры всадников.

444. Изолированная фигура всадника.

445. Два всадника и остатки фигуры животного. Левый всадник изогнут и наклонился к шее лошади. У коня его круто, дугой выгнутая вверх спина. Вторым, правый всадник едет в противоположном направлении, вверх по реке, вправо. У него сильно выгнутый, до предела натянутый лук, а сзади большой саадак с висящими вниз тремя лентами. Рисунки сохранились плохо.

446. Две схематические фигуры животных и всадник на лошади, шея которой украшена тремя зубцами.

447. Изолированная, грубая фигура животного.

448. Фигура лошади. Рисунок выполнен резными линиями.

449. Изображение всадника курыканского типа, хорошей сохранности.

450. Два слившихся рисунка животных.

451. Фигура курыканского всадника. Слева несколько пятен.

452. Фрагмент рисунка животного.

453. Голова животного, по-видимому, лося.

454. Прочерченная глубокими желобками антропоморфная фигура. На месте головы торчащие вверх короной штрихи. Ниже условно изображены усаженная зубами пасть (?) и клюв. Ноги кривые, ломаные, как и левая рука. Между ног отчетливо выделен признак мужского пола.

455. Грубое изображение всадника на лошади. Позади всадника кривая полоса со свисающими вниз двумя хвостами (саадак?).

456. Две фигуры всадников, следующих друг за другом слева направо. Под брюхом коня видна длинная кисть, за спиной всадника короткий выступ саадака, над ним поднимается кривой стержень со свисающими вниз двумя хвостами. Вторая фигура всадника, сидящего на жеребце, выполнена более живо. На шее коня видны три прямых зубца и уши с султанчиком. Под шеей свисает длинная, узкая кисть. Всадник одет в кафтан, перетянутый в талии. Голова его округлая, руки свисают дугообразно с обеих сторон. Позади всадника виден саадак и древко со свисающими вниз двумя длинными хвостами. Первый рисунок явно более поздний, второй более ранний, типично курыканский по стилю.

457. Фрагменты фигур животных.

458. Голова и шея лошади, украшенная зубцами. Слева скачущая во весь опор лошадь. На шее коня имеется четыре коротких зубца, на спине его виден косой стержень, возможно изображающий древко копья или стрелу, вонзившуюся в тело животного.

459. Два слившихся изображения животных. Первое справа животное похоже на лося. Задняя фигура, судя по зубчатой гриве, изображала коня.

460. Слившиеся в одно общее пятно фигуры всадников. У крайнего слева всадника имеется флаг прямоугольной формы на прямом древке.

КАМЕНЬ XXVII

Верхний ярус

461. Схематическое изображение животного. Такая же фигура животного. Грубое изображение животного, судя по общим очертаниям тела и характерной постановке задних ног — лося.

462. Всадник. По цвету почти не отличается от скалы. Вышлифован. Контур рисунка слегка процарапан тонкой линией.

463. Схематическое фрагментарное изображение всадника на коне. По цвету рисунок почти не отличается от темного фона скалы. Вышлифован.

464. Всадник с луком. Изображение по цвету совпадает с фоном, но отчетливо выделяется ровной, слегка блестящей поверхностью. Всадник одет в расширяющийся внизу халат. Под брюхом коня виден низ халата или чепрак. Слева от всадника видны следы какого-то разрушенного рисунка. Вышлифован.

465. Группа животных. Все рисунки вышлифованы на гладкой поверхности скалы: грубая фигура коня; схематическая фигура лошади; изображение лошади в курыканском стиле (в отличие от первых двух рисунков фигура обведена тонким резным контуром), голова оленя (?); фрагмент лошадиной фигуры.

466. Три рисунка. Первый справа схематически изображает человеческую фигуру, второй является фрагментом изображения животного, третий — всадника на коне.

467. Столбообразная антропоморфная фигура с тремя развилками наверху.

468. Фигура животного. Фрагментарна (нет головы).

469. Фигура жеребца. Фрагментарна (нет головы).

470. Ряд небрежно вытертых фигур. Слева всадник на коне, какое-то животное, затем два схематических изображения животных, расположенных друг над другом, и еще одна грубо стилизованная фигура животного.

471. Фигура в виде трех слившихся вместе и обращенных вниз остриями треугольников (один большой, два поменьше).

472. Фигура животного.

473. На выветрившейся поверхности скалы заметна группа рисунков, расположенных в один ряд слева направо по горизонтали: геометризованное изображение животного, такой же по стилю геометризованный рисунок животного, знак в виде полумесяца, рисунок всадника, оформленный в такой же манере, как и остальные, голова всадника остроконечная, так передан, по-видимому, головной убор в виде шлема. Рисунки вышлифованы и значительно светлее фона скалы, на котором они выполнены.

474. Резной рисунок в виде «елочки». Это, должно быть, изображены рога исчезнувшей фигуры оленя. В середине находится вытертый рисунок животного, вероятно, коня (сохранился хвост). Рисунок тщательно зашлифован внутри. Справа видна плохо сохранившаяся, тоже геометризованная фигура всадника.

475. Две полностью уцелевшие человеческие фигуры, одетые в длинные кафтаны, и остатки трех других.

476. Крупная фигура лося. Изображение тщательно зашлифовано по всей поверхности, по цвету не отличается от скального фона, покрытого таким же густым скальным загаром. Животное изображено грубо, но довольно живо и реалистично. Хорошо переданы тяжелая, массивная голова со свисающей вниз, длинной подшейной кистью и общие очертания туло-

вища. В задней части фигуры есть изъян, так как здесь выпал кусок скалы. Рисунок выполнен на фоне более древних, несохранившихся изображений. В свою очередь в более позднее время на нем были нанесены техникой шлифовки антропоморфные изображения. Первое слева — фигура человека с округлой головой и волнообразно изогнутым туловищем, переходящим в ногу. Вторая человеческая фигура одета в длинное, до пола, платье типа халата. Вправо от этой фигуры имеется еще два схематических рисунка человеческих фигур — одна в виде тройной развилки, другая в длинном платье, без рук. Все эти рисунки вытерты.

477. Композиция из четырех фигур. Сцена охоты: слева изображено скачущее животное, далее следует фигура всадника. Впереди всадника изображена, по-видимому, собака. Впереди собаки видна фигура лошади. Рисунки вышлифованы и обведены контурной линией.

478. Фигура благородного оленя, марала.

479. Группа фигур, взаимно перекрывающих друг друга. *а.* Изображение коня с всадником, протерто и оконтурено резной линией; изображение несколько светлее фона. *б.* Рисунок животного (голова не уцелела). *в.* Почти целиком сохранившееся грубое изображение животного с высоко поднятой, большой головой. *г.* «Елочка», резной линейный рисунок. *д.* Плохо сохранившаяся фигура животного. *е.* Грубое изображение животного. *ж.* Грубая фигура животного, судя по хвосту — лошади, сливается со следующим рисунком, находящимся непосредственно под ним (*з*) и также, очевидно, изображающим животное. Рисунок *а* частично перекрывает рисунок *б* (контур прочерчен тонкой линией, ноги прочерчены внутри такими же линиями). В свою очередь изображение *б* перекрывает рисунок *в* (тщательно протертый, с прочерченным контуром).

480. Слева всадник на лошади. Лошадь изображена с высоко поднятой головой и кривым туловищем, как бы провисшим вниз. На шее коня заметны выступы — зубцы, на голове изображен султан. Всадник нарисован схематично — столбиком, с руками, дугообразно свисающими вниз по бокам фигуры. Левая рука всадника заканчивается внизу тройной развилкой. Правее, ниже изображена скачущая галопом лошадь. Еще правее находится лось, туловище которого слегка приподнято кверху, как будто животное взбирается в гору. К шее лося позже пририсованы зубцы лошадиной гривы. Рядом с фигурой лося помещены два рисунка: фрагмент протертого изображения животного с высоким, заостренным горбом (может быть, верблюд?) и линейное резное изображение лука. Крайняя справа — фигура всадника. В руках у всадника виден лук, саади саадак. Рисунки тщательно вышлифованы.

481. Две фигуры животных. Внизу довольно хорошо сохранившаяся фигура оленя (?). Вверху уцелела нижняя часть фигуры, более крупной, чем первая, и выполненной узкими протертными желобками.

482. Грубое изображение всадника на коне.

483. Схематическое, прочерченное линиями изображение животного. Контур рисунка геометризованы.

484. Группа схематических изображений, выполненных неглубокими резными желобками. Среди них слева хорошо различимы небольшая фигура животного, обращенного влево головой, затем человека, вписанного на пустое место, по-видимому более позднего возраста. Справа помещается довольно крупный рисунок лошади с всадником. У коня отчетливо переданы торчащие уши и зубцы на шее (в количестве трех). На крупе лошади видна вторая человеческая фигура. Сзади и сбоку у этой фигуры виднеется выступ, возможно, изображающий саадак.

485. Композиция из трех фигур животных и своеобразных изображений в виде «елочек». Все рисунки линейные, резные.

486. Сцена охоты на коз. Слева видна большая фигура всадника. На шее коня зубцы. Внизу свисает прямоугольный чепрак. Позади и впереди всадника скачут козули. Одна козуля скачет навстречу всаднику. Рисунки протерты и частично обведены тонким резным контуром. Расположенная над всадником, грубая фигура животного, слегка напоминающая ящера, не

входит в общую композицию. Еще одна, плохо сохранившаяся фигура животного в левом углу композиции, перекрытая изображениями козудь, нарисована раньше последних.

487. Слева фигура убегающей лошади. За ней гонится всадник. Он держит в руках древко, на конце которого свисает прямоугольное полотнище флага с двумя короткими хвостами внизу. Под шеей коня свисает кисть, на гриве его зубцы, а хвост, по-видимому, завязан узлом.

488. Три резные линейные фигуры людей в халатах, с непропорционально маленькими головками и длинными туловищами. Линии, которыми очерчены эти фигуры, колеблются по глубине и ширине от еле заметных царапин до глубокого желобка. Рядом с описанными человеческими фигурами изображена фигура, напоминающая кибитку, а далее еще две фигуры. Одна из этих фигур напоминает условное изображение человека на коленях, вторая передает очертания человека в длинном халате, поднявшего руку. Все эти рисунки тоже вырезаны тонкими линиями.

489. Рисунок, изображающий, по-видимому, войлочную юрту с куполообразным верхом и цилиндрическим основанием. Сбоку видна поднятая кверху дверь (?) юрты, такая же, как у современных казахских юрт. По форме верха юрта напоминает современную монгольскую юрту из войлока. Рисунок выполнен резными линиями.

490. Грубое изображение коня, протерто и дополнено резными схематическими рисунками (на спине нарисованы два выступа, должно быть, условно изображающих всадников). Слева, рядом остатки второго рисунка.

491. Лошадь. Глубоко шлифована.

492. Группа резных линейных человечков. Расположены тремя рядами. Нижняя группа моложе двух верхних, так как царапины на скале выглядят свежее. На верхних фигурках линии рисунка покрыты скальным загаром. Ниже он отсутствует.

493. Схематическое изображение оленя или козули, затертое внутри. Тело животного, оконтуренное двумя параллельными резными линиями, изогнуто под прямым углом в виде буквы «Г». Голова поднята вверх, на вертикально поставленной шее. Внизу видны два знака в виде трезубцев, обращенных остриями вниз. Рисунки трезубцев и оленя несомненно одновременно друг другу. Изображения выполнены на потолке небольшого навеса резными линиями.

494. Две фигуры животных: олень с ветвистыми рогами (задняя часть тела оленя и ноги не уцелели), грубая фигура лошади (?). Рядом находится резное линейное изображение человека с луком в руках. Последний явно пририсован позже.

495. Маленькая фигурка скачущей лошади. Резная, линейная.

496. Хорошо шлифованная фигура лося. Пересечена спереди резной линией.

497. Фрагмент головы оленя с широкой лопастью рогов; три следующие друг за другом справа налево фигуры животных.

498. Справа граффити, схематически изображающее, по-видимому, фигуру животного. Слева две фигуры — лошади и всадника.

499. Четыре резные линейные фигуры: животное с недоуздом, антропоморфная фигура в длинном халате и «елочки» (рога оленя?), антропоморфная фигура.

500. Схематическая резная фигура животного.

501. Три фигуры: слева фигура лошади, далее фигура всадника, вправо от всадника небольшая фигура человека.

502. Группа резных прочерченных рисунков. Слева ряд линий, расположенных помелом. Справа примитивная ящерицеобразная фигура животного, судя по хвосту — конь.

503. Фрагменты фигур.

504. Схематический резной рисунок (флаг?).

505. Слева изображение животного, рядом граффити, справа небольшая схематическая фигурка животного (коза?).

506. Грубая фигура животного.

507. Вверху группа из трех бегущих друг за другом животных: спереди и сзади бегут козы, в середине грузное животное (кабан?). Ниже расположен пучок параллельных, наклонных линий. Справа — фигура животного (без головы). Около этой фигуры сбоку, слева, пририсована миниатюрная линейная фигурка человека, очень схематичная. Слева неясные граффити. Внизу фигура коня с двумя остроконечными выступами на спине (седло с двумя луками?).

508. Группа схематических, вытертых рисунков. Напоминают сильно стилизованные фигуры птиц.

509. Схематическая фигура животного.

510. Схематическое изображение животного.

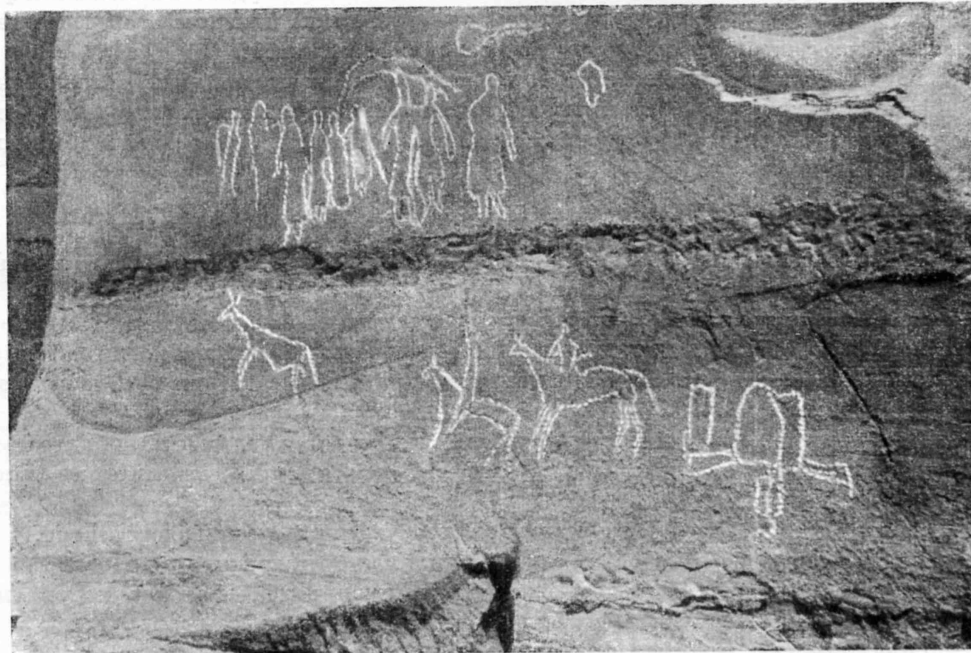

Рис. 18. Группа человеческих фигур и другие изображения.

511. Схематическое изображение животного (лося?).

512. Схематические, вытертые изображения лошади и человека. Человек изображен стоя. На нем длинный и узкий, стянутый в талии кафтан. В руке виден длинный, тонкий стержень (жезл?). У лошади султан и подшейная кисть.

513. Всадник позднекурьканского стиля. Тело коня массивное, почти прямоугольное. За спиной всадника виден выступ саадака, под брюхом коня свисает кисть. Рисунок вытерт, контур подчеркнут резной линией.

514. Группа антропоморфных фигур, стоящих в ряд. С одной стороны (слева) изображено пять фигур. Все они в длинных халатах с узкой талией. В руках у них жезлы, а может быть, ритуальные сосуды — чороны, обращенные вправо. У одной фигуры показана одна нога с отчетливо выделенной ступней, у двух — две ноги. В середине группы стоит одна фигура меньшего размера (плохо сохранилась). За ней справа расположено еще шесть фигур, таких же в общем, как первые пять. Из них две последние справа взялись за руки, у двух видны в руках жезлы, у двух опущены вниз длинные, узкие рукава. Все эти фигуры тщательно вытерты, местами обведены по контуру тонкой, прочерченной линией.

515. Граффити. Имеет вид неправильной окружности, заполненной внутри резными линиями разной глубины.

516. Впереди, слева, стилизованное животное, сзади два всадника, один из них (задний) выполнен более умело и имеет позади выступ (саадак?) За ним видно изображение кибитки. Рисунки протерты, первый слева всадник обведен тонкой резной линией (рис. 18).

517. Группа человеческих фигур, тщательно вытертых на гладком фоне скалы. Хорошо заметны девять фигур, все в длинных халатах с узкой талией. У восьми фигур показаны ноги в длинной, узкой обуви типа сапог или унтов. В середине две странно изогнутые, как будто борющиеся фигуры, перекрытые сверху широкой, дугообразной полоской красной краски. По соседству с фигурами людей имеется несколько полос и пятен удлиненно-овальной формы, слегка изогнутых, также нанесенных красной краской. Пятна и полосы эти древнее вытертых человеческих фигур. Возможно, эти полосы изображают змей.

518. Группа обращенных вниз трезубцев, напоминающих птичьи лапы. Выполнены тщательно протертыми линиями, по всем признакам очень старыми, так как их поверхность покрыта густым скальным загаром и по цвету почти неотличима от скалы. Всего заметно 19 таких трезубцев (рис. 19).

519. Изображение лося.

520. Отдельная фигура животного (лошадь?).

521. Олень с большими, ветвистыми рогами. Рисунок выполнен протертыми линиями и затерт внутри поперечными штрихами.

522. Слева фигура в виде заштрихованного внутри треугольника с длинным, узким хвостом и двумя выступами (ногами?) сбоку. Правее изображение всадника. Рядом остатки фигур животных и ромбические фигуры с выступами, возможно изображающими рога и ноги антропоморфных существ.

523. Изображение лошади с зубцами на гриве. Под хвостом коня небольшая антропоморфная фигурка, сильно схематизированная. Рядом с ней заметны схематические условные знаки.

524. Сцена охоты на лося двух всадников, вооруженных луками со стрелами. Позади всадников видны саадаки. На головах лошадей челки или султанчики.

525. Два резных линейных изображения, имеющих вид ромбических сеток. Судя по степени сохранности и скальному загару, оба рисунка очень древние.

526. Схематическая, условная фигура. Вышлифована.

527. Изолированное изображение животного.

КАМЕНЬ XXVIII

Верхний ярус

528. Сложная композиция из разновременных рисунков, выполненная в различной технике. *а.* Фигура животного. *б.* Слившаяся передней частью с описанной выше вытертая фигура животного, судя по форме ног и тела — лося. *в.* Рисунок лося, тщательно зашлифован. *г.* Над изображением лося знак в виде круга с крестом внутри; круг и крест переданы вышлифованным желобком, рядом видны небрежно процарапанные, схематические рисунки. *д.* Схематическая фигурка человека, рисунок сделан желобком, рядом зигзагообразная полоса. *е.* Трезубец, расположен боком, сделан желобком. *ж.* Изображения змей. Одна змеиная фигура вытянута слегка волнообразно вдоль всей композиции сверху, вторая в середине. Кроме того, имеется ряд полос, изображающих змеиные тела и хвосты. Головы змей широкие, миндалевидные, заполнены внутри продольными штрихами, тела их прорезаны глубокими желобками.

529. Схематическая фигурка, изображающая человека стоя, в рост.

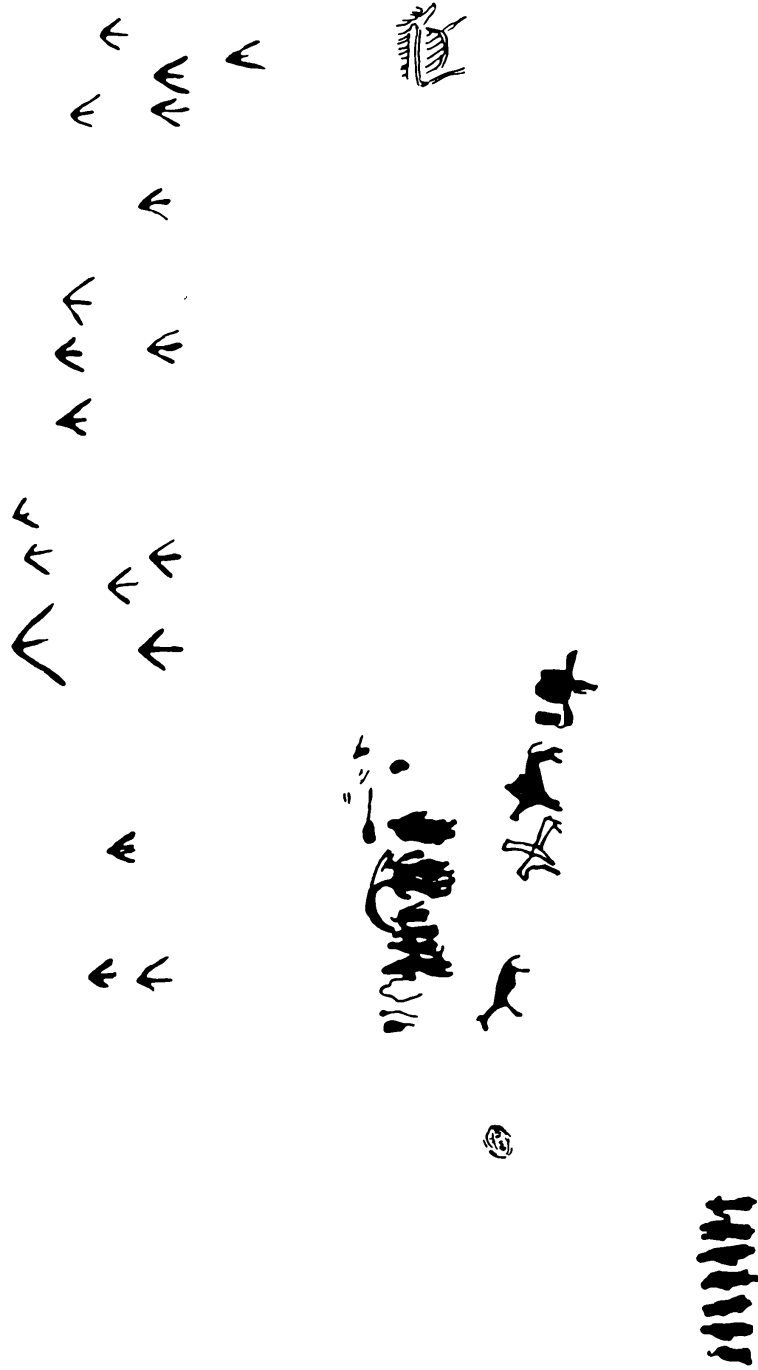

Рис. 19. Часть изображений камня XXVII (уменьшены до 1/25 натур. вел.).

530. Фигура человека по пояс. Голова человека круглая, туловище треугольное, без ног. Рисунок выбит по контуру неровной полоской. Туловище зашлифовано внутри.

531. Изображения быка и оленя. Фигура быка околорена полосой краски в среднем около 2 см шириной. Хуже всего краска сохранилась на линии спины, около шеи и на шее. Плохо сохранились также и рога. Но в целом фигура быка прослеживается с полной определенностью. Рисунок быка пересечен налегающим на него сверху протертым изображением оленя. В тех местах, где линии протертого (или, вернее, слегка пришлифованного) изображения оленя пересекают красочные контуры бычьей фигуры, последние бледнее и светлее, чем в соседних участках. Этот факт объясняется, очевидно, тем, что при зашлифовке часть красочной поверхности была стерта и уничтожена. Рисунок оленя может быть обнаружен и прослежен только при очень внимательном осмотре скалы непосредственно у рисунка.

532. Схематическое линейное изображение всадника.

533. Выбитый точечной ретушью круг, разделенный внутри поперечной линией.

534. Две схематические фигуры.

535. Композиция, изображающая двух верблюдов и всадника. Верблюды изображены бегущими друг за другом, всадник гонит их сзади. Изображения верблюдов реалистичны. Один верблюд меньше другого и как бы втиснут между верблюдом и всадником. Это указывает, по-видимому, на то, что этот малый верблюд был нарисован позже и помещен при этом на оставшееся пустое место. Всадник едет на коне типично курыканского вида, с подшейной кистью и зубцами на гриве. У всадника в руках знамя с тремя горизонтальными хвостами, висящими в воздухе. Позади видно второе знамя несколько большего размера, но совершенно аналогичной формы — в виде прямоугольного полотнища с тремя горизонтальными хвостами. Вверху у этого знамени видно острие древка (рис. 20).

536. Композиция, изображающая двух всадников на лошади и верблюда. Лучше выполнен первый слева рисунок. Лошадь на нем украшена пышным султаном и подшейной кистью. Очертания ее тела характерны для зрелого курыканского стиля. Фигура всадника уцелела плохо, но заметны еще следы рисунка знамени. Вторая лошадь и всадник на ней выполнены хуже. Верблюд изображен превосходно. Он обращен вправо и имеет два горба, маленькая голова его круто вздернута, на изогнутой, длинной шее. Виден даже короткий, типично верблюжий хвост. Фигура верблюда налегает на слабо вытертое фрагментарное изображение оленя(?).

537. Фигура всадника.

538. Рисунок животного. Фрагментарный.

539. Фигура лося, грубая, судя по сохранности — очень древняя.

540. Всадник. Очень грубый рисунок.

541. Два рисунка животных (лошади?).

542. Сложная композиция из ряда фигур животных и всадников. *а.* Фигура в виде палочки с двумя поперечинами. *б.* Как будто стилизованная фигура животного. Обе эти фигуры светлее и более небрежно выполнены по сравнению с остальными. *в.* Схематическая фигура коня, стилизованная в виде буквы «П». На спине у него два выступа. Грива изображена целым рядом беспорядочно ориентированных полосок. *г.* Конь хорошего курыканского стиля, с зубцами на гриве и с султаном. *д.* Контурная фигура всадника на коне. Отчетливо выделена уздечка. *е.* Олень или козуля, характерно стилизованная, которую преследует всадник. Рога у козули переданы условно в виде «елочки». *ж.* Грубое подражание курыканскому кошу. *з.* Примитивная фигурка коня. *и.* Хорошее изображение коня в курыканском стиле — с пышным султаном на голове и зубцами на шее. Сзади на спине коня возвышается какая-то линия (может быть, флаг?). *к.* Передняя часть стилизованной так же, как козуля на рисунке *е*, фигуры козы. Рога переданы «елочкой» (рис. 21).

543. Небрежно выполненная фигура всадника, рядом вертикальная палочка.

544. Две грубые фигуры животных.

545. Два знака. Оба вытерты и обведены по контуру линией.

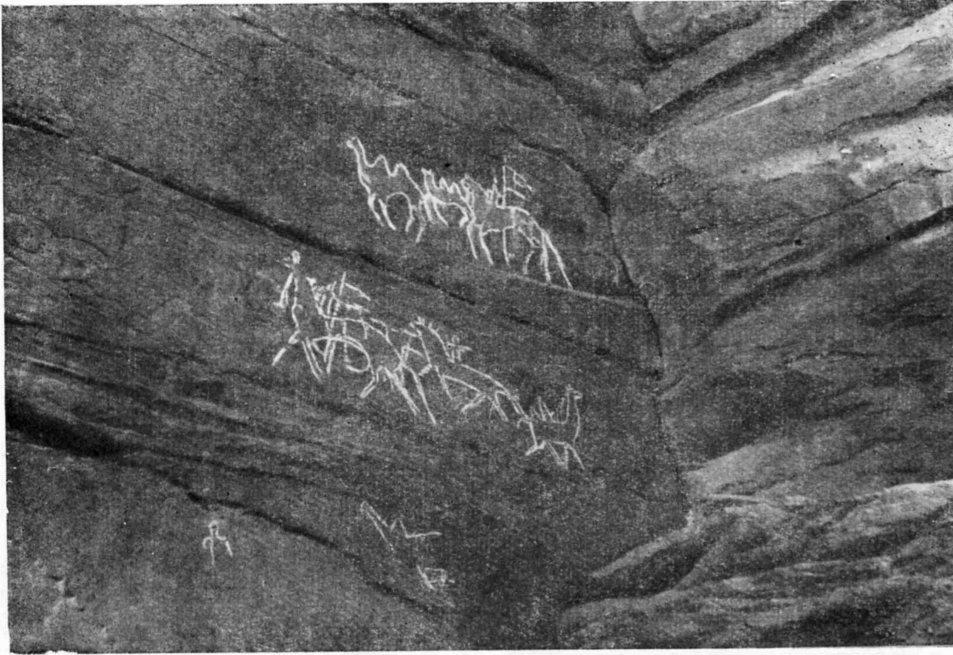

Рис. 20. Изображения верблюдов и всадников.

Рис. 21. Изображения лошадей и всадников.

546. Прямоугольник.

547. Грубое изображение лошади.

548. Всадник. Ниже стилизованная человеческая фигура и животное. Вправо — бегущее животное.

549. Слева изображение животного, перекрытое резными линиями в виде креста. В середине верблюд. Фигура верблюда очерчена графически остро и живо. Верблюд показан в движении, со скрещивающимися на ходу передними и задними ногами. На спине его два боль-

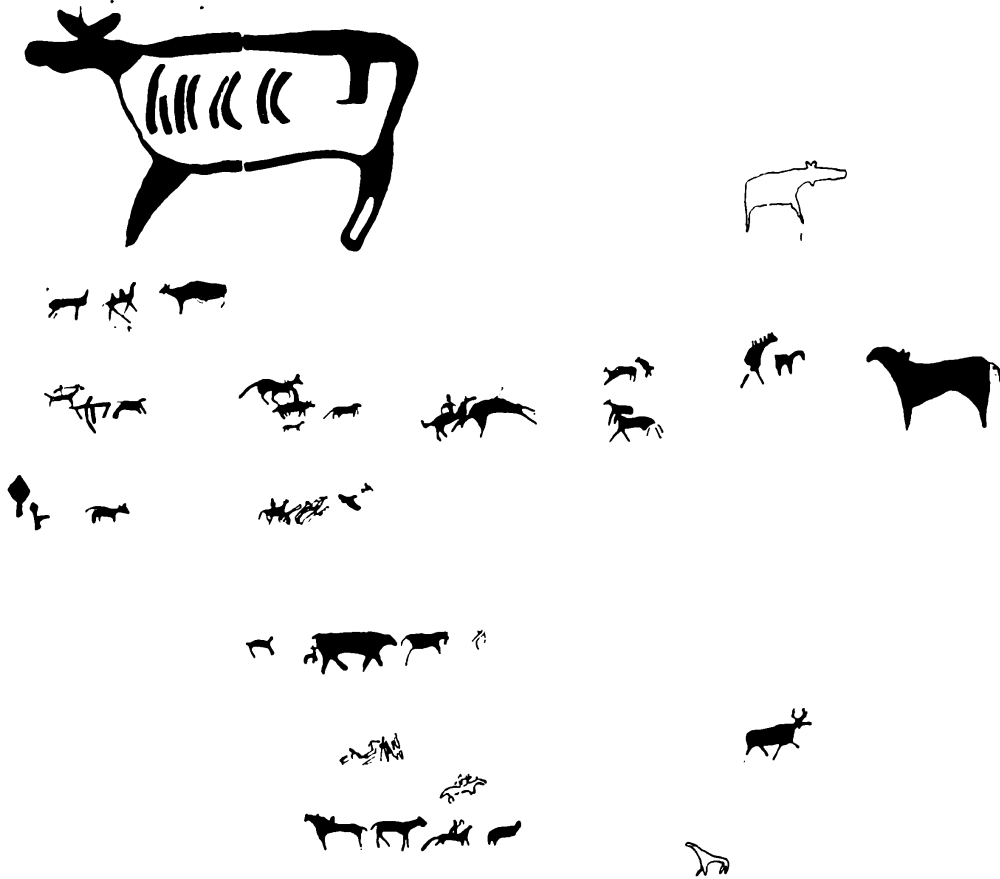

Рис. 22. Изображение лося и другие фигуры. Часть изображений камня XXI.

ших горба, голова поднята вверх, на изогнутой шее. Сзади отчетливо показан короткий, типично верблюжий хвост. Справа фигура лося. Внизу расположены три трезубца, все остриями вверх. Трезубцы прорезаны желобками.

550. Огромная фигура лося. Лось обведен вытертой, широкой полосой, варьирующей по ширине в различных местах рисунка. Морда и шея затерты сплошь. Круп наполовину пересечен вытертой, вертикальной полосой. Передняя нога затерта сплошь, в задней оставлено незатертое «окно». Ребра обозначены кривыми, затертыми полосами. Контур фигуры, кроме того, обозначен тонкой резной линией (рис. 22).

551. Четыре примитивных изображения животных. Верхнее явно представляет попытку воспроизвести курыканского коня. Ниже видна фигура оленя или лося, выполненная очень неумело. Ниже всех расположена маленькая фигурка, похожая на собаку или лису, но в дей-

ствительности являющаяся, должно быть, грубым изображением коня. Справа имеется грубое подражание курыканским изображениям лошадей. В самом низу заметна верхняя часть фигуры животного с прямыми зубцами на шее (лошадь?). Все рисунки вытерты.

552. Всадник. Справа от него условные рисунки, выполненные резными линиями, и фигуры животных (вытерты).

553. Всадник, фигура стилизована.

554. Большая композиция из плохо сохранившихся фигур всадников и лошадей. Слева вверху имеется обрывок фигуры животного. Ниже грубо изображен всадник. Перед ним довольно живо переданная фигура скачущей лошади с двумя зубцами на шее и высоким султаном. Под этим конем уцелело прямоугольное знамя на прямом древке и влево от него небольшая фигурка животного (конь?). В середине композиции вверху имеются фрагмент изображения животного с султаном на голове и голова лошади. Под ними сохранившаяся полностью фигура коня с всадником и фрагментарное изображение животного. В самом низу имеется большая фигура лося, изображенного в движении, со слегка опущенной вниз головой. За лося видна небольшая фигурка животного (лошадь?). Перед большой фигурой лося изображена вторая, меньших размеров, сохранившаяся целиком. В верхнем правом углу лошадиная шея с зубцами на ней, вытянутая дугой, а также небольшая, грубо выполненная фигура животного (рис. 23).

555. Крупное изображение лошади. На шее животного видны два зубца.

556. Крупная, размашисто очерченная фигура лося. Рисунок вытерт и частично обведен резным контуром.

557. Изображение лося, вытерто, частично обведено узким, контурным желобком, тщательно вышлифованным.

558. Группа условно-схематических рисунков, выполненных резными линиями.

559. Вытертые рисунки: лошадь с всадником; лошадь, обращенная в противоположную сторону, т. е. направо; всадник на коне; в руках у всадника лук, изображенный тонкой линией; фрагментарная фигура животного. Выше фигура всадника с луком.

560. Кибитка (слева), всадник с луком, который везет кибитку на быке, второй бык, всадник на коне. Ниже всадника фигура животного. Все рисунки линейные, частично затерты.

561. Изображение оленя с ветвистыми рогами. Рисунок вытерт, рога процарапаны. Сзади видна плохо сохранившаяся фигура животного (рис. 24).

562. Лось. Слева от лося несколько затертых фигур.

563. Фрагмент изображения животного (?).

564. Слева фигура всадника на коне, скачущего галопом. В руках у всадника лук.

565. Две крупные фигуры лосей, бегущих вправо, один за другим. Задняя фигура по размерам крупнее. Возможно, что это лось-самец, преследующий самку.

566. Стилизованная фигура бегущего оленя с круто изогнутыми рогами, похожими по изгибу на рога горного козла, но снабженными рядом острых, кривых выступов, напоминающих рога благородного оленя. Тело животного в середине изогнуто, как во время прыжка. На спине его виден горб над лопатками, под шеей — борода (кисть), морда тупая, прямо обрешанная, сзади виден хвост. Ноги оленя широко расставлены. Рисунок прочерчен ясными, неглубокими линиями по контуру. Местами затерт.

567. Вверху (по отношению к рисунку 566) помещается поясная фигура человека, может быть, часть изображения всадника. Ниже находится вытертое схематичное изображение лошади.

568. Изображение всадника. Лошадь в быстром движении: она скачет галопом, широко разбросив в стороны передние и задние ноги. Столь же экспрессивна фигура всадника: он нагнулся к шее коня и раскинул руки в стороны. Несмотря на примитивность рисунка, он насыщен динамикой и хорошо передает стремительность движения.

569. Два стилизованных изображения животных.

570. Слева грубое изображение змеи и квадрата, заштрихованного внутри. Справа грубое изображение животного с широкими, прямыми ногами и узкой, небольшой головой. Справа всадник, за всадником условно изображен, видимо, саадак.

571. Фрагмент стилизованной фигуры животного.

572. Три сильно стилизованные фигуры животных. Крайняя слева напоминает козулю. Третий рисунок напоминает верблюда с утрированной головой и двумя маленькими горбами на спине. Затерты, кое-где видны прочерченные линии контура.

573. Стилизованное изображение лошади. Два высоких выступа на спине коня передают луки седла. Рисунок вытерт, по контуру обведен глубокой линией.

574. Плохо сохранившееся, примитивное изображение животного. Рисунок вытерт и частично оконтурен резной линией.

575. Схематическое изображение бегущего животного. Контур прочерчен тонкой, плавной линией и заштрихован косыми, взаимно пересекающимися линиями.

576. Композиция из трех фигур — животного и двух всадников.

577. Семь схематических человеческих фигур в ряд. Две в длинных халатах, одна как будто в широких шароварах, у третьей слева руки подняты вверх.

578. Изображение лошади.

579. Четыре фигуры всадников на лошадях. Изображения зашлифованы внутри и местами окаймлены по контуру четкой резной линией. У одного всадника на голове остроконечный убор, по-видимому, шлем с острием. У другого всадника виден саадак со свисающими под углом лентами. Внизу справа вытертая фигура коня.

580. Изолированная фигура всадника верхом на лошади.

581. Группа плохо сохранившихся рисунков, изображавших животных, человеческую фигуру и всадника на коне. У всадника хорошо сохранился лук и чепрак, свисающий под брюхом коня.

582. Группа из пяти водоплавающих птиц, хорошо сохранившаяся. Четыре птицы стоят спокойно, вытянув головы вбок. Пятая птица повернула голову назад. Тела птиц тяжелые, массивные, больше всего напоминают гусиные; у четырех фигур видны ноги, на которых они стоят. Длинные шеи и головы птиц тоже напоминают гусиные.

583. Изолированная, схематическая фигура животного.

584. Схематическое, линейное изображение всадника.

585. Превосходно выполненная пара бегущих друг за другом лосей.

586. Восемь водоплавающих птиц, скорее всего гусей. Они скомпанованы одной полоской, но в разных позах, как бы передающих жизнь птичьей стае на отдыхе. Рисунки затерты. Рядом рисунок всадника.

587. Сложная композиция из превосходных рисунков курыканского стиля. Слева видны фигуры лося, лошади и всадника на богато украшенном коне. Изображение коня находится непосредственно над рисунком лося и частично налегает на него. У лошади два зубца на шее, султан и подшейная кисть. В руках всадника прямоугольное знамя. Четвертая (слева) фигура изображает такого же коня с зубцами на гриве и подшейной кистью. Фигура всадника не сохранилась, но уцелело знамя. Внизу, под лошадью, видна небольшая фигурка животного, похожего на кабана. Справа имеется третья фигура всадника, сохранившаяся целиком. У коня на голове высокий султан, под шеей кисть и уздечка, на шее три четко обрисованных зубца. Всадник одет в обычный, длинный кафтан, перетянутый в талии. В одной руке его повод, в другой знамя. Знамя прямоугольное, с тремя горизонтальными хвостами. Справа от этой фигуры изображен олень-марал с огромными, ветвистыми рогами, на полном скаку. Перед фигурой марала, внизу, изображены две небольших фигуры: первая — условно трактованный человек с утрированным признаком мужского пола, вторая — животное с выгнутой спиной, торчащим вверх хвостом и рядом зубцов на спине (рис. 25).

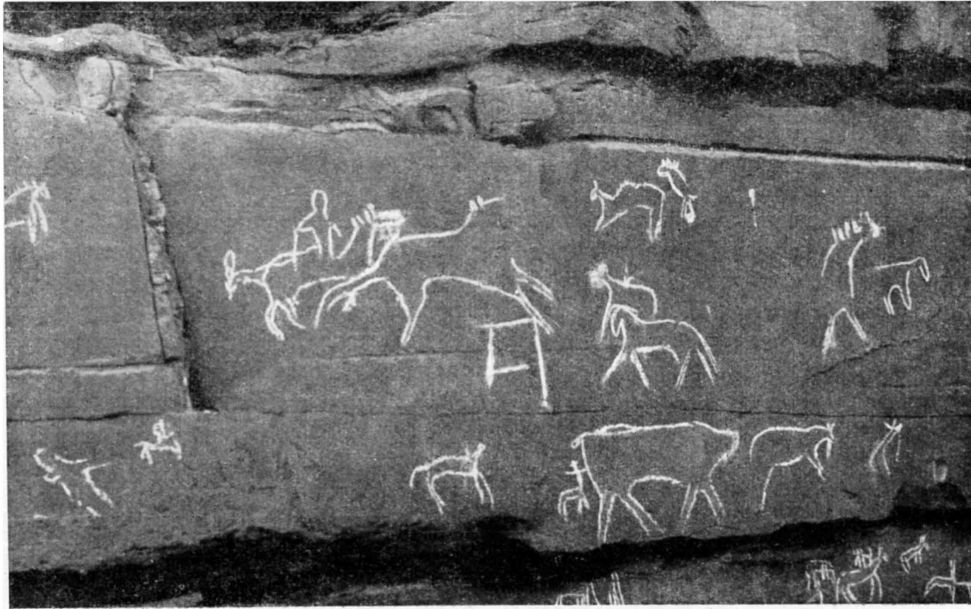

Рис. 23. Изображения всадников, лося и лошадей

Рис. 24. Изображение оленя.

588. Восемь затертых фигур животных. Среди них имеются изображение лося с ветвистыми рогами, коня с султаном на голове, своеобразно стилизованная фигура лошади с султанчиком и горизонтально распущенным хвостом. Фигура лося обращает внимание наличием длинного лошадиного хвоста и тем, что рога его выполнены иным способом, они не затерты, а прочерчены. По-видимому, более ранняя фигура коня была позже переделана в лосину.

589. Серия вытертых фигур. Первая слева всадник, сидящий на коне, голова которого увенчана пышным султаном. Далее идут плохо сохранившаяся крупная фигура лошади с султаном на голове; фигура всадника на лошади, на голове коня виден султан, позади всадника саадак (?); фрагмент фигуры животного; изображение животного с большими ушами и маленькой головой; крупная фигура всадника курыканского стиля; лошадь, как обычно, широкогрудая, с маленькой головой, украшенной султаном и подшейной кистью; у всадника дугообразные руки, округлая голова и узкое, прямое туловище; два фрагмента фигур животных; передняя половина крупной, реалистически выполненной фигуры оленя; у оленя длинные развилстые рога, под шеей видны две кисти, одна из них подрисована, должно быть, позже; в спине оленя торчит стрела (?).

590. Два всадника с собакой, охотящихся на двух кабанов.

591. Человек с флагом в левой руке. Рисунок схематичный.

592. Композиция из ряда фигур. Слева довольно точно переданная тяжеловесная фигура лося, далее, всадник и два коня без седоков. Одно изображение коня расположено вверху, а другое ниже. Нижнее изображение лошади выполнено тонко и изящно, даже со своеобразной грацией. Фигурка коня дана в спокойном положении; он словно уперся всеми четырьмя ногами в землю и застыл, как вкопанный на месте. Над верхним рисунком коня имеются резные линии, образующие решетку и вертикальные полосы (изгородь?).

593. Серия фигур, выполненных различными способами и несомненно разновременных. Наиболее ранними являются рисунки красной краской. Слева изображена фигура в виде таблички с округлым верхом, над которым поднимается семь прямых, длинных выступов. Очертания этой фигуры симметричны, выполнена она бледно-красной, сильно потускневшей от времени краской. На нее налегает довольно живо выполненная, сплошь протертая фигура лося. Слева сохранились остатки изображения, напоминающего змею, выполненного тонкими резными линиями. Правее имеется четыре протертые вертикальные полосы. У крайней слева полосы сбоку имеется косой выступ. Рядом находится протертое изображение животного, пересеченное такой же протертой полосой, и две вертикальные полосы, обе короткие. Справа видна фигура, выполненная красной краской более густого, темно-вишневого тона. Фигура эта напоминает по очертаниям силуэтное изображение котла скифского типа на очень узкой и длинной ножке. Слева, у верхнего ее края, имеется прямой, короткий выступ в виде ручки. Выше, над всеми перечисленными рисунками, помещаются три широкие полосы, нанесенные красной краской. Еще выше слабо заметны вертикальные, широкие полосы в количестве пяти, выполненные в иной технике, протертые.

594. Фигура человека с распростертыми руками и зубцами на голове.

595. Два обращенных друг к другу всадника. Между ними фигура человека, изображенного по пояс.

596. Схематическое изображение животного.

597. Композиция из восьми грубых фигур животных.

598. Сложная композиция из нескольких сильно пострадавших от времени рисунков. Вверху изображен схематически трактованный всадник на коне, прыгающем галопом. Рядом с ним остатки еще одной фигуры, сделанной резными линиями. Ниже видна грубая фигура животного, еще ниже — третья фрагментарная фигура, по-видимому, изображающая коня с седлом на спине. Справа видна еще одна, очень живо обрисованная, но сильно пострадавшая от времени фигура всадника в остроконечном шлеме, стреляющего из лука. Рисунок всадника в шлеме вытерт и обведен первоначально врезанной линией.

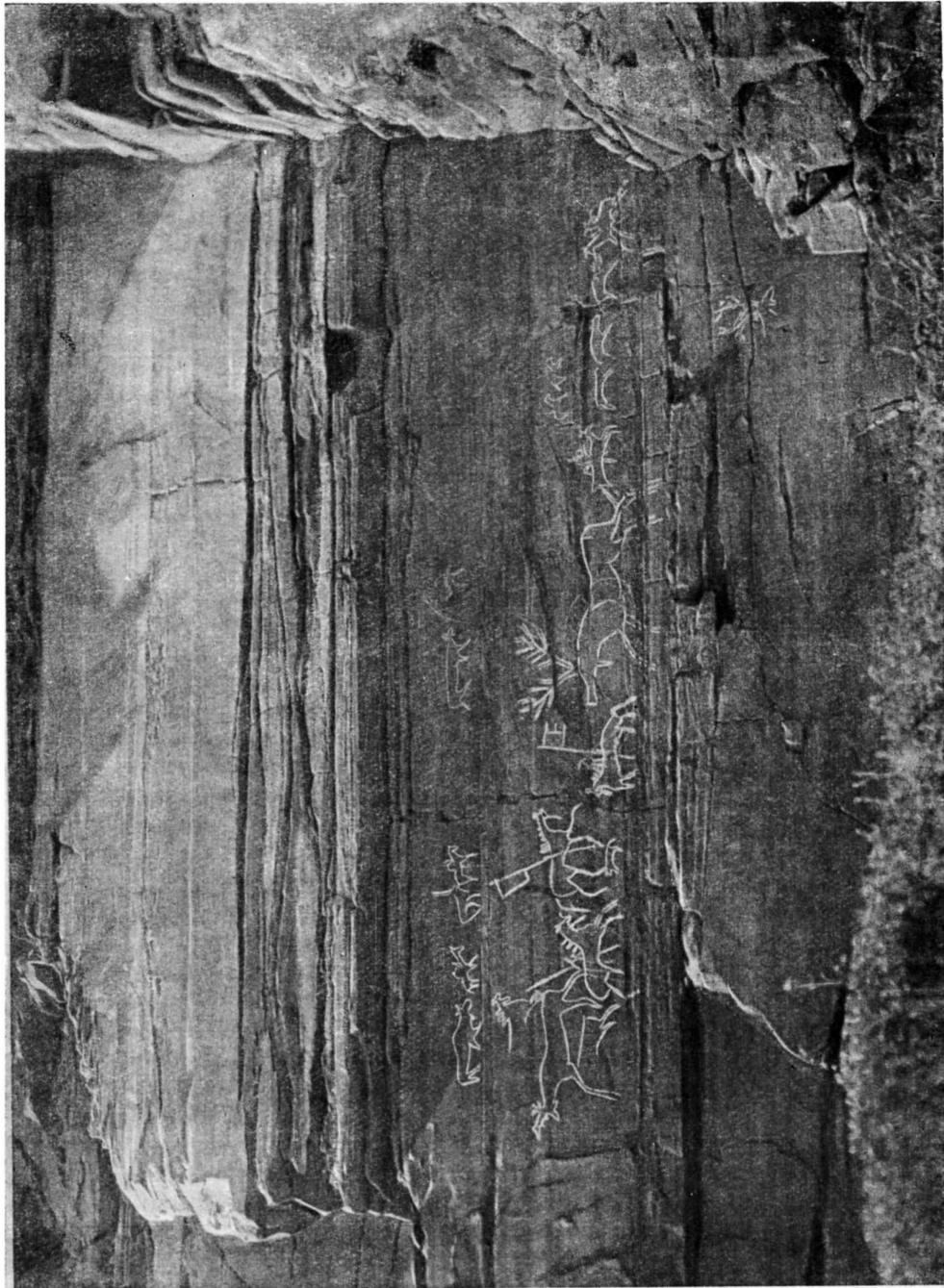

Рис. 25. Изображения всадников и животных.

599. Серия изображений животных и всадников: вверху грубое изображение лошади, ниже изображение всадника с саадаком, около всадника, над хвостом его коня, помещается миниатюрная фигурка человека, здесь же, около фигуры всадника, нарисована схематическая фигура лошади с седлом на спине. Поблизости имеются фрагмент головы животного и изображение животного с выступами в задней половине и на спине.

600. Большая композиция из лодок, человеческих фигур с поднятыми руками и животных. Над изображением горизонтальной полосой проходит участок разрушившейся поверхности скалы. Вследствие этого часть правой фигуры разрушена (?). Рисунки расположены длинной, горизонтальной полосой шириной около 40—50 см, на древней скальной поверхности, покрытой густым скальным загаром. В настоящее время изображения находятся на высоте 4—5 м от скалистого уступа и могут быть скопированы только при наличии высокой лестницы. Не посредственно над ними выступает скалистый карниз, «kozyрек», который и предохранял рисунки от гибели под воздействием дождей и ветра.

601. Грубое изображение лося.

602. Фрагмент человеческой фигуры (по поясу), голова животного и широкая вертикальная полоса.

603. Грубое изображение двух животных. Вытертое пятно рисунка местами обведено тонкой, контурной линией.

604. Схематическая фигурка животного (всадник ?).

605. Изолированная, грубая фигура бегущего животного.

606. Частично сохранившаяся фигура животного. Выполнена контурной линией, красной краской.

607. Рисунок благородного оленя с характерными ветвистыми рогами, переданными двумя кривыми линиями с отходящими от них поперечными отростками. Фигура оленя передана довольно живо. Задние и передние ноги животного скрещены на бегу.

608. Большая красочная композиция, выполненная темно-малиновой когда-то, но в настоящее время сильно выцветшей краской. Слева небольшая стилизованная фигура животного, головой обращенного влево. Рядом с ней справа изображена фантастическая антропоморфная фигура с длинным, широким туловищем, в верхней части которого имеется четыре горизонтально расположенных узких просвета, своего рода «окошки». Ноги этого существа раскинуты в стороны, особенно левая. На месте головы нарисованы два вертикальных выступа. Левая рука плавно загнута кверху, правая вытянута в длину, на ней имеется два коротких, вертикальных выступа. Правее расположено изображение мифического существа, перед зубастой пастью которого виден кружок, пересеченный вертикальной перекладиной.

609. Примитивный рисунок всадника. Вытертое пятно рисунка дополнено резными штрихами (челка или султан, хвост лошади, руки человеческой фигуры?).

610. Три схематические лошадиные фигуры, обведенные резными линиями. Две левые фигуры перекрывают друг друга.

611. Стилизованная фигура человека. Изображение вышлифовано глубоким желобком.

612. Схематические изображения двух лошадей и флага. Справа несколько кривых полос.

613. Изолированная, грубая фигура коня.

614. Грубое изображение животного.

615. Две частично сохранившиеся фигуры животных.

616. Изображение коня с всадником. Сзади видны два коротких выступа (лука седла и саадак?).

617. Изображение коня рядом с рисунком 616. Выполнено в курьканской манере.

618. Три изображения. Первое из них — фигура всадника. Впереди скачет лось. Внизу видна стилизованная фигура всадника.

619. Примитивное изображение животного.

620. Миниатюрная фигурка, изображающая человека стоя, во весь рост, с дугообразно опущенными вниз руками.

621. Вверху изображение коня с подшейной кистью и зубцами на шее. Ниже второй, хорошо сохранившийся, большой рисунок коня с подшейной кистью и зубцами на шее. Рисунок вытерт и отчасти оконтурен резной линией. Над головой этого коня имеется рисунок в виде рога оленя, должно быть остаток изображения благородного оленя.

622. Большая фигура оленя с широко развиллистыми рогами. Рисунок тщательно зашлифован и находится непосредственно рядом с рисунком 621. Очевидно, здесь были изображены два оленя, идущих друг за другом. Может быть, это была сцена, изображающая преследование самцом самки.

623. Небрежно вытертые и оконтуренные линиями фигуры четырех животных, бегущих друг за другом влево. Впереди бежит олень с ветвистыми рогами «елочкой». Позади изображены, вероятно, тоже олени, но без рогов, в том числе, по-видимому, детеныш. Слева фигура летящей птицы (?).

624. Довольно крупное изображение коня. На голове коня султан, под шеей висит заостренная кисть. Над лошастью схематические фигурки птицы и лося.

625. Вытертое изображение всадника. Лошадь типично курыкапская. Сзади виден какой-то выступ.

626. Три птицы. Первая слева изображена с вертикально поднятым телом. Вторая птица тоже стоит вертикально, справа видно одно свисающее вниз крыло, внизу тщательно протерты две ноги. Третья птица меньше остальных, она сидит в спокойной позе, слегка вытянув голову влево, туда же, куда обращены головы первых двух птиц. Ниже, слева, имеется фигура всадника, сидящего на коне, шея которого украшена обычными зубцами. На голове коня султан, под шеей висит длинная, узкая кисть. Справа стилизованное изображение скачущей лошади.

627. Грубое изображение животного.

628. Фрагмент фигуры лошади с зубцами на шее, кистью и султаном.

629. Фигуры двух лошадей. У обеих лошадей на шее зубцы. Правая фигура является, очевидно, копией левой.

630. Изображение коня. На голове коня султан в виде высокой, пятилучевой короны, под шеей свисает кисть. По-видимому, это было сначала изображение лося, к которому впоследствии пририсовали хвост коня.

Средний ярус

631. Фрагментарная фигура оленя (лося).

632. Изображение рыбы, выполненное тонкими резными линиями.

633. Столбообразный антропоморфный «идол» с головой, не отделенной от тела, заканчивающейся пятью лучами. Руки отсутствуют.

634. Антропоморфное изображение, выполненное красной краской. Голова изображения расширена и заканчивается сверху прямой полосой; ниже перехвата шеи свисают две руки, изогнутые под прямым углом.

635. Ряд концентрических кругов, прочерченных тонкими резными линиями.

636. Большое, тщательно вытертое, антропоморфное изображение с длинным, узким туловищем, заканчивающимся внизу плавным изгибом седалища, которое разветвляется на две кривые ноги. Слева видна узкая, длинная рука. Второй руки нет. Голова переходит в корону из шести длинных лучей (рис. 26).

637. Обращенная в сторону антропоморфного существа (636) фигура кабана, выполненная в той же технике. Оба рисунка (636, 637) по тону покрывающего их скального загара неотличимы от скалы и выделяются только благодаря специфическому жирному блеску своей сглаженной поверхности.

638. Композиция из трех превосходно выполненных, реалистических лосей — лосиная семья. Справа виден один лось с массивным, тяжелым телом (самка?), слева второй лось, с более сухим, поджарым туловищем (самец?). Оба лося имеют отчетливо выраженные горбы над лопатками, рога — «спицами». У обоих свисает подшейный клок. Внизу изображен лосенок. Находится на 1.5 м выше короны антропоморфного существа (636). Зарисован на глаз, а не по кальке.

639. Изображение всадника и группы животных. Сцена охоты. Рисунки протерты, отчасти обведены контурной линией. Расположены под небольшим навесом на узких выступах скалы.

640. Схематический рисунок животного.

641. Схематический рисунок животного.

642. Слева изображен всадник на грубо выполненной лошади. Справа лошадь, на которой сидят два всадника, один за другим. Передний всадник, в халате с узкой талией, поднял кверху одну руку с узким, длинным рукавом и опустил другую. Задний всадник тоже поднял руку в одинаковом жесте. Перед ним возвышается тонкое древко, на вершине которого виден треугольный флажок. Изображение вытерто и оконтурено тонкой резной линией. Между двумя лошадиными фигурами видно миниатюрное изображение человека в колоколовидно расширяющемся вниз халате.

643. Две грубые фигуры животных.

644. Лось и, вероятно, лосиха.

645. Реалистично выполненная фигура лося. Рога лося переданы двумя острями — «спицами», под шей кисть. Изображение вытерто, местами улавливается линейный контур.

646. Три фигуры всадников. Первый всадник на коне. Второй всадник на олене с тщательно вырисованными, ветвистыми рогами, похожими на рога марала. Третий всадник изображен на коне с зубчатой гривой (три вертикальных, прямых зубца) и султаном на лбу.

647. Грубо выполненная фигура всадника. Зашлифована, слегка блестит.

648. Фигура животного. На голове тонкими линиями обозначены лосиные рога, под шей — кисть, общие очертания тела напоминают лося. На спине животного всадник.

649. Плохо сохранившаяся фигура животного. Возможно, что здесь налегают друг на друга два разных рисунка, выполненных в одной и той же технике вытирания, а потому неразличимых.

650. Лось. Рисунок сплошь зашлифован.

651. Рисунок стоящего человека, одетого в длинный халат с узкой талией. Рисунок зашлифован и оконтурен тонкой резной линией. Рисунок находится внутри узкой расщелины скалы и незаметен снаружи; у входа в эту расщелину помещаются также рисунки 648 и 650.

652. Композиция, изображающая бегущего оленя, лошадь и всадников. Своеобразная, несколько манерная стилизация этого рисунка напоминает енисейские наскальные рисунки таштыкского времени. В той же стилистической манере изображен конь с всадником, преследующим оленя. На гриве коня два зубца. Под шей висит кисть. Следующая позади лошадь и всадник на коне выполнены грубее. На голове лошадей султаны, на шее кисти, у второго коня на гриве торчат зубцы.

653. Крупная фигура, напоминающая птицу. Справа резная антропоморфная фигурка.

654. Изолированное, крупное изображение коня курыканского стиля.

655. Семь условно изображенных человеческих фигур по пояс, с поднятыми вверх руками.

656. Схематическая фигура человека (по пояс) с поднятыми кверху руками. Изображение сплошь вытерто и оконтурено тонкой резной линией.

657. Композиция, изображающая погоню пяти всадников за лосем. В спине лося торчит наклонно короткий стержень, очевидно изображающий стрелу, пущенную в зверя. На лошадях традиционное роскошное убранство — густые султаны на голове, подшейные кисти и зубцы на гриве. Маленькие головы лошадей покоятся на высоких, изогнутых шеях. Грудь

Рис. 26. Изображение сидящего антропоморфного существа и другие рисунки.

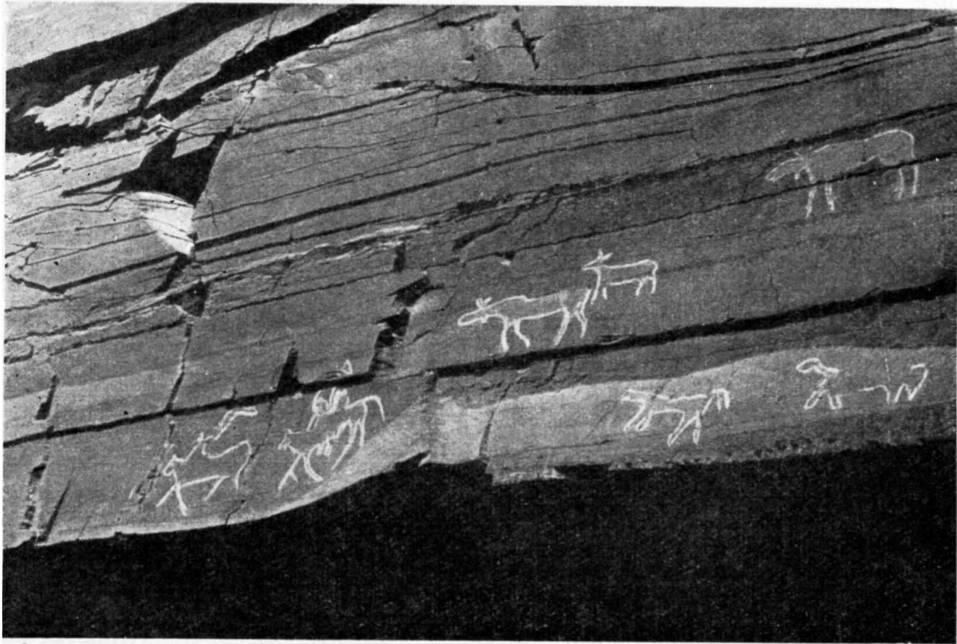

Рис. 27. Изображения лосей и всадников.

лошадей подчеркнута мощная, круп округлый, живот подобран. Ноги длинные, хвост развевается позади волнами. Фигуры всадников обычные, в длинных халатах, руки их симметрично опущены вниз. Между первым слева и вторым конем имеются следы трех изображений водоплавающих птиц и одна целая фигура. Птица сидит в спокойной позе, вытянув шею вверх и повернув голову в сторону. Все четыре изображения птиц тщательно вытерты на поверхности скалы, фигуры всадников околорены тонкой гравированной линией. Изображения птиц по виду старше всадников. Внизу изображен всадник, являющийся подражанием верхним фигурам. Рядом с ним изображен лось, тоже поздний (рис. 28).

658. Грубо вытертое, крупное изображение животного.

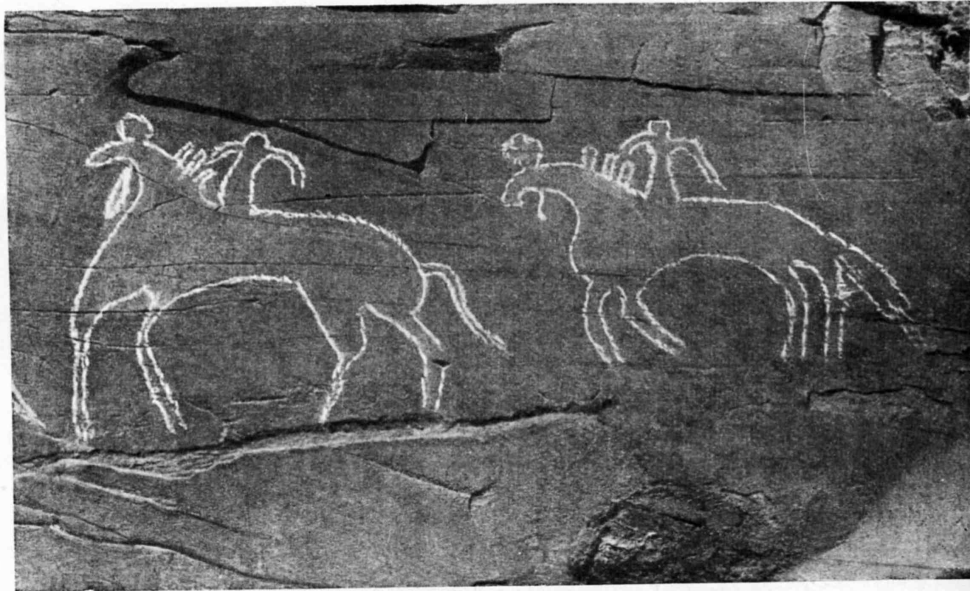

Рис. 28. Изображения всадников.

659. Группа из трех рисунков, изображающих всадников на лошадях, скачущих галопом друг за другом. На среднем коне видны две человеческие фигуры. Задняя из них пририсована позже передней. Убор лошадей (грива зубцами, подшейные кисти, султан на голове) повторяет убор лошадей рисунка 657. Но в целом эти фигуры всадников выполнены значительно схематичнее и грубее.

660. Изображение человека в длинном кафтане, широком внизу и узком в талии. Внутри рисунок вытерт, по контуру обведен линейным желобком. Рядом, слева, легко очерченная фигура животного. Справа, вверху, видна нижняя часть человеческой фигуры.

661. Группа рисунков. В середине изображена лодка. Слева две полулунных лопасти, соединенных одним концом вместе. Справа фигура, похожая на какое-то рубящее орудие, под ней сеть, изображенная, как и верхняя фигура, резными линиями.

662. Вверху шесть схематических человечков, изображенных резными линиями, внизу три фигуры в виде косых крестов из ряда параллельных линий.

663. Грубая фигура всадника. В руке всадника лук. На голове коня султан. Рисунок протерт.

664. Рисунок, изображающий здание с двумя острыми крышами, похожими на крыши патровых церквей XVII в. Затерт небрежно и заштрихован.

665. Грубо протертый штрихами, условный рисунок.
666. Лось. Ноги лося широко раскинуты на бегу; голова вытянута, над ней два лопатообразных рога с отростками. Вытерт.
667. Птица. Над изображением птицы справа три узкие, вертикальные полоски. Слева от птицы видна фигура, напоминающая кисть руки с шестью пальцами.
668. Схематическое изображение животного.
669. Грубое изображение животного с массивным, отвислым туловищем.

Н и ж н и й я р у с

670. Впереди (слева) всадник на лошади. Позади фигуры всадника имеется стилизованное изображение животного (собака?) и знак в виде палочки. Несколько выше нанесена строчка линейных резных знаков, напоминающих руническую надпись.

671. Стилизованное изображение всадника на коне. Рисунок выполнен узкими, вышпифованными полосками.

672. Пять одинаковых стилизованных фигур лошадей.

673. Композиция, состоящая из шести рисунков, расположенных по одной горизонтальной линии, друг за другом. Первый слева рисунок изображает всадника верхом на коне. Туловище коня длинное и узкое, шея короткая, на ней три прямоугольных зубца. Всадник имеет вид прямого стержня, от которого вниз отходят тонкие, кривые полоски — руки. Сзади заметно высокое, тонкое древко, может быть, от флага или копья. За фигурой всадника следует олень, судя по форме его рогов, не лось, а марал. Рога эти имеют вид прямых стержней, от которых отходят в обе стороны отростки — «елочкой». Внизу свисает подшейная кисть. К оленю позже приделан длинный конский хвост. Над оленем изображена отдельная, миниатюрная фигурка прыгающей козули. Правее видна сложная, условная фигура, имеющая вид треугольника, из которого вверх поднимается плавно расширяющийся стержень с четырьмя зубцами наверху. Остальные две фигуры изображают охоту всадника на марала. Всадник едет на коне, грива которого украшена зубцами. На голове коня выступающий вперед высокий, длинный султан, под шеей свисает кисть. В руках у всадника лук, на голове высокий головной убор. Сзади саадак.

674. Два грубо вытертых, небольших изображения животных и несколько резных линий, перекрещивающихся в виде решетки.

675. Слившиеся, плохо сохранившиеся фигуры животных.

676. Три небольших рисунка, изображающих оленей. Животные бегут друг за другом справа налево. У двух передних изображены рога (у одного оленя простой развилкой, как у козули, у другого — длинной дугой, закинутой назад, от которой поднимаются вверх длинные отростки). Третье животное, следующее позади всех, безрогое и меньше остальных по своему размеру. Возможно, что рисунок изображает самку оленя (впереди), самца (посредине) и детеныша (сзади). За группой оленей следует фигура животного с длинным хвостом, похожая на волка.

677. Четыре миниатюрных резных рисунка.

678. Резное линейное изображение всадника, преследующего животное, похожее на лошадь.

679. Резная линейная фигура.

680. Конь с всадником. Фигура всадника сохранилась плохо. Рисунок резной, линейный. Рядом с мордой коня имеются вертикальные резные линии-штрихи.

681. Грубое изображение лося (слева) и примитивная небольшая фигура лошади (справа). На гриве лошади многочисленные прямые зубцы.

682. Композиция из четырех фигур, следующих друг за другом в одном направлении влево. Первая слева фигура — конь, вторая, третья и четвертая — всадники. Вышлифованы.

683. Грубая фигурка животного.
684. Трезубец, обращенный острием вверх. Вырезан глубокими линиями (желобками).
685. Грубо вытертое, схематическое изображение всадника.
686. Крупный рисунок лося. На рисунке хорошо схвачены общие черты массивного тела лося, его крутой горб, большая, тупая морда и рога развилкой.
687. Изображение быка (?).
688. Три следующие друг за другом, грубые фигуры: лошадь, всадник на коне, животное. Рисунки протерты, частично дополнены резными линиями.
689. Композиция из ряда фигур, переданных глубокими резными линиями. Слева животное с очень длинным туловищем. Около него видны два квадрата, пересеченных накрест по диагоналям прямыми линиями. Правее фигура всадника, сидящего на коне, грива которого усажена зубцами. Далее справа вторая фигура всадника.
690. Серия зашлифованных рисунков, обведенных резными линиями по контуру. Изображены четыре всадника. Позади третьего всадника видна широкая полоса, усаженная зубцами (саадак). Имеется также два фрагмента голов животных, по-видимому лошадей.
691. Изображение всадника. Внизу видны остатки еще одного рисунка животного.
692. Большая композиция из трех частей. Слева изображена птица с длинной шеей. Под ней находятся три резных линейных по технике фигуры лошадей. На двух лошадиных фигурах имеются столь же примитивные изображения всадников. В середине композиции находится большая фигура оленя-марала. Фигура эта вытерта сплошь, ноги ее имеют вид глубоких, прямых желобков, на дне которых уцелели многочисленные штрихи, хорошо передающие продольные движения инструмента, которым они выполнены. Справа небольшая стилизованная фигура оленя, выполненная резными линиями.
693. Вверху резное условное изображение и линии. Справа крупная фигура, по-видимому, лошади (голова ее не уцелела), внизу располагается семь фигур: бык (граффити), лошадь с всадником, второй бык (тоже в технике граффити), две условные фигуры (вытерты), всадник (вытерт) на коне с высоко поднятой шеей, усаженной зубцами, фрагмент антропоморфного изображения (по пояс).
694. Три взаимно налегающих друг на друга рисунка. Вверху изображена лошадь (передняя половина туловища отсутствует), ниже фигура всадника, под которой была нанесена более ранняя фигура животного. Рисунки вытерты и частично обведены контурной линией.
695. Слева четвероногое животное с высоко поднятой маленькой головой, над которой возвышаются стилизованные рога развилкой. Справа маленькая, уродливая фигурка животного с прямым хвостом (лошадь?).
696. Передняя часть крупного рисунка лося.
697. Резная, прямолинейно-геометрическая по очертаниям фигура, условно изображающая животное.
698. Плавно очерченная, изящная фигура животного, по-видимому изображающая оленя или козулю. Рисунок вырезан тонкими линиями. Выше пять вертикальных линий.
699. Рисунок животного, от которого уцелело только туловище. Вытерт, светлее, чем скальный фон. Справа знак в виде угла.
700. Две схематические фигуры животных. Рядом находится антропоморфная фигура, выполненная резными линиями.

КАМЕНЬ XXIX

Верхний ярус

701. Всадник на коне. За ним идет лось. Позади лося плохо сохранившаяся фигура животного.
702. Три фигуры всадников.

703. Пять человечков. Заметны слабо, линии слегка процарапанного рисунка немного светлее фона.

704. Рисунок, напоминающий по форме шалаш. Техника — граффити.

705. Изображение человека. Техника — граффити.

706. Две схематические фигурки.

707. Большая, реалистически выполненная голова лося. Рисунок тщательно вытерт, поверхность его гладкая, слегка блестящая. Нетронутой естественная поверхность скалы оставлена только на месте глаза. По общему своему тону рисунок слегка светлее скального фона.

Изображение находится на высоте 3—4 м от подножия и трудно достижимо.

708. Восемь птиц (гуси?), сидящих в ряд. Все обращены головами влево. Первые шесть птиц изображены стоящими с поднятой вверх головой. Седьмая птица, изображенная несколько выше остальных, подняла крылья, готовится взлететь. Восьмая стоит спокойно. У всех птиц тяжелое тело с выпуклой грудью и таким же брюшком, довольно длинная шея и маленькая голова. Справа от восьми сидящих птиц изображена девятая, в полете. Шея этой птицы изогнута вбок, крылья ее распушены, хвост вытянут. Изображения птиц вытерты и выделяются на скале более светлым пятном, кое-где прослеживается оконтуривающая их тонкая резная линия. Над птицами имеется изолированная небольшая фигурка всадника.

709. Группа рисунков, изображающих всадников, лося и схематические знаки. Изображения всадников и лося вытерты. Знаки нанесены красной краской. Фигуры двух всадников и лося, находящиеся в верхней части композиции, изображают сцену охоты на лося. Луки всадников направлены на зверя. Один всадник преследует его сзади, второй напал спереди. Справа еще один всадник, выполненный в иной стилистической манере. У коня, на котором сидит всадник, две головы. Это, по-видимому, объясняется тем, что здесь слились две разновременные фигуры лошадей. Рядом с этой фигурой условная фигура в виде овала с развилкой внизу, выполненная красной краской. В нижней части композиции изображены три небольшие фигуры всадников. Там же находятся фрагмент пятой, более крупной лошадиной фигуры и условные знаки, нанесенные красной краской (палочки, знак в виде буквы «П»), а также резные короткие линии.

710. Крупная фигура всадника с узкой талией и широкими плечами. Позади виден саадак. На шее коня широкий султан, внизу свисает подшейная кисть.

711. Слева от описанной фигуры всадника хорошо выполненные рога оленя и довольно хорошо сохранившаяся фигура курыканского всадника. На голове коня султан, под шейей кисть, на гриве четыре прямых зубца. Всадник в узком кафтане, с опущенными вниз руками. Сзади виден выступ, на этот раз скорее не саадака, а прямого меча.

Нижний ярус

712. Слева всадник на коне, справа одиночная фигура коня (может быть, жеребенка). Перед всадником виден лук.

713. Две человеческие фигуры, изображенные стоя. Одеты в длинные одежды, у обеих фигур показаны ноги, у одной в руке виден желез. На том же рисунке имеется голова животного, а в 25 см далее фигура идущего лося.

714. Схематически выполненная фигура животного. Передние ноги животного кривые и непомерно длинные.

715. Вверху схематически трактованный всадник, рядом с ним условная фигурка человека с большой головой и как будто в длинном кафтане. Ниже находится фигура животного, похожего на быка. В самом низу композиции видна грубо изображенная лошадь, над которой косо расположено древко со свисающим вниз флагом из двух лопастей.

716. Слева две человеческие фигуры. Крайняя слева в странной позе наклонно. На голове ее остроконечный головной убор (перо?), на теле длинный кафтан с узкими рукавами, перехва-

ченный в талии. Вторая фигура тоже в странном изгибе, как бы обращается к первой. Правее голова лошади, оставшаяся от исчезнувшей лошадиной фигуры. Ниже резной линейный знак в виде «елочки». Рядом с ним, левее, три человеческие фигуры. Две в длинном платье, третья (средняя) в узком кафтане. Внизу плохо сохранившееся изображение животного. Справа от описанной композиции изображены две человеческие фигуры со столбообразными головами, затерты. Фигуры эти частично перекрыты более поздними линейными рисунками в виде косых и прямых перекрещивающихся линий. Вверху над последними заметна голова козы или оленя (затерта), остальная часть этой фигуры не сохранилась.

717. Две человеческие фигуры. Справа неясная фигура животного (?).

718. Фигура оленя с утрированно длинными ногами; рога изображены дугой с отходящими от нее поперечными отростками. Сзади (справа) остатки фигуры животного (?). Рисунки затерты, контуры фигур обведены тонкой прочерченной линией.

719. Четыре человеческие фигуры. Все в длинных халатах, суженных посередине. У второй слева около головы виден вертикальный выступ, очевидно жезл. Рисунок выполнен сплошной штриховкой.

720. Грубое изображение животного. Выше небольшая фигурка всадника на коне. Перед всадником видна кривая полоса, означающая лук.

721. Сложная композиция из перекрывающихся друг друга фигур. Наиболее ранними являются изображения людей в длинных одеждах, с тщательно выделенными выступами ног. Поверх человеческих фигур были нанесены изображения оленей. Олени выполнены схематично, рога их имеют вид прямых стержней с тройными развилками наверху. Там же имеется две фигурки животных меньшего размера, возможно, одновременных человеческим фигурам в длинных платьях.

722. Всадник. Рисунок выполнен густыми штрихами.

723. Двенадцать взявшихся за руки человеческих фигур. У первой слева фигуры виден флаг или знамя на коротком древке. Далее следуют один за другим человечки с хорошо обозначенными ногами в виде развилки. Четвертая справа фигура имеет прямо срезанный наверху, клубковидный головной убор; у нее видна только одна рука. Девятая и десятая фигуры выделяются тем, что они повернуты друг к другу и взялись за руки. Справа от одиннадцатой фигуры видна фигура, напоминающая «елочку» (может быть, это стилизованное изображение рогов исчезнувшей оленьей фигуры). Дальше направо длинная стилизованная фигура оленя, рога которого имеют вид стержней с отростками. Над оленем заметна голова лошади, увенчанная султаном. В самом конце композиции, справа, имеется фрагмент плохо сохранившейся фигуры.

724. Слева птицы. Они сидят стаяй, вытянув шею и голову вверх. Рядом с птицами крупное изображение лося. На голове его рога характерной, лопатообразной формы, передняя и задняя ноги животного на ходу скрещены. Под изображением лося небольшая, примитивная фигура животного.

725. Схематическая фигура человека. Рядом с ней такая же фигурка (?).

726. Схематическое изображение всадника. Выше видна вторая схематическая фигура человека (фрагмент).

727. Схематическая фигура коня.

728. Всадник. Позади фигура животного.

729. Изображение двух всадников и лошади. Рисунки отличаются по стилю и, несомненно, разновременны. Первый слева рисунок зашлифован, остальные вытерты.

730. Два всадника и убегающий от них лось (посередине).

731. Справа всадник на лошади, слева крупная фигура лося.

732. Всадник. Впереди (справа) видна фигура животного, по-видимому, козули.

733. Человеческая фигура в длинной одежде.

734. Грубое изображение лошади.

735. Лось. Протерт, по контуру обведен тонкой резной линией.

736. Фигура всадника. Выполнена резными линиями.
737. Две фигуры всадников. Всадники одеты в обычные кафтаны с узкой талией.
738. Сложный рисунок, выполненный тонкими резными линиями, в том числе условные человеческие фигуры.
739. Ветвистый рог оленя (часть исчезнувшей фигуры этого животного).
740. Крупное, слегка вышлифованное изображение идущего лося. Голова не сохранилась.
741. Линейное изображение животного.
742. Группа лосей и благородных оленей. Первая слева фигура изображает, судя по рогам лошадей, лося в необычной позе — вертикально, со слегка наклонным вперед туловищем и вытянутыми вперед ногами. Второй слева олень изображен стоящим, с головой, обращенной вправо, к третьему, который изображен в точно такой же позе, как и первый, вертикально, с мордой, обращенной влево. У четвертого оленя закинута на спину, длинные, ветвистые рога. Фигура третьего оленя сплошь покрыта нарочито нанесенными, мелкими выбоинами. Возможно, что эти выбоины условно изображают шерсть животного. Изображения оленей тщательно зашлифованы и, кроме того, обведены по контуру глубоким прорезанным желобком.
743. Ряд фигур, частично налегающих друг на друга и выполненных более или менее глубокими резными линиями по гладкой поверхности скалы, покрытой скальным загаром. Лучше видны две фигуры всадников на конях (один с саадаком). Справа очертания лосиной головы с двумя прямыми рогами, «спицами». Слева знаки в виде креста и трезубца, обращенного остриями вниз. Большая часть фигур погибла.
744. Три условные фигуры в виде трезубцев, обращенных остриями вверх. Трезубцы соприкасаются друг с другом концами и образуют, таким образом, сплошную зигзагообразную линию. Рисунок вырезан тонкой, но отчетливой линией.
745. Сеть, образованная косыми, перекрещивающимися резными линиями, и два животных, направляющихся к сети. Первое животное, от которого уцелела только передняя часть тела, неопределимо, второе изображает оленя-марала.
746. Схематическое изображение животного. Оформлено тонкой резной линией.
747. Два оленя, бегущих друг за другом влево.
748. Всадник на коне. Позади всадника кривой выступ, вероятно, означающий саадак или луку седла.
749. Грубое изображение всадника. На гриве коня видны зубцы.
750. Трезубец. Вырезан глубоким желобом.
751. Выполненное тонкими резными линиями, схематическое изображение людей.
752. Схематическое изображение двух животных. Затерто. По контуру окаймлено слабо заметной линией.
753. Многофигурная композиция из четырех горизонтальных рядов рисунков. В первом сверху ряду слева изображен олень, а затем лось, под которым видна небольшая фигурка человека с луком. За этим лосем в том же направлении следует еще один. Под ним фигурка человека с луком. Справа фигурка животного, по-видимому, оленя, повернувшего голову назад. Правее небольшая, частично сохранившаяся фигурка животного. Во втором ряду изображено девять водоплавающих птиц, крайняя слева птица в позе взлета, хвост ее распущен, одно крыло загнуто концом вниз, другое вверх. Остальные птицы изображены стоящими спокойно, на одной ноге. Около птиц имеются две фигурки, изображающие, судя по очертаниям тела, вытянутому хвосту и острым, торчащим кверху ушам, собак. В третьем ряду изображены два всадника. Правее схематическая фигурка животного. Слева еще одна схематическая фигура животного. В четвертом ряду видны скачущее влево животное и кривая полоса. Левее три схематических изображения животных, в том числе одно геометризованное, выполненное тонкими резными линиями. У второго из них на спине отчетливо нарисованы два прямых выступа (седло?), а на голове длинный зубец (султан?).

Эта многофигурная композиция находится на неровной, темной поверхности скалы, в естественной нише, на высоте 5 м от подножия скалы, куда можно пробраться только по узкому, скалистому карнизу. Изображения тщательно вытерты, но почти неотличимы по цвету от темного скального фона. Местами прослеживается тонкая резная линия контура. Основная группа их, расположенная в четырех горизонтальных рядах, несомненно принадлежит одному времени. Однако схематические рисунки животных слева и справа от основной группы, должно быть, более поздние.

754. Изображения птиц (?). Сохранились плохо.

755. Три схематически выполненных человека; ноги обозначены развилками, руки вытянуты в стороны.

756. Изображение оленя или лося. Над спиной животного видна длинная человеческая фигура. Там же следы других рисунков, изображающих животных.

757. Олень с закинутыми назад рогами. Рисунок зашлифован. Выполнен грубо.

758. Два всадника. Первый заштрихован продольными штрихами. Рисунок первого всадника пришлифован и оконтурен тонкой линией, второй рисунок вытерт.

759. Крупное изображение всадника. На голове лошади султан.

760. Группа животных. Слева небольшой рисунок лося (?), в середине слившиеся две фигуры животных, у передней (правой) виден подшейный клок, характерный для лося. Крайний справа рисунок (лось) не имеет головы.

761. Три схематические человеческие фигуры, изображенные стоя, во весь рост. Лошадь с седлом. Под брюхом коня заметен прямоугольный выступ, возможно, означающий чепрак. Изображения вытерты, отличаются от скального фона только по блеску.

762. Пвозка и бык, а также человек, сидящий на быке (?).

763. Четыре примитивные фигуры животных, по-видимому лосей. Рисунки вытерты, по контуру идет тонкая прочерченная линия.

764. Грубый рисунок животного и схематическая фигурка человека.

765. Композиция из десяти небольших фигур. Вверху слева видны три человеческие фигуры, справа изображена лошадь и рядом с ней всадник. В нижнем ряду слева человеческая фигура, рядом всадник, затем следуют две человеческие фигурки — одна в рост, с хорошо выраженными ногами, вторая условная, в виде бюста; правее фигура животного, похожего на быка.

766. Всадник.

767. Три рисунка. Слева фигура всадника на коне. На шее коня три выступа-зубца, условно означающих, очевидно, уши и султан. Под шеей миниатюрная кисть. На голове всадника виден двурогий головной убор, позади его выступ саадака. Вправо от всадника расположены в ряд две схематически трактованные небольшие человеческие фигурки.

768. Слева передняя часть изображения животного с острой мордой. Правее изображение всадника на коне. Позади всадника выступ, вероятно, саадак. Еще правее видна фигура стоящего человека. Внизу имеется еще одна фигура всадника.

769. Слева бегущее животное, может быть, олень. Справа всадник. Правее изображения животных видно более раннее изображение, напоминающее рога носорога и являющееся, очевидно, остатком какой-то крупной фигуры. Рога вытерты.

КАМЕНЬ XXX (рис. 29)

770. Стилизованное изображение животного. Фрагментарно.

771. Схематически трактованная фигура животного. Рядом линейные рисунки.

772. Композиция из ряда вытертых фигур. Крайняя слева фигура изображает животное, судя по хвосту — лошадь. Вторая фигура (рядом с ней) напоминает медведя. Третья фигура изображает лося. Правее видна четвертая фигура лошади, около нее имеются фрагменты изображений животных.

773. Композиция из четырех фигур всадников курыканского стиля. Вверху два всадника на высоких, изящно очерченных конях. У первого слева всадника на голове виден убор конической формы (шлем?). В руках у него копьё, древко которого поставлено вертикально. У второго всадника в руках тоже что-то вроде древка копья. Он тоже имеет на голове шлем. Оба всад-

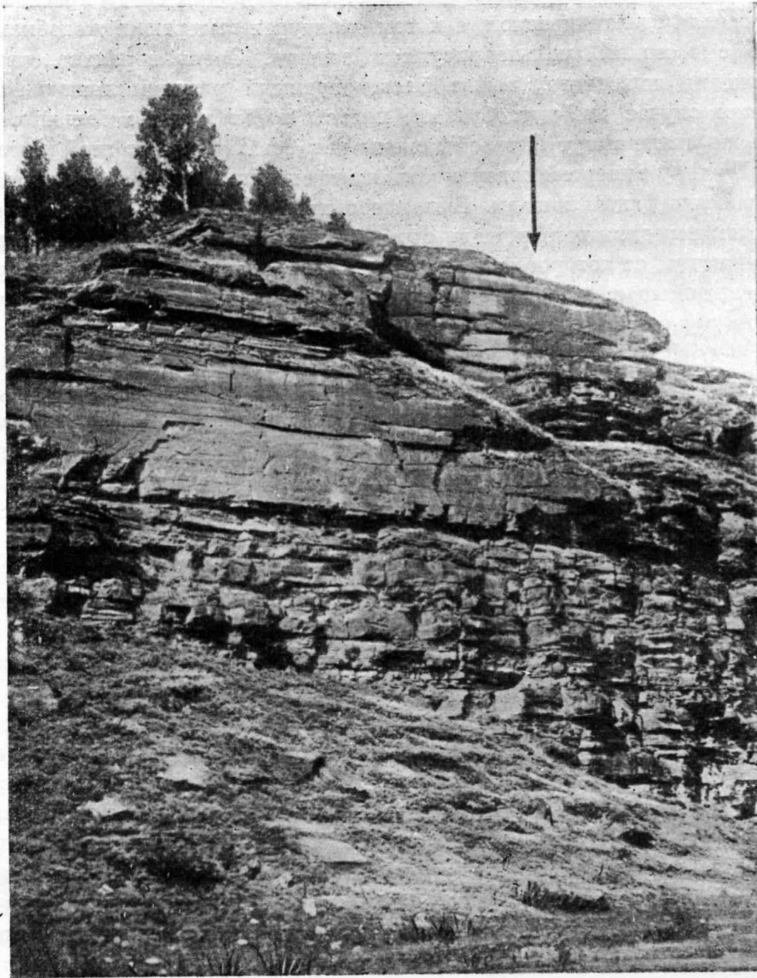

Рис. 29. Общий вид камня XXX. Наверху уступ, где находится большое изображение коня (палеолитическое), отмечено стрелкой.

ника одеты в кафтаны, сильно перетянутые в талии. Внизу изображены два всадника, один из них, должно быть, стоит на коне в позе джигитовки.

774. Композиция из ряда фигур различного размера. Слева всадник. Впереди всадника имеется выступ, возможно, условно означающий лук. Сзади есть еще один выступ, вероятно саadak. Правее видны фрагменты схематически очерченных трех фигур животных, в том числе коня с флагом (?). Рядом с ними большая фигура животного, напоминающего лося. У задней его ноги находится маленькая, схематическая фигурка животного. Правее голова лося, фигурка человека (верхняя часть туловища с большой головой) и следы других, исчезнувших рисунков.

775. Фрагмент большой фигуры животного (две ноги).

776. Две грубые фигуры лошадей. Малая (верхняя) фигура имеет подшейную кисть. Выше виден фрагмент головы крупной птицы (?).

777. Две широкие, дугообразные линии, вытертые на гладком фоне скалы глубокими желобками. Внутри оконтуренного желобками пространства видны следы красной краски. Рисунок этот был сначала сделан краской, а потом оконтурен вытертыми желобками, так же как это произошло с соседним, малым рисунком лошади. Очень вероятно, что здесь находилось изображение животного, может быть, огромный рисунок лошади, позднее исчезнувший. В таком случае две дугообразные полосы по аналогии с большим изображением лошади на той же скале могут быть объяснены как остатки хвоста этой исчезнувшей лошадиной фигуры. По тону вытертой поверхности она неотличима от скального фона.

778. Изображение дикой лошади. Выполнено красной краской. Зашлифовано позднее по контуру. При этом передняя нога лошади была продолжена вниз и слилась с ранее вытертой там фигурой человечка, от которого уцелела только нижняя часть (ноги и низ туловища). Зато второй человечек, помещавшийся рядом с исчезнувшим, сохранился нетронутым. Он имеет на голове рога, одна рука его поднята вверх, другая опущена вниз. Фигурка человечка сплошь вытерта.

779. Антропоморфное существо. На месте головы кривые, развилстые рога, руки кривые, опущены вниз, на них посередине имеются вертикальные, короткие выступы. Правая рука сильно загнута вниз, крючком. Туловище фигуры широкое и прямое. Низ фигуры прослеживается плохо, но отчетливо видна кривая и узкая правая нога. Фигура сплошь покрыта красной краской, сильно выцветшей от времени, краска сохранилась лучше по контуру рисунка, где она, очевидно, была положена более густо. На туловище фигуры видны следы вытирания.

780. Большая фигура жеребца, выполненная красной краской, и сопровождающие ее другие мелкие рисунки (овал, зигзаг, Г-образный знак).

781. Два резных схематических человечка, выполненных тонкими линиями. На голове у правой фигуры рога.

782. Большая композиция, изображающая пять всадников и трех пешеходов с луками. Возможно, что это сцена боя конников с пешими воинами. У двух всадников в руках также видны луки. На одном коне изображено два всадника. На одной, лучше сохранившейся фигуре всадника виден обычный для курыканских всадников костюм в виде узкого кафтана, туго перетянутого в талии. Пешие воины тоже изображены схематично. Их отличает, однако, от всадников прямая одежда, без перетянутой талии. У двух фигур отчетливо обозначены ноги. По всем признакам это представители иной этнической группы, с другим типом одежды. Скорее всего перед нами лесные жители, в характерной для них, в отличие от степняков, узкой, короткой верхней одежде в виде куртки или рубахи, не перетянутой в талии, и штанов.

783. Грубое изображение человека в виде креста и такое же изображение животного, стоящего в спокойной позе, с вытянутой вперед головой.

784. Рисунок, выполненный темно-красной краской, почти вишневой. Скала, на которой он находится, вследствие своего положения сильно выветрилась, во многих местах верхний слой ее, покрытый краской, отстал и обвалился корочкой в 1.5—2 мм толщиной. Из большой и сложной, когда-то красочной композиции сейчас сохранилось лишь несколько пятен и две фигуры. Первая фигура находится в левой части композиции. Она уцелела лучше и полнее всех. Внизу виден длинный, прямой стержень, который заканчивается наверху широкой, миндалевидной фигуркой, обращенной расширенной частью вверх. От последней в стороны радиально расходятся широкие лучи. Вторая фигура имела такой же характер. От нее сохранилась только верхняя часть миндалевидного навершия с многочисленными, исходящими от нее радиальными лучами.

КАМЕНЬ XXXI

Верхний ярус

785. Фрагмент вытертой фигуры животного, судя по очертаниям массивного тела и постановке ног — лось.

786. Группа резных схематических рисунков. Лось, изображенный в спокойной позе, стоя. Рисунок лося обведен по контуру тонкой резной линией.

787. Грубая, но выразительная фигура лося. Рисунок вытерт и обведен контурной линией.

788. Резное линейное изображение человека с поднятыми вверх, короткими руками, в узком кафтане.

789. Схематическое изображение двух животных. Рисунок выполнен тонкими резными линиями.

790. Схематический линейный рисунок.

791. Грубые изображения восьми человеческих фигур, расположенных в один горизонтальный ряд.

792. Десять антропоморфных фигур, расположенных в горизонтальный ряд. У всех фигур, кроме одной, уцелели только нижние части туловища. Одна фигура целая, характерным образом искривленная, как бы во время прыжка, с одной ногой, у которой отчетливо выделена поставленная в профиль, влево, ступня. Полностью сохранившаяся фигура имеет длинное, треугольное туловище, непосредственно переходящее в ногу, руки отсутствуют, плечи прямые, вместо головы — пышная корона. Рисунки тщательно вытерты на поверхности скалы. Находятся на значительной высоте и без специальных приспособлений недоступны. Поблизости имеются еще такие же рисунки, в том числе изображение лося.

793. Рисунки оленя с ветвистыми рогами и двух всадников. Один всадник изображен условно, вертикальным столбиком, другой сохранился неполностью, но у него уцелел узкий, в талию, кафтан и позади саадак. Справа, около оленя, видна грубая фигура животного, задняя половина которого не уцелела.

794. Изображение лошади с длинным, кривым хвостом.

795. Фигура человека стоя. Рядом рисунок всадника на коне.

796. Поясная фигура человека с луком в одной руке.

797. Грубое изображение животного.

798. Вытертые изображения пяти человечков, стоящих в ряд и взявшихся друг за друга руками.

799. Сложная композиция из ряда условных фигур. Слева виден всадник, как бы стоящий на коне. Внизу фигура танцующего человечка. Правее и ниже животное, по-видимому, лось, который повернул на бегу голову назад. Рядом второй танцующий человечек. Рисунок вытерт, обведен по контуру резной линией.

800. Схематическое изображение всадника. У лошади на гриве видны три коротких зубца.

801. Схематическое изображение всадника с флажком.

802. Два животных, следующие друг за другом (лось и собака?).

803. Фигура скачущей лошади с тремя зубцами на шее. Рядом три условные фигуры (знак в виде копыта, два треугольника с хвостами) и сильно схематизированная фигура животного.

804. Две человеческие фигуры, стоящие в ряд.

805. Фигура животного (лось?).

806. Сцена погони всадника за лосем. От фигуры всадника уцелела только голова лошади с султаном, но смысл сцены восстанавливается по аналогичным сценам на других рисунках.

Нижний ярус

807. Вытертая фигура животного (лошадь?), позади нее видны короткие врезанные линии.

808. Всадник на лошади. В руках всадника длинное древко, на конце которого флажок и более крупное полотнище, расчерченное внутри в клетку. Всадник преследует убегающую от него лошадь. Рисунок выполнен тонкими резными линиями. Тут же имеется много еле заметных резных линий, оставшихся от погибших рисунков.

809. Всадник на коне. В руках у всадника лук, направленный в бегущее впереди животное (козулю). Фигура всадника обведена по контуру тонкой резной линией.

810. Изображение всадника, преследующего оленя или лося.

811. Линейное изображение бегущей козули. Фигура животного заштрихована сплошь прямыми линиями, на туловище пересекающимися в виде шахматно-ромбической сетки.

812. Группа резных линейных рисунков схематического характера, в том числе слева рисунок, заштрихованный в косую сетку.

813. Грубое изображение животного (слева) и две примитивные человеческие фигуры (справа).

814. Пеший воин, стреляющий из лука в сидящую профильную фигуру. У последней тело сильно изогнуто.

815. Группа небольших фигур. Крайняя слева — фигура быка, везущего кибитку с плоским верхом. За кибиткой следуют две грубо стилизованные фигуры животных.

816. Вытертая фигура всадника с саадаком; под брюхом коня большая кисть. Рядом имеются остатки сильно выветрившейся фигуры всадника.

817. Знак в виде треугольника, глубоко врезанный желобком. Рядом тонко прочерченная схематическая фигурка человека.

818. Прочерченный глубокими линиями треугольник.

819. Серия фигур. Впереди едет всадник. На голове его головной убор с торчащим наискось вверх выступом (перо?). Позади косо поднимается стержень со свисающими от него двумя подвесками, лентами или кистями. Это, очевидно, украшения саадака. Затем изображены несколько условных фигур (человек, животное?) и второй всадник. У второго всадника головной убор кончается вертикальным стержнем; в руке его лук, позади видны короткая дуга седла и саадак. Под брюхом коня видна далеко выступающая вперед нога всадника с тщательно очерченной, большой ступней. Над мордой коня торчат его уши, впереди выдается свисающий вниз султан. Все рисунки тщательно вытерты, отчасти даже зашлифованы.

820. Линейное резное изображение животного. Пересечено косыми линиями. Рядом несколько вертикальных и косых линий, пересеченных горизонтальной линией.

821. Три фигуры животных.

822. Резные глубокие линии — вертикальные и косые, в том числе схематическое изображение человека. Отдельно изображена небольшая, схематическая фигурка лошади.

823. Резные линии, косые и вертикальные.

824. Схематические резные рисунки, в том числе условная фигура птицы (?).

825. Три рисунка: сверху остатки фигуры скачущего лося, ниже бегущая лошадь, затем крупная фигура спокойно стоящего на месте лося.

826. Резной треугольник и также схематические фигурки человечков.

827. Вертикальная палочка и два изображения животных.

828. Резная линейная «метелка».

829. Резные линейные знаки: крест и треугольник.

830. Схематическая резная фигура в виде остова шалаша (?).

831. Геометрический рисунок.

832. Изображение животного. Рядом остатки второй фигуры животного.

833. Слева выполненная резными линиями схематическая фигура человека; затем следуют слева направо вытертое изображение лежащего лося, резной знак в виде косоугольного креста, вытертая, короткая дуга.

834. Ряд резных линейных фигур. Выполнены линиями различной глубины. Выделяются изображения человечков (пять фигур в ряд), солнце с лучами, косо поставленный трезубец.

835. Грубая фигура животного.

836. Трезубец остриями вниз. Граффити.

837. Изображения двух животных. Левое вытерто, правое резное.

838. Всадник на коне. Впереди фрагмент изображения животного.

839. Бегущая козуля. Рисунок вытерт и оконтурен резной линией.

840. Схематические резные рисунки. Слева условная фигура животного. Рядом вторая фигура животного, правее олень или коза; перед ней ряд вертикальных штрихов (охотничья изгородь?).

841. Изображение оленя.

842. Трезубец, выполнен штрихами.

843. На недоступном выступе скалы (высота 10—12 м от пола) помещается полное изображение сохатого, обращенного вправо, и голова второго лося, обращенная влево. Очертания тела первого лося и головы второго переданы сплошной контурной полосой, протертой на гладкой поверхности скалы, покрытой скальным загаром. Уши и подшейная кисть первого лося вытерты сплошь. Глаз обозначен вытертым кружком. Между мордами обоих лосей виден второй такой же вытертый кружок (может быть, первоначальная неудачная наметка для глаза и морда зверя?). Тон вытертой полосы, оконтуривающей морду второго лося, темнее, чем на первой фигуре, и почти сливается со скальным фоном. Следует полагать, что оба изображения были выполнены одинаково, полными фигурами, но вторая фигура, гуще покрытая скальным загаром, стала неразличимой снизу.

844. Большая композиция из ряда тщательно выполненных рисунков. Первый слева изображает всадника на коне, едущего влево. Вторым рисунком также изображает всадника, который едет вправо. За спиной всадника виден выступ саадака (?). Правее находится группа птиц (в количестве тринадцати). Птицы с крупным, массивным туловищем, расположены живописной группой, в разнообразных позах. Птицы нижнего ряда, кроме одной — в середине, сидят или стоят, обращены влево. Крайняя из них подняла вверх крыло, как бы готовясь взлететь. Птицы верхнего ряда обращены вправо. У десяти птиц отчетливо показаны ноги в виде коротких выступов. Справа видна фигура спокойно стоящей лошади с высоко поднятой головой.

845. Схематические резные изображения. Сделаны глубоким желобком. Судя по сохранности, древние.

846. Слева всадник на коне. Справа конь. Вместо головы у коня (под всадником) тупой выступ. Фигура всадника выполнена более тщательно. Он в узком кафтане, позади него имеется треугольный флажок на косом древке. Рисунки шлифованы и дополнительно обведены тонким линейным контуром.

847. Два грубых рисунка человеческих фигур стоя и два столь же грубых изображения животных.

848. Фрагмент грубой фигуры животного.

849. Резные линейно-схематические рисунки. Сохранность плохая.

850. Возможно, две слившиеся фигуры — человека и животного. Голова животного повернута вправо.

851. Группа резных схематических рисунков, в том числе знак, напоминающий лук с натянутой стрелой.

РИСУНКИ ЗА МЕЛЬНИЦЕЙ (рис. 30)

852. Человек в кафтане с узкой, туго перетянутой, талией. Справа широкая, косая полоса. Ниже, слева, крестообразный знак из скрещенных линий. Рядом с ним часть ноги животного.

853. Изображение бегущей лошади с султаном на голове. Зашлифовано.

854. Линейный рисунок (фрагмент).

855. Два оленя, следующие друг за другом справа налево, т. е. вниз по течению реки. Левый рисунок фрагментарен. Рисунок второго оленя (справа) хорошо передает формы тела оленя и его быстрый, размашистый бег. Тщательно переданы ветвистые рога в виде длинного, кривого стержня с пятью загнутыми вперед отростками.

856. Справа антропоморфная фигура в длиннополой одежде, в талию. Слева от антропоморфного изображения рисунок из пересекающихся кривых и прямых линий, одна из которых заканчивается стилизованной головой животного. Выше замечен рисунок оленя, выполненный таким же резным штрихом. Возможно, что вся эта композиция условно изображает ловчие изгороди и находящиеся в них зверей.

857. В небольшой пещерке, глубокой расщелине, прямо против шишкинской мельницы, на западной расщелине стены, находятся глубоко врезанные металлическим острием начертания типа буквенных знаков. На некоторых из них имеются как будто сделанные позже, более тонкими и не столь глубокими нарезками поперечины.

858. Два превосходно выполненных крупных изображения лосей. Впереди, справа, т. е. вверх по течению реки, бежит рысдой самка лося, отличающаяся наличием двух острых «спиц» вместо развилчатых рогов. Сзади следует второй лось — самец, о чем свидетельствуют тщательно очерченные, лопатообразные рога с разветвлениями. Второй лось, как и первый, показан в быстром беге. В обоих рисунках умело переданы общие пропорции тела животных и динамика их движения. Выразительно схвачены в силуэте специфические черты тела лося — форма рогов, подшейный клок и крутой горб над лопатками. Оба рисунка тщательно затерты, почти зашлифованы.

859. Две человеческие фигуры в длинных платьях типа халата, стоящие рядом друг с другом. У левой фигуры халат сужен в плечах и расширяется книзу, левая рука его длиннее правой. Возможно, что так передается длинный ложный рукав халата среднеазиатского типа. Ноги на обеих фигурах обозначены особо, причем отчетливо выделены их ступни, обращенные у обеих фигур в противоположные стороны.

860. Состоит из нескольких разновременных фигур: слева видны остатки затертой крупной фигуры животного (задняя часть); резная линейная фигура человека; фрагменты резного линейного изображения всадника; вместе с предшествующими он, очевидно, составлял одну композицию, изображавшую двух следующих друг за другом всадников; резная линейная фигура в виде параболовидного выступа с зубцами наверху; вытертая фигура всадника, в руке у всадника видно древко копья или флага, на голове коня султанчик; небольшая схематическая фигура животного; фигура в виде развилки, вероятно нижняя часть человеческого изображения; фигура человечка, трактованная очень примитивно; фрагмент фигуры животного; антропоморфная фигура; фрагмент изображения животного (задняя половина).

861. Группа рисунков. Слева видна неполностью сохранившаяся, примитивная фигура животного. Далее: стилизованная фигура человека в рост, с раздвинутыми широко ногами и поднятыми вверх руками, руки согнуты в локтях под прямым углом; изображение всадника и своеобразно стилизованного животного с острой мордой и торчащими косо вперед ухом. Все рисунки могут быть обнаружены лишь при внимательном осмотре скалы.

862. Грубое изображение животного с неуклюжей мордой, двумя передними ногами и одной задней ногой (и чрезмерно длинным хвостом).

863. Примитивно выполненная фигура животного, очевидно лося.

864. Четыре фигуры: изображение животного, закинувшего голову назад, сзади видна линейная резная фигура человека, пририсованная, видимо, позднее; фрагмент изображения животного; фигура животного, выполнена грубо; резная линейная фигура в виде трезубца.

865. Группа рисунков: два грубых изображения всадника; фрагмент изображения человека с поднятыми вверх руками; верхняя часть человеческой фигуры; фигура всадника.

866. Группа резных линейных рисунков: косые палочки, У-образный знак, стилизованное изображение человека (?).

867. Резные линейные рисунки: знак в виде косога креста, три вертикальные полосы, У-образный знак, две вертикальные линии.

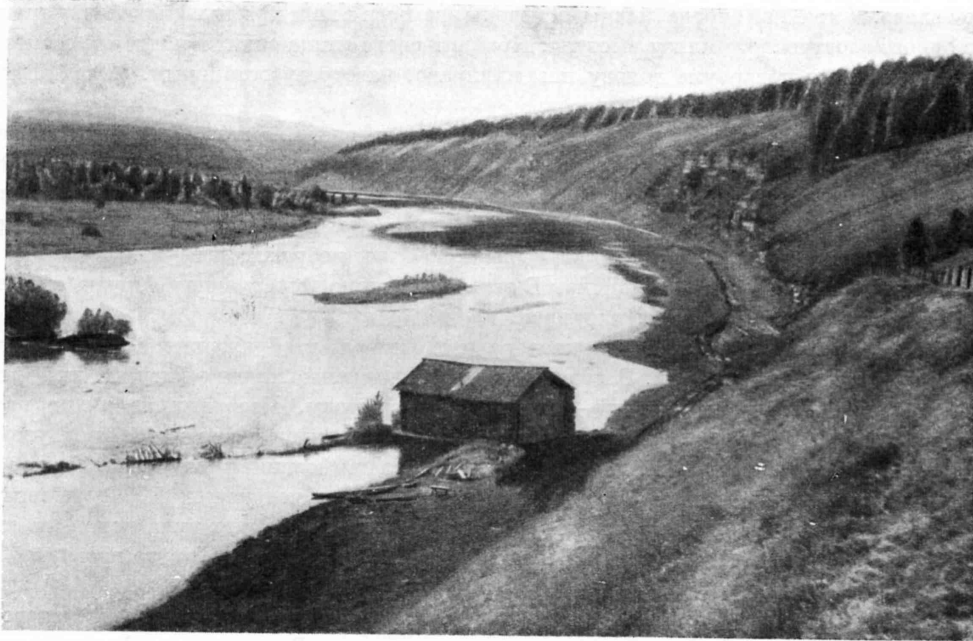

Рис. 30. Шипкинская мельница и писаные скалы около нее.

868. Стилизованное изображение козули, о чем свидетельствуют условно изображенные развилками рога животного, обозначенные глубокими нарезками.

869. Стилизованное изображение животного.

870. Фрагмент фигуры животного. Над ним видно подобие флага, выполненного резными линиями. Справа передняя часть оленя. Под изображением оленя видны ноги стертой фигуры животного.

871. Четыре отдельных изображения, три из которых представляют сцену погони всадника за двумя лосями. В руках всадника короткий лук со стрелой. Сзади виден выступ саадака, изолированный фрагмент изображения животного.

872. Три миниатюрных резных изображения человеческих фигур.

873. Грубо затертое изображение скачущей лошади. На спине коня виден выступ, очевидно, изображающий в стилизованной форме фигуру всадника. Две короткие прямые линии, торчащие на лбу лошади, означают султан или челку.

874. На рисунке изображены четыре водоплавающих птицы. Три сидят рядом, четвертая птица находится в такой же позе несколько дальше, влево. Поверх нее свежевывитая, грубая фигура животного.

875. Пять фигур водоплавающих птиц. Первая справа из них повернула голову назад, вправо, вторая вытянула шею и голову влево, к соседней с ней птице, имеющей тот же наклон влево, но не столь длинную шею. Остальные две птицы сидят, повернув головы влево.

876. Десять водоплавающих птиц, расположенных в два горизонтальных ряда. В верхнем ряду справа первые три птицы сидят в спокойной позе, вытянув головы вверх и влево. Четвертая птица изображена детальнее остальных. У нее массивное, полулунное туловище и большая, короткая голова на толстой шее. Внизу видны две коротких, широких ноги. Слева, рядом с четвертой птицей, сидит пятая, туловищем обращенная вправо, с повернутой назад, влево головой. Четыре птицы нижнего ряда больше по размерам птиц верхнего ряда. Все они показаны в одинаковой позе: сидя с приподнятым телом, слегка вытянутой вверх шеей и головой, обращенной влево. У крайней справа птицы отмечены две ноги в виде прямых выступов, у третьей — в виде одного заостренного книзу выступа. Крайняя слева птица сидит в почти горизонтальном положении и круто повернула голову назад, вправо, навстречу остальным. У нее видны две ноги.

877. Три птицы. Птицы сидят в ряд, повернув головы влево. У каждой из них изображены ноги.

878. Два животных: грубо выполненная, большая фигура лося, на голове лося видны короткие рога или уши, под шеей свисает кисть, лось изображен неторопливо бегущим влево; за ним следует другое животное, которое выполнено более небрежно и грубо.

879. Вверху изображение всадника. Внизу примитивно выполненная фигура животного. Там же имеются обрывки других рисунков.

880. Вверху длинная и узкая лодкообразная фигура, изображенная красной краской, сильно пострадавшей от времени. В лодке условно обозначены сидящие фигурки людей в виде выступов с круглыми расширениями — головками — наверху. Изображение лодки впоследствии тщательно шлифовано, причем ее левый конец дополнен дугообразно изогнутой вниз и заостренной на конце полоской. Ниже лодки видна зашлифованная фигура человека с длинными, широко раздвинутыми в стороны ногами. Одна рука человеческой фигуры вытянута и поднята вправо, другая, более короткая, вытянута влево. Правая рука человека держит какой-то предмет. Слева от лодки видна зашлифованная фигура в виде круто изогнутой вверх полосы с горизонтальным выступом посередине.

881. Четыре антропоморфные стилизованные фигуры, расположенные справа налево в одном горизонтальном ряду и фрагмент исчезнувшего рисунка. Выше имеется фрагмент изображения животного, передняя часть которого не уцелела. Все рисунки вытерты, заметны лишь по слабому жирному блеску вытертой поверхности.

882. Внизу справа условное изображение животного, выполненное тонкими резными линиями. Выше фигура птицы и схематическое изображение коня с прямыми зубцами на шее.

883. Фрагмент головы животного, по-видимому лося. Выполнен красной краской.

884. Изолированное изображение фантастического животного в виде птицы, с ушами на тяжелой, массивной голове и пышным хвостом с завитками на конце. Под резко подчеркнутым брюхом фигуры тщательно намечены две ноги с тремя пальцами на каждой.

885. Группа изображений: схематическое затертое изображение животного; два сильно затертых, геометризованных линейных рисунка, изображающих людей; линейный рисунок в виде буквы «П»; перекрещивающиеся линии; схематическое линейное изображение башни; две вертикальные линии, перечеркнутые горизонтальной линией; затертый рисунок животного, судя по рогам — козули.

886. Фрагмент большого изображения, от которого уцелела только горизонтальная вышлифованная полоса.

887. Фрагмент изображения лося.

888. Внизу небольшая фигура животного, подогнувшего передние ноги, напоминает одиозорного верблюда. Рядом изображение лошади и второе животное (тоже лошадь?).

889. Всадник. У лошади на шее два прямоугольных зубца, голова маленькая, горбоносая, на крутой, выгнутой шее. Позади всадника выступ саадака.

890. Слева направо: два слившихся рисунка — всадника и животного, обращенных в разные стороны головами, фигура всадника изображена в виде прямого, широкого стержня; грубое, расплывчатое изображение всадника, на голове коня султан, под брюхом свисают кисти и нога всадника, перед всадником видна кривая полоса, очевидно лук; схематическое резное изображение животного; схематическое изображение животного; небольшая фигура животного; всадник, тело коня тяжелое, под брюхом коня видны кисть и нога всадника, позади всадника имеется кривой выступ, означающий саадак; условный рисунок всадника и человека.

891. Два условных резных изображения: первое в виде двух параллельных косых линий, второе в виде веретенообразной фигуры, заштрихованной внутри. Вытертое, условное изображение животного с утрированно длинной, высоко поднятой шеей.

892. Фрагмент антропоморфного изображения и фигура животного.

893. Справа фрагмент человеческой фигуры; слева четыре полных фигуры в рост и часть пятой.

894. Схематически трактованная фигура животного с непропорционально длинным и узким телом и маленькой головой.

895. Четырнадцать стилизованных человеческих фигурок и один фрагмент. Фигуры стоят в ряд с разными интервалами. Целые фигуры, за исключением одной, стоящей обособленно от других, изображены одетыми в длинные платья до пят, очевидно типа халата. У семи из них хорошо видны прямые, короткие выступы, обозначающие ноги. Некоторые из них взяли за руки. В общем все фигуры были расположены двумя группами.

896. Схематический резной рисунок человека (?).

897. Крупное изображение оленя-марала. Рисунок выполнен умелой рукой. Верно переданы пропорции и общие очертания тела животного, особенно смело даны рога — широкой дугой с отходящими от нее вверх отростками. Слева, выше большой фигуры оленя, имеется небольшой затертый рисунок животного.

898. Внизу расположены в ряд пять человеческих фигур. Все они одеты в длинные платья типа халатов. У трех из них видны внизу выступы ног. У крайней справа фигуры одна рука короче другой; на последней ясно виден длинный, узкий рукав. Вверху над нижним рядом человеческих фигур расположена одна изолированная фигура человека в таком же длиннополном костюме с узкой талией. Два схематических изображения животных — одно с дугообразно выгнутой шеей, второе с двумя кривыми ушами. Изображение пешего человека, одетого в кафтан с узкой талией. В одной руке у него длинный лук со стрелой, направленной в животных.

899. Вверху пять схематических человеческих фигурок, изображенных резными линиями. Внизу вырезан трезубец, обращенный остриями вниз.

900. Четыре схематические фигурки, условно изображающие людей. Расположены в ряд.

901. Два всадника, изображенные довольно живо и реалистично. Они едут друг за другом, справа налево.

902. Слева схематическая фигура всадника, над последним возвышается еще одна, такая же человеческая поясная фигура. Справа вторая фигура, по-видимому тоже условно изображающая всадника.

903. Лось, с обычным клоком под шеей. Выше — всадник.

904. Фигура всадника, расположенная на фоне резных линий и выполненная в той же технике. Фигура лошади начерчена очень условно и сплошь заштрихована внутри косыми, перекрещивающимися линиями. Фигура всадника сплошь заштрихована продольными и поперечными линиями; голова заштрихована в «елочку». Штрихи расположены так, что напоминают форму носа и косо поставленных глаз. В руках всадника натянутый лук, по-видимому сложный.

905. Грубое изображение животного с длинной, изогнутой мордой и двумя торчащими ушами. Задняя нога животного характерно изогнута.

906. Изображение оленя со схематически трактованными рогами — развилкой. Особо тщательно отмечен характерный для оленя, миниатюрный хвостик. Тело оленя длинное, узкое.

907. Три схематических резных рисунка. Слева направо ряд вертикальных линий и подобие лука с натянутой стрелой, фигура вроде опрокинутой лодки или лука с торчащей поперек него стрелой, фигура в виде лодки с опускающимися от нее вниз пучками линий (возможно, сеть).

908. Слева направо: знак в виде буквы «Л», палочка, фигура, напоминающая условное изображение животного, фигура идущего влево животного с рогами оленя но хвостом лошади, обращенная вправо, аналогичная по стилю и размерам фигура оленя, грубо очерченная фигура животного, обращена вправо. Рисунки слегка вышлифованы.

НИКОЛЬСКИЙ РУЧЕЙ

ЛЕВЫЙ МЫС

Верхний ярус

909. Большая композиция, выполненная техникой зашлифовки. Композиция сильно пострадала от времени. Кроме того, понимание ее затрудняет и сама по себе техника выполнения — сплошной шлифовкой. Слева в центре композиции видна тщательно вышлифованная часть фигуры туловища человека с двумя руками, правая согнута в локте. От последней отходит полоса с утолщением в правом конце. От полосы поднимаются вверх вертикальные, узкие полосы. Такие же полосы имеются наверху туловища и симметрично располагаются на более широкой полосе, опускающейся справа от «туловища». Все это, вместе взятое создает впечатление целого леса вертикальных стержней, поднимающихся от «туловища» и «рук» мифического существа, нижняя часть которого (ноги) утрачена вследствие излома скалы, а голова и туловище составляют одно целое. Справа от этой фигуры, в ближайшем соседстве с ней, расположена превосходно выполненная, реалистическая фигура лося с ветвистыми, тщательно детализированными рогами и подшейной кистью. Вправо же от туловища, на одной из вертикальных полос, изображена голова оленя, может быть лося, с многочисленными, ветвистыми отростками рогов. Внизу эта полоса разветвляется развилкой и образует подобие ног человека.

Рисунок мифического существа с вертикальными полосами на «руках» продолжался и далее вправо, но здесь он переходил в новую фигуру, от которой сохранились только широкие, вышлифованные полосы, две из которых изгибаются подобно оленьим рогам, а другие напоминают ноги большой фигуры лося. К сожалению, эта часть рисунка сохранилась фрагментарно.

Левее имеется изолированное, грубое вытертое изображение всадника и фрагменты других изображений, как и всадник, небрежно выполненных и, очевидно, значительно более поздних. Следует отметить также, что в утолщенном конце полосы видно вытертое позднее изображение всадника, а правее — небольшая резная фигурка человека в виде палочки с развилками рук и ног.

910. Слева направо: фрагмент грубой фигуры коня, изображение птицы на длинных ногах, с маленькой головой на круто поднятой шее и широким пышным хвостом стилизованное изображение всадника, две фигуры всадников; на шеях обеих лошадей видны вертикальные зубцы. У крупной конской фигуры имеется подшейная кисть.

911. Две фигуры: всадника (справа) и животного (слева).

912. Грубая фигура всадника.

913. Грубый рисунок животного. Рядом условная фигура человека (резная линейная).

914. Всадник.

915. Большая линейно-резная композиция. Среди схематических изображений на этой композиции хорошо заметны заштрихованные внутри мидалевидные фигуры, зигзаг, нечто вроде башни с острием на вершине и другие знаки. Рядом видны длинные, перекрещивающиеся линии, образующие прямоугольную, шахматно-ромбическую сетку.

916. Вырезанная на скале глубокими линиями крупная фигура в виде купола, заштрихованного внутри. Сбоку видна мидалевидная фигура.

917. Серия вытертых рисунков, изображающих животных, всадников и отдельные человеческие фигуры. *а.* Схематическое поясное изображение человека. Одна рука его вытянута наискось, другая согнута и опущена вниз. *б.* Прimitивное изображение шагающего животного с двумя ушами на голове (лось?). *в.* Большая грубая фигура лося. На голове лося видны рога, под шеей клок (?). *г.* Небольшая фигурка животного, очевидно козули. Слилась с мордой изображенного рядом лося. *д.* Крупная фигура лося с обычными рогами — «спицами» — на голове и подшейным клокком. Тело зверя очерчено реалистично, но грубо. Сверху на лосе пририсована фигура человека. *е.* Всадник. Одет в обычный узкий, в талию, костюм. *ж.* Всадник, одет в такой же костюм, как на рисунке *е.* Позади его условно переданный саadak. *з.* Голова животного. Туловище перекрыто рисунком *и*, изображающим, судя по хвосту, лошадь. *к.* Фигура человека, изображенного стоя. *л.* Условная фигура. *м.* Схематическое изображение человека. *н.* Стилизованная фигура всадника. *о.* Всадник на скачущем коне. Всадник вытянул вперед одну руку с луком. Позади него виден выступ саадaka. *п.* Небольшая фигурка всадника. Позади имеется косой выступ, должно быть саadak.

Описанные рисунки располагаются двумя ярусами, каждый из которых представляет самостоятельную композицию. В верхнем и нижнем ярусах одинаково представлена сцена охоты на лося. Как внизу, так и вверху впереди двигается лось. За лосем скачут охотники на конях, преследующие этого зверя. Характерно при этом, что в обоих случаях фигура лося, как правило, крупнее фигур всадников и лошадей.

918. Серия затертых фигур хорошего курыканского стиля. *а.* Слева внизу большая фигура всадника курыканского типа. Хвост коня изогнут. *б.* Над этим изображением находится второе, более грубое и хуже сохранившееся (исчезла голова, пострадала фигура всадника). Позади всадника видны два выступа (саadak?). *в.* Небольшая фигурка животного, по-видимому собаки, изображенной в беге. *г, д.* Два небольших изображения всадников на лошадях с зубцами на гриве. *е.* Фрагмент относительно крупного изображения всадника. *ж.* Миниатюрная фигурка животного (собака?). *з.* Стилизованная, небольшая фигура всадника на лошади, скачущей галопом. Позади всадника виден выступ, изображающий саadak. *и.* Всадник. *к.* Всадник на лошади, шея которой украшена зубцами. *л, м.* Прimitивные, стилизованные фигуры всадников. *н.* Фигура всадника с луком в руке; на голове коня виден выступ, очевидно султан. *о.* Небольшая фигурка человека по пояс, вероятно часть исчезнувшей фигуры всадника. *п.* Фрагмент фигуры животного (лошади?). *р.* Большая фигура всадника с флагом в руке, на коне с двумя зубцами на шее и с султаном на лбу.

919. Серия глубоко врезанных линейных рисунков, в стилизованном виде изображающих животных (в том числе козуль и, судя по длинным хвостам, лошадей), трезубец, сердцевидную, заштрихованную внутри косыми штрихами фигуру человечка. Изображения людей имеют вид длинных, вертикальных линий, от которых симметрично отходят вниз косые линии, обозначающие руки и ноги. В общем эти фигуры напоминают «елочки». Один рисунок отличается от всех тем, что туловище человека на нем прямоугольное, от которого отходят линейные, тонкие полоски рук и ног; голова отсутствует. Фигуры животных в большинстве стилизованы единообразно. У них длинное, узкое туловище, прямые, вертикально поставленные ноги и длинная, косая шея; головы животных треугольные, развилками.

920. Стилизованное изображение лося (?). Фигура животного, крупная и массивная, очерчена широкими, размашистыми контурами. Ноги лося поражают своей неправдоподобной толщиной; это столбы, несоразмерные туловищу, хотя последнее тоже массивное и широкое. Го-

лова животного относительно небольшая с характерным клоком под шеей. На спине зверя виден фигурный выступ; под брюхом его неправильный прямоугольник. Под этим рисунком расположено изображение в виде полукруга, от которого свисают вниз вертикальные полосы.

921. Крупная фигура лося, нарисованная широкими полосами красной краски. Тело лося длинное и тяжелое, почти прямоугольное, поддерживаемое четырьмя короткими, прямыми, косо поставленными ногами. Заботливо выделен горб над лопатками, плавная линия которого, опускаясь вниз, образует узкую длинную голову зверя с двумя ушами в виде развилки из коротких, широких палочек. Под головой животного свисает клок — «серьга». Сзади и спереди фигуры лося видны овальные, изогнутые пятна, также изображенные красной краской. Краска на рисунке сильно выцвела и выветрилась, но контуры его остаются четкими и определенными.

922. Две фигуры всадников. На шее правого коня четыре зубца, под ней свисает подшейная кисть. Всадник сидит у самой шеи в обычной позе, с дугообразными, симметрично опущенными руками. Вторая, левая фигура всадника выполнена значительно хуже и, по-видимому, представляет копию первого изображения.

923. Изображение бегущей лошади.

924. Миниатюрное изображение прыгающего животного, судя по рожкам развилкой — козули.

925. Два примитивных изображения животных.

926. Рисунок из двух фигур. Слева грубое изображение всадника (слившееся, по-видимому, с другим изображением), справа животное.

927. Группа рисунков: изображение, напоминающее медведя, вытянувшего шею и широко открывшего пасть; звездообразная фигура; схематическое изображение животного; лось, наиболее детально передана нижняя часть головы зверя с ртом и губами; две задние ноги лося (?); рисунок животного, судя по общим очертаниям тела, горбу над лопатками, постановке ног и рогам — лося, сзади над ним видна небольшая, стилизованная фигурка человека; фрагмент фигуры животного (лося?); крупная фигура лося. Рисунки выполнены одной техникой — они протерты. По всему пространству, занятому этой композицией, рассеяны более ранние пятна, нанесенные красной краской. Пятна рассеяны группами, все они вертикальные. Некоторые из них узкие и длинные, в виде палочек, другие широкие, овальной формы.

928. Животное и две человеческие фигуры в длинных платьях. Руки изображены только с одной стороны.

929. Три всадника, едущих друг за другом. Передний всадник типично курыканский. На нем кафтан в талию, тело слегка наклонено к шее коня, голова почти коническая.

930. Стилизованное прыгающее животное. Изображено очень живо. Маленький хвостик указывает, что изображен олень или козуля. Рисунок животного пересекает фигуру стоящего человека с отчетливо выделенными ногами в широких штанах. Рядом фигура стоящего человека. Уцелела только одна нога, другая не сохранилась. Далее следует знак в виде рыбы (?); изображение, напоминающее лодку или полумесяц, фигуры стоящих людей. Все они одеты в длинные халаты, перетянутые в талии. У всех тщательно изображены округлые головы и ноги в высокой обуви типа унтов, со ступнями, обращенными в одну сторону. Руки изображены только с одной стороны, так что фигуры кажутся изображенными сбоку. У крайних справа двух фигур руки опущены, причем видно, что рукава у них длинные, узкие. У следующей фигуры у плеча вместо опущенной руки возвышается короткий, вертикальный выступ. Такой же выступ имеется у седьмой фигуры, где, однако, изображена рука или, вернее, узкий, свисающий вниз рукав. У второй слева фигуры отчетливо изображена поднятая вверх, до уровня верхушки головы, рука.

931. Слева направо: всадник на стилизованном коне, над головой коня поднимается кривой выступ — стилизованный султан; рыбообразная фигура; всадник, на гриве коня торчат длинные зубцы, под шеей видна кисть, фигура всадника изогнута назад, одна рука его вытя-

нута горизонтально, другая опущена дугой вниз; всадник, задняя половина фигуры коня сливается с остатками другого изображения; голова зверя; всадник, на шее коня выступают острые зубцы, всадник одет в кафтан с подчеркнута узкой талией, впереди всадника фигура убегающего от него животного, по-видимому козули; схематический рисунок человека (крестообразная фигура); слева имеется фигура человека в длинном, до пят, платье; фигура человека с ногами в виде развилки и тонкой талией, фигура сохранилась частично, справа имеется три вертикальных резных линии.

932. Группа вытертых фигур: фигура лошади, довольно грубо выполненная; фрагментарная фигура всадника, лошадь под ним с зубцами на гриве; две человеческие фигуры в длинных платьях, у лучше сохранившейся фигуры справа передана специфическая, узкая талия, внизу голова лошади; тщательно выполненная и относительно пропорциональная фигура всадника.

933. Серия рисунков, выполненных полосами красной краски: овальные знаки, расположенные по одной линии, вертикально, в количестве двадцати восьми, рисунки пересечены в конце резным, четким изображением трезубца, обращенного вверх остриями; фигура в виде дуги с поперечиной, в сочетании с ней находится кривая полоса; фрагменты большого рисунка, выполненного полосами красной краски; более отчетливо прослеживаются детали изображения в виде миндалевидных фигур, туловища лося (?).

934. Два всадника, едущих друг за другом. У лошадей на шее зубцы.

935. Полоса из тщательно вышлифованных узким желобком, зигзагообразных фигур.

936. Серия изображений: слева остаток вытертого изображения (нога животного); два знака в виде латинской буквы «V»; изображение всадника в узком кафтане, позади видны стрелы, фигура коня очерчена грубо; изображение всадника, выполнено в иной стилистической манере, в более обобщенных и условных формах, справа от всадника имеется резная, условная фигура (животное?); схематический рисунок птицы (?) с высоко поднятой головой, над изображением видна решетка из врезанных линий; фрагмент рисунка, изображающего птиц.

П Р А В Ы Й М Ы С

937. Композиция из вертикальных, горизонтальных и косых резных линий, образующих две сетки. Расположена под навесом, на высоте 0.8 м от подножья. Там же имеется рисунок в виде угла, лука со стрелой и еще две маленькие, схематические фигуры.

938. Затертое изображение всадника, едущего на коне, грива которого симметрично усажена тремя прямоугольными зубцами. Под всадником резная фигурка в виде «елочки». Правее крупная фигура всадника. Над ней стоящие в ряд по одной горизонтальной линии, одинаково стилизованные человеческие фигурки. Все они имеют условно изображенные рога на голове, у всех ноги развилками. Руки всех фигур симметрично опущены вниз, за исключением одной, крайней справа, у которой они вытянуты горизонтально в стороны. Выше расположен фрагмент (нижняя часть) фигуры животного. Ниже три миниатюрные, схематические фигурки человечков, стоящих в ряд. Выполнены тонкими, процарапанными линиями. Правее находится вытертая голова животного (нижняя часть рисунка не уцелела) и вытертая, прямоугольная полоса, расположенная наклонно.

939. Изображение лося.

940. Фрагменты большого рисунка.

941. Пять грубо процарапанных, схематических фигурок, изображающих человека.

942. Изображение всадника.

943. Группа фигур. Вверху изображены две человеческие фигуры в длинных одеждах, взявшиеся за руки. Под ними изображена вторая такая пара. Слева от нижней пары грубое изображение лошади, очевидно по смыслу связанное с ней. Справа, в углу композиции, имеется два небольших изображения, сделанных позже описанных выше. Все рисунки, за исключением

одного изображения животного в правом углу, выполненного небрежными резными линиями и тщательно зашлифованы.

944. Нижняя часть затертой фигуры лося (над тюркской рунической надписью).

945. Крупная фигура лошади. Левее от нее фрагмент изображения животного с высоко поднятой шеей (голова не уцелела). Схематическая фигура лошади с султаном. Фигура лошади с зубцами на гриве. Зубцов изображено четыре. Справа находятся два фрагмента конских фигур и одно целое изображение лошади с зубцами на гриве и с подшейной кистью.

946. Слева фигура лошади. К ней обращен головой второй рисунок животного. Рядом часть фигуры птицы — голова.

947. В нижней части плоскости, покрытой густым скальным загаром, прослеживаются очертания ноги и брюха большого изображения лося. Рисунок животного был тщательно и глубоко затерт, но затем верхняя часть его исчезла. Справа в углу, уцелела небольшая, вытертая голова животного.

948. Два затертых, грубых рисунка, изображающих лошадей.

949. Большой, грубый рисунок всадника; на шее коня три острых зубца. Позади всадника утрированно большой саадак, в руке у всадника знамя (?).

950. Фигура оленя (?). В спину животного вонзилась стрела. Рядом всадник. В руке всадника лук со стрелой. Несмотря на примитивность рисунка, он передает быстроту скачку: тело коня вытянуто, ноги его широко раскинуты в стороны. Выше два схематических рисунка всадников.

951. Стилизованное, схематическое изображение всадника. На шее коня имеется три высоких зубца. Фигура всадника изображена столбиком со свисающими дугообразно вниз руками.

952. Фрагмент рисунка. Вышлифован линиями.

953. Часть изображения птицы на коротких ножках и, возможно, с поднятым крылом.

954. Группа резных линейных рисунков: вверху олень с двумя рогами в виде стержней, от которых отходят прямые, короткие отростки, ниже заштрихованная фигура, напоминающая лодку, на ней сверху прочерчена схематическая фигурка человека; еще ниже стилизованная фигурка животного с длинным, тонким хвостом (лошадь?); кривая линия с тройной развилкой на конце и треугольная, заштрихованная фигура; изображение, похожее на остаток задней половины фигуры животного; фрагмент фигуры животного (козули?).

955. Серия резных рисунков: миниатюрный, схематический рисунок всадника; миндалевидная фигура, зачерченная внутри штрихами; схематическое изображение идущего оленя с рогами в виде тройной развилки.

956. Серия человеческих фигур и два условных знака. Все фигуры трактованы различно. Первая слева фигура отличается высокой, столбообразной головой и треугольным туловищем. Ноги развилками. Рядом виден остаток фигуры человека. Следующие четыре человеческие фигуры расположены рядом. Примитивная фигура человека; фигура человека на одной ноге, с луком; верхняя, поясная часть антропоморфной фигуры курыканского стиля; нижняя часть человеческой фигуры. Под этими фигурами находятся крестообразная, стилизованная фигура человека (по пояс) и два условных знака.

957. Изолированный рисунок из шести фигур: схематическое изображение животного; примитивное изображение всадника; всадник, на шее лошади уцелели два зубца; лошадь, под брюхом видна кисть; изображение животного; фигура животного (лошадь?).

958. Изображение сидящей, небольшой птицы с загнутым назад крылом. Позднее на шее птицы были приделаны три зубца, превратившие ее голову в лошадиную.

959. Грубое изображение животного.

960. Наверху грубое, поясное изображение человека. Внизу фигура лошади с пятью зубцами на шее.

961. Фигура всадника, очерченная плавными, размашистыми линиями.

962. Фрагмент примитивного изображения животного. Голова отсутствует.

963. Изображение сидящей птицы (спереди) и собаки (сзади).

964. Примитивная фигура всадника.

965. Грубое схематическое изображение лошади.

966. Группа схематических условных рисунков, выполненных резными линиями. Среди них выделяются знаки в виде миндалевидных фигур, заштрихованных внутри пересекающимися линиями в сетку. Отдельно находится изображение всадника. Всадник сидит на быстро скачущем коне, показанном в «летучем галопе», хотя и грубо, но довольно живо, с экспрессией.

967. Четыре изображения: сверху стилизованная фигура лошади (?), под ней фигура всадника, сидящего на лошади с зубцами на гриве, ниже располагаются два частично сохранившихся грубых рисунка животных.

968. Пять фигур. Слева, один над другим, два всадника, едущих в разные стороны. Нижняя фигура всадника выполнена более умело и тщательно. На шее коня четыре зубца. Верхняя фигура сделана небрежно, всадник на ней выполнен резными линиями. Справа, сверху, заметна голова животного, ниже передняя половина фигуры лошади. Под ней небольшая фигура человека в рост, руки человечка опущены вниз.

969. Грубое, вытертое, схематическое изображение всадника. У лошади на шее два зубца. Позади всадника виден саadak. Около рисунка всадника, частично налегая на него, имеются резные линейные рисунки в виде миндалевидных фигур, заштрихованных внутри в ромбическую сетку. Над всадником примитивная, небольшая фигура всадника. Сверху фрагмент изображения лошади (голова), внизу три миндалевидные резные фигуры, заполненные внутри шевронами. Эти миндалевидные фигуры налегают на изображение всадника. На шее коня зубцы, за спиной всадника виден кривой выступ саадака (?). Выше последнего всадника аналогичное по стилю и технике изображение всадника. На шее коня такие же зубцы, в руке всадника как будто лук. Рядом внизу фигура человека, изображенного стоя, в рост, с опущенными вниз руками.

970. Слева направо: дугообразный знак, нанесенный красной краской; крупная фигура всадника, повернутого вправо, на голове всадника видны как будто рога, под шеей коня свисает кисть; схематическое изображение человека в рост, стоя, под ним кружок; фрагмент антропоморфной фигуры; антропоморфная фигура, слившаяся с условной фигурой; нанесенная красной краской антропоморфная фигура без рук, с пером на голове; два стилизованных изображения человеческих фигур; условное изображение животного.

971. Слева направо: всадник; большая, тяжеловесная фигура всадника, у коня ряд зубцов на шее; фигура всадника, на шее коня видны зубцы, на спине всадника ломаная полоса, под шеей коня свисает уздечка; грубая фигура животного. Пятна и две символические фигуры в виде овала с отростками, выполнены краской.

972. Схематические рисунки: всадника (наверху) и лошади без седока (внизу). На последнем рисунке грива изображена рядом торчащих вверх, врезанных полосок — зубцов.

973. Фигура всадника. Под шеей висит подшейная кисть.

974. Сложная композиция. Слева один человек с луком, над ним два всадника и собака, далее группа из девяти птиц. Внизу всадник, а правее фрагмент человеческой фигуры и пять фигур в халатах; последняя фигура держит, возможно, щит и флаг. Внизу остатки изображений.

975. Сверху три условных изображения. Внизу фрагмент изображения животного.

976. Примитивная фигура животного.

977. Сверху справа изображен круг с вертикальной поперечиной внутри. Слева грубая фигура всадника, у коня подшейная кисть. Внизу видна плохо сохранившаяся фигура животного, по-видимому лося, и полоса над ним.

978. Стилизованное изображение всадника.

979. Грубо вытертое изображение животного с утрированно длинной и узкой головой.

980. Большое курыканское изображение всадника, самое крупное на Шишкинских скалах. На гриве коня имеется три обычных зубца. Голова коня очень маленькая и узкая, над ней выступ, по-видимому султан. Художник заботливо подчеркнул, что изображен жеребец. Фигура коня массивная. У всадника овальная, тщательно очерченная голова. Руки его протянуты в стороны, к шее и крупу коня. От них свисают вниз прямые, узкие полосы, может быть изображающие «ложные рукава» типа рукавов старых среднеазиатских кафтанов и паранджи. Впереди всадника уцелели остатки одной фигуры животного, и остатки второй такой же фигуры видны внизу, под всадником.

981. Группа изображений, составляющих одно композиционное целое. Вверху слева схематически изображен стоящий человек. Ниже имеется фигура всадника. На гриве его коня три зубца, голова коня не уцелела. Рядом с этим всадником изображены одно над другим два животных. Верхнее похоже на лошадь, но хвост у него отсутствует. Нижнее животное похоже на собаку. Слева находится вторая фигура всадника, обращенная к первой. Всадник сидит на жеребце, у которого на шее видны три высоких зубца. Ниже второго всадника изображен третий всадник, меньшего размера.

982. Слева изображен стержень, расширяющийся вверху подобно ладони с шестью пальцами. Возможно, это условное изображение антропоморфного мифического существа с лучами или короной на голове. Рядом, справа, находится круг, внутри которого вписана фигура в виде полумесяца с небольшими кружками на концах.

983. Группа условных линейных изображений людей и животных. Первая слева фигура похожа на изображение животного. Правее ее и несколько ниже находятся две П-образных фигуры животных, одна из них с тремя зубцами на шее, показывающими, что изображена лошадь. Над ней сверху находятся два стилизованных изображения людей. Впереди и несколько ниже изображен стоящий человек. В отличие от всех остальных соседних фигур этот рисунок вытерт. Справа размещены одна над другой еще две фигуры животных такого же вида, как и две описанные выше. У верхней фигуры на шее видны три торчащих зубца. Под нижней фигурой животного виден знак в виде палочки, оканчивающейся развилкой.

984. Три изображения, выполненные резными линиями. Справа схематически изображено животное, рядом с ним стоит человеческая фигура, очень схематично трактованная, с круглой головой, телом и руками в виде палочек. Слева находится довольно крупная фигура животного, на гриве которого имеются прямые, короткие зубцы. Фигура животного очерчена плавно и легко.

985. Большая композиция из человеческих фигур, изображений всадников и коня. Слева вверху изображен конь без седока; возможно, что последний упал с коня и лежит внизу, под ним. Он изображен в виде человеческой фигуры с прямым мечом в руках. На коне виден султан и зубцы на шее; на спине его имеются два коротких выступа, означающих, очевидно, седло. Хвост коня длинный, извилисто изгибающийся. За конем бежит пеший воин, протянувший к нему одну руку. На голове воина имеется выступ, возможно означающий султан. На теле его видны колчан и, должно быть, длинный, прямой меч. За пешим воином, который стремится поймать убегающего коня, скачет второй всадник. У коня, на котором он сидит, маленькая голова на круто поднятой шее, а над брюхом кисть с тремя развилками. Внизу находится еще одна фигура всадника обычного курыканского стиля; на шее его коня три зубца. У всадника узкое туловище, круглая голова и руки, симметрично свисающие вниз в виде кривых полос.

Рисунки 986—1002 находятся в различных местах на протяжении Шишкинских скал. Они помещены в конце описания и таблиц потому, что место их на скалах не могло быть точно определено после завершения камеральной обработки калек. Для полноты общей картины ниже дополнительно дается описание и этих рисунков.

986. Слева изображен всадник, справа от него фигура лошади с зубцами на шее и подшейной кистью.

987. Две птицы, обращенные головами друг к другу. У одной из них штрихами обозначено распущенное крыло, вторая птица спокойно сидит рядом.

988. Сложная композиция из ряда резных фигур: слева стоит пеший воин в остроконечном головном уборе — шлеме (?). Посредине фигуры воина изображены два концентрических круга, очевидно изображающих щит. Рядом с фигурой воина видны две крестообразные фигуры, разделенные вертикальной полосой. Слева, сбоку, имеется кривая крючкообразно изогнутая на конце линия.

989. Группа антропоморфных фигур, одетых в длинные халаты, стоящих рядом.

990. Схематическое грубое изображение всадника.

991. Сдвоенное изображение животного (по обоим концам его имеются головы).

992. Крупное, довольно живо очерченное изображение лося с обычной подшейной кистью и характерным горбом над лопатками.

993. Группа птичьих фигур. Слева две фигуры, большая и малая. Справа еще две птицы. Одна из них стоит, повернув голову назад, другая сидит или плывет. Птицы эти, как обычно, водоплавающие, скорее всего утки или гуси.

994. Схематическая фигура всадника.

995. Две стоящие в ряд человеческие фигуры. Обе фигуры изображены в длинных халатах с узкой талией.

996. Схематическое линейное изображение всадника.

997. Три фигуры всадников. Первая слева фигура сохранилась частично и контуры ее только угадываются. Две другие фигуры всадников уцелели полностью. Задняя отличается наличием длинного выступа сзади (саадак?).

998. Схематическая, грубая фигура животного.

999. Серия фигур. Вверху две антропоморфные фигуры трактованные одинаково: обе они изображены в халатах с узкой талией, у обеих руки фертобразно изогнуты. Правее их видны остатки фигуры животного и стилизованная фигура стоящего человека. Под стоящим человеком видна крупная, грубая фигура животного, возможно лося. Левее ее изображен всадник с луком в руке; под брюхом его коня свисает чепрак (?). Правее этого всадника имеется грубо очерченная фигура животного с выступом на спине (всадник?). Ниже находится стилизованное изображение коня с двумя зубцами на шее и высоким султаном. На спине у коня видна схематически трактованная фигура всадника, поднявшего вверх руку.

1000. Две фигуры птиц, одна над другой. Обе птицы — водоплавающие, гуси или утки. Необычная поза птиц, возможно, означает спаривание и, таким образом, наглядно передает идею размножения. Можно связать, таким образом, это редкое изображение с древним охотничьим культом плодородия животных.

1001. Три фигуры: слева изображение кибитки с кистями (?), рядом фигура лося с обычной подшейной кистью, сзади фигура собаки или козы.

1002. Три схематические фигуры: спереди, слева, распластавшиеся на бегу фигура собаки или лисы, за ней следует животное, на спине которого стоит человек, сзади третья человеческая фигура, тоже стоя.

III

ШИШКИНСКИЕ ПИСАНИЦЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ДРЕВНЕЙШИЕ ПИСАНИЦЫ ШИШКИНСКИХ СКАЛ

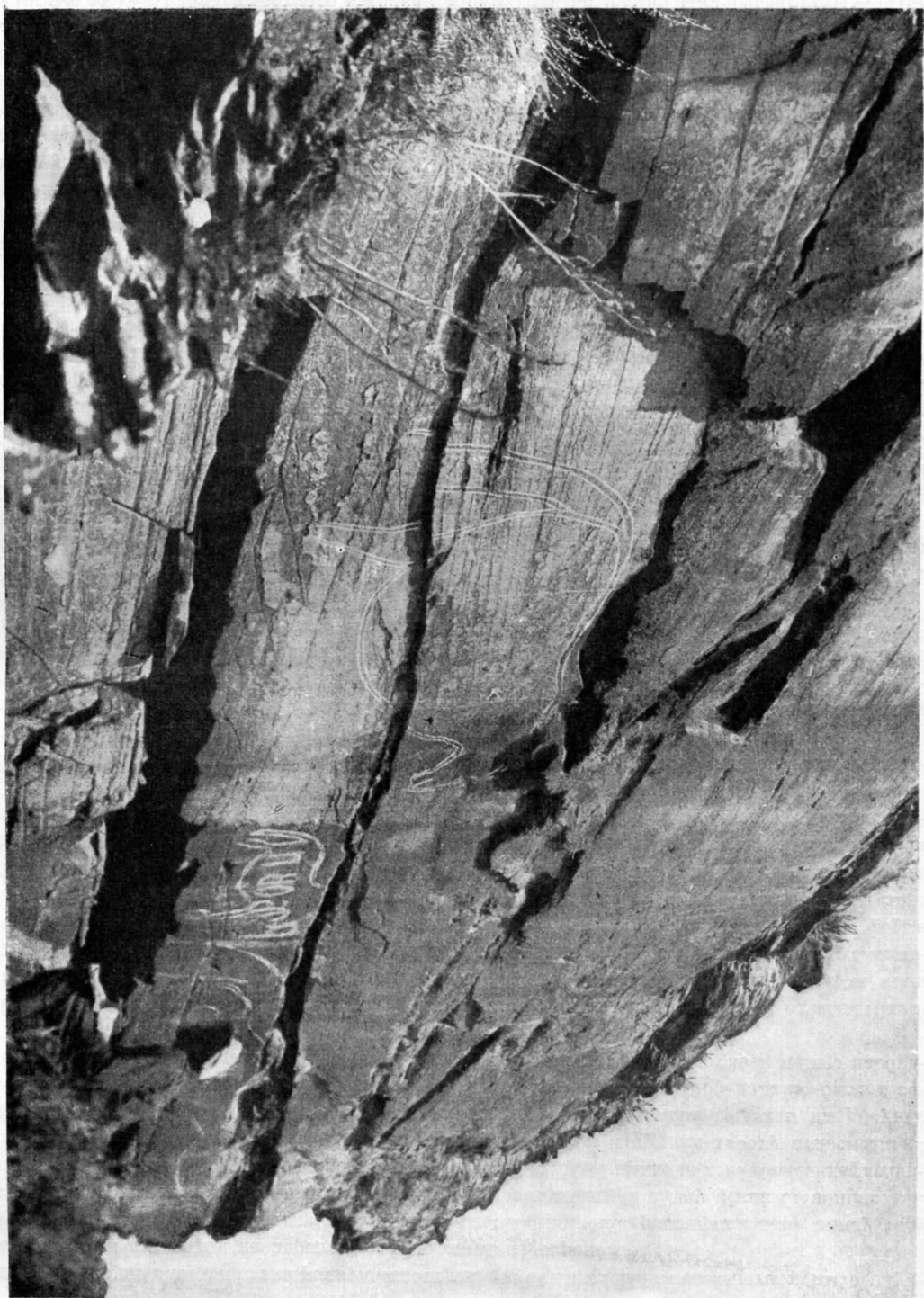
Внимательное изучение шишкинских писаниц наглядно показывает, как глубоко ошибся в свое время Г. Ф. Миллер, когда пожалел труд, затраченный на зарисовку этих рисунков. Они представляют собой настоящее богатство для древней и средневековой истории Сибири.

На Шишкинских скалах может быть уверенно выделено по крайней мере пять основных хронологических групп древних изображений.

Наиболее древняя группа рисунков представлена здесь всего лишь тремя, но зато очень характерными во всех отношениях рисунками.

Первое такое изображение (780) находится неподалеку от старой шишкинской мельницы в 100—150 м ниже ее по течению реки, на самом верхнем ярусе обнажения в районе камня ХХХ, на высоте около 40—60 м над уровнем реки. Оно занимает большую часть вертикальной слегка наклонной к низу, гладкой плоскости довольно большого утеса. Утес сильно выветрился и даже побелел от времени. Его поверхность местами стала ноздреватой и, несмотря на довольно значительную твердость песчаника, вздувается пузырями и шелушится, отпадая мелкими кусочками-пластиночками. Древний рисунок выполнен краской. Цвет краски, которой изображение нанесено, бледно-красный, с нежным лиловым оттенком в некоторых местах. Животно изображено одним линейным контуром и строго в профиль. Так как плоскость скалы с рисунком параллельна берегу реки, а рисунок ориентирован головой вниз по течению Лены, то животное показано обращенным головой влево от зрителя. Размеры рисунка необычно велики: длина его 2,8 м, ширина (высота) 1,5 м. Изображает он лошадь, о чем свидетельствуют прежде всего наличие длинного и широкого, безусловно лошадиного хвоста, а также характерная форма головы и общие очертания туловища. Туловище животного в целом массивное и относительно широкое, почти квадратное по своим пропорциям, с большим, выпуклым и как будто отвисшим брюхом. Голова коня по ее относительным размерам тяжелая, но небольшая, морда короткая, очерченная одной плавной и сильно выпуклой, кривой линией, горбоносая, с мягко очерченным ртом. Верхняя губа значительно длиннее и больше нижней. Шея несоразмерно короткая и крутая, с резко подчеркнутым сразу же под ней выступом грудных мышц. Соответственно общему строго профильному характеру изображения на нем показаны только две ноги — задняя и передняя. Обе они сравнительно с туловищем довольно короткие. Нижняя часть обеих ног непропорционально короткая и тонкая. Они сильно изогнуты и при этом так, что задняя нога слегка откинута назад. Передняя же нога выдвинута вперед, и на ней отчетливо выделено копыто, наклонно поставленное на передний конец так, как это бывает при ходьбе, когда лошадь поднимает ногу и ставит ее на землю. Копыто изображено, однако, очень сво-

Рис. 31. Скала с изображением диких лошадей.

образно; оно скорее напоминает короткую, заостренную ступню. На задней ноге копыто нарисовано точно так же, как и на передней, но не столь заострено.

Очертания хвоста намечены двумя параллельными, широко расходящимися внизу толстыми линиями. Хвост длинный и пышный, широко распущенный внизу и как бы волнистый. Эта деталь, по-видимому, имела особое значение в глазах художника, как наиболее характерная видовая особенность изображаемого животного, почему он и придал хвосту относительно крупные размеры, одновременно подчеркнув его пышность. Тщательно выделен на рисунке кривой и загнутый вперед penis с хорошо заметным утолщением на конце, должно быть в состоянии эрекции, не оставляющий сомнения в том, что художник ставил своей целью изобразить именно самца, жеребца.

Изображение лошади дополнено внизу, под хвостом, сильно пострадавшей от выветривания, но еще достаточно отчетливой горизонтальной линией в виде зигзага. Под брюхом коня имеется, кроме того, миндалевидная фигура, обращенная расширенным концом вверх, а заостренным вниз. Слева же от передней ноги коня видны один над другим два знака в форме овальных палочек, а с правой стороны такой же, но более широкий и искривленный в виде буквы «Г» знак, лежащий горизонтально. Все эти знаки изображены, как и сама фигура коня, светло-красной краской и заметны бывают только после смачивания скалы водой и при самом внимательном рассмотрении влажной ее поверхности. Как и основной рисунок, они сохранились лишь на древней скальной поверхности, не тронутой выветриванием.

Вся огромная фигура животного рассечена по горизонтали широкой, продольной трещиной. Верхняя часть скалы при этом сильно выдается над нижней в виде небольшого карниза, а линии рисунка в задней его части оказываются не только разорванными, но и смещенными в горизонтальном направлении. В результате создается впечатление, что после нанесения рисунка скала была разорвана горизонтальной трещиной, а нижняя часть ее сильно опустилась и осела таким образом, что сместилась на несколько сантиметров вправо. Благодаря этому разошлись и линии рисунка (рис. 31).

Второй рисунок (778) этой группы тоже изображает лошадь. Он находится всего лишь в 4 м от большого рисунка и несколько ниже его по вертикали, у левого края скалы. Сделан этот рисунок такой же красной краской, выцветшей от времени.

Лошадь, как и на первом рисунке, дана в строго профильном изображении, с головой, обращенной вниз по течению реки и влево от зрителя. Туловище ее такое же тяжелое и массивное; брюхо очерчено широкой, выпуклой дугой. Спина у головы круто выгибается кверху и переходит в широкую, толстую шею, поднятую кверху. Голова совершенно такая же, как и на первом изображении, только лишь более суженная снизу. Рот отмечен аналогичным вырезом губ, довольно массивных и утолщенных. Хвост в отличие от большой фигуры сохранился здесь целиком. Он заканчивается не бахромой, а косым срезом. Так, вероятно, заканчивался и пострадавший от выветривания хвост большой лошадиной фигуры. Ноги малого коня нарисованы более схематично, а нижние части их сильно пострадали впоследствии.

Третий рисунок (531) из этой серии древнейших изображений на Шипкинских скалах находится отдельно от рисунков лошадей, на камне XXVIII, в его среднем ярусе. Он изображает на этот раз уже не лошадь, а быка. Изображение находится над глубокой трещиной в скале, на высоте около 3 м от уровня пола карниза. Фигура животного имеет длину 1.12 м и ширину 55 см. Она прорисована по контуру широкой полосой красной краски вдоль туловища. Ноги животного внутри контуров сплошь закрашены краской. Бык показан, как и лошади на предшествующих двух изображениях, строго в профиль. Головой он также обращен влево, т. е. вниз по реке. Туловище его тяжелое и грузное, почти прямоугольное. Линия спины животного прямая, около головы она круто опускается вниз, очерчивая опущенную вниз широкую, типично бычью шею. Голова животного широкая и округлая на конце. Над ней заметны остатки выветрившихся рогов в виде широкой дуги, обращенной вверх и вперед. Хвост животного толстый и прямой, вытянут наискось от туловища и утолщается к концу. На конце хвоста имеется

широкая кисть с четырьмя округлыми концами. Брюхо животного слегка выпуклое. Ноги короткие и кривые, копыта на них, особенно на передней ноге, обрисованы тщательно и заботливо. Они тупые и массивные. Заостренное внизу переднее копытце изображено при этом таким образом, что кажется, будто бык слегка поднял ногу над землей и ставит ее на передний, острый конец копыта, а не на его плоскую нижнюю часть. В таком же, как мы видели, положении изображено и копыто большой лошадиной фигуры.

Под брюхом быка виден знак в виде вертикальной палочки с округленными концами и расположенного рядом небольшого овального пятна. Оба дополнительных знака нанесены той же краской, что и весь рисунок.

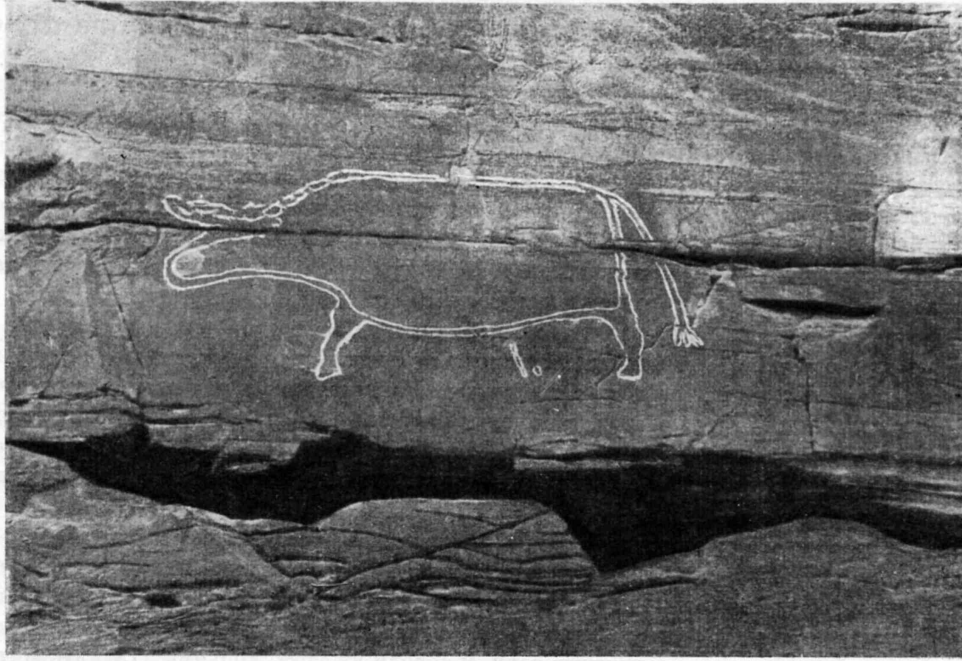

Рис. 32. Изображение быка — бизона.

Древнему человеку удалось живо и непосредственно передать не только общий вид тяжелой фигуры этого животного, но и его характерную позу. Бык изображен с опущенной и вытянутой вперед головой; похоже, что он неожиданно остановился и застыл на ходу как вкопанный (рис. 32).

Описанные три рисунка объединяются техникой выполнения, крупными размерами и единством стиля. Их глубокий возраст определяется тем, что лошади и быки были характерными животными палеолитического времени. Их образ жизни неразрывно связан с иными, чем теперь, природными условиями, с открытыми, травянистыми пространствами древних тундр и степей, простиравшихся когда-то на месте современной тайги — от Ледовитого океана до Монголии.

По стилю шишкинские изображения диких лошадей и быка тоже связаны с искусством верхнего палеолита; на палеолитических росписях Европы можно обнаружить достаточно близкие им аналогии. Одинаковым был несомненно и смысл этих рисунков. Само по себе местонахождение шишкинских рисунков указывает на их ближайшее отношение к охоте, к охотничьей магии первобытных обитателей долины Лены.

Колоссальная вогнутая дуга скалистых обрывов на протяжении 2,5 км, у подножия которой течет здесь Лена, не могла не привлекать к себе первобытных охотников своими удобствами для облавных охот на копытных животных, начиная уже с того отдаленного времени, когда под Шишкинскими скалами вместо тайги расстилались степи, луга и тундры ледниковой и послеледниковой эпохи. Наглядным доказательством является палеолитическое поселение у самого подножия Шишкинских скал, на второй надпойменной террасе камня I, вблизи выскошего в настоящее время ручья.

Палеолитические охотники, как известно, всегда стремились устраивать свои лагеря вблизи подобных крутых обрывов и ущелий, где они могли легко добывать пищу своими нехитрыми охотничьими приспособлениями и грубым вооружением, во время облавных охот-загонов. Нет ничего удивительного и в том, что они подобно своим позднейшим потомкам там же, у подножия этих скал, служивших гигантскими западнями-ловушками, совершали магические обряды, стремясь околдовать животных и сделать их своей добычей.

В магической обрядности первобытных охотников находят объяснение не только сами фигуры животных, но и сопровождающие их детали. Сюда относится, например, загадочный знак, изображенный внизу под брюхом большой фигуры лошади на камне XXIII в виде овала, суженного и заостренного в нижней части. Такие же миндалевидные овалы известны в палеолитическом искусстве Франции. В пещерном убежище Ферраси найдены, например, не только обломки плит с такими овалами и языками, но и схематическое резное изображение животного, может быть лошади, под брюхом которой, как и в Шишкино, помещается миндалевидная фигура, точно так же обращенная узким концом вниз. В них можно видеть символ женского пола, отражение сложных идей о воспроизводстве и продолжении рода через основной источник и носительницу производительного начала. Понятым становится в этой связи и то, что на шишкинском рисунке изображен жеребец в возбужденном состоянии: перед нами магический рисунок изображающий половой акт. Первобытные охотники, как известно, во время своих обрядов не только «убивали» зверей, но и «возрождали» их, — их охотничья магия была такой же магией плодородия, как и у позднейших земледельцев. Так было и здесь, на Лене, в палеолитическое время.

Последнее, о чем здесь следует сказать, — это зигзагообразная полоса под фигурой большой лошади. Она, следует думать, означает воду, через которую бредет или плывет животное. Чтобы понять значение этой детали, нужно вспомнить, как добывали пищу охотники Крайнего Севера. Они ждали, когда тысячные стада диких северных оленей переходили в определенных местах и в определенное время года через реки, и кололи их здесь копьями. Так же могли запасать на зиму пищу их далекие предшественники, палеолитические охотники, о чем и рассказывает шишкинский рисунок, раскрывающий забытые страницы начальной истории Сибири.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Среди многочисленных рисунков Шишкинских скал выделяются, далее, крупные фигуры животных, а также некоторые антропоморфные изображения, которые могут быть отнесены к следующей за палеолитом культурно-исторической эпохе, к неолиту.

Одно из таких изображений благородного оленя замечательно уже тем, что оно связано с палеолитическим изображением бизона. Рисунок этот (531) перекрывает фигуру бизона. В то время как бизон нарисован красной краской, фигура марала выполнена техникой зашлифовки. Она очерчена одной широкой, почти непрерывной контурной полосой. Уцелела только передняя часть изображения, но этого вполне достаточно, чтобы судить о нем в целом. Рисунок зверя выполнен смелой, уверенной рукой, с превосходным знанием натуры и вместе с тем изящно, с какой-то особенной грацией, которая соответствует общему облику этого красивого и легкого на бегу зверя. Голова животного узкая и длинная; она очерчена живо и точно. Особенно тщательно выделена на ней дугообразная выпуклость массивной нижней челюсти. Рога закинута

назад и заканчиваются острыми отростками. Передняя нога зверя вытянута вперед: он как бы остановился на бегу, вытянул голову и прислушивается к далеким звукам леса.

В целом перед нами великолепное, подлинно реалистическое произведение первобытного художника. Его смело можно поставить в один ряд с лучшими образцами искусства каменного века, при этом скорее ориньяскими, чем мадленскими; сравнительно с последними, однако, ему не хватает динамики и порыва. В этом отношении ближе к нему стоят скорее огромные фигуры оленей (Бола, Бардаль и др.), которые скандинавские археологи относят к мезолиту. Не исключено, что и наш ленский рисунок тоже стоит на грани искусства палеолита и неолита.

Затем следуют изображения лосей. Среди них первыми обращают на себя внимание своим особенно архаическим обликом два крупных изображения лосей на камне I, выполненные красной краской и сильно пострадавшие от времени. По степени сохранности, крупным размерам и способу выполнения — широкими контурными полосами красной охры — и в особенности по своим стилистическим признакам они очень близки к палеолитическим изображениям

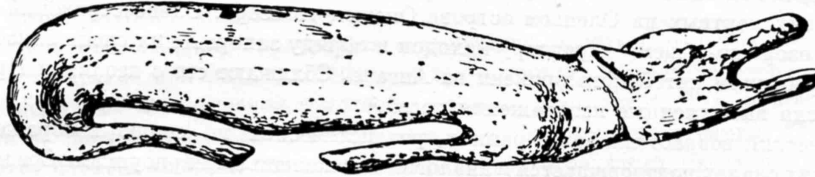

Рис. 33. Скульптурное изображение лежащего лося. Базаиха.

лошадей и дикого быка, бизона. Их сближает реалистическая, но несколько наивная простота обрисовки тела животных, общая тяжеловесность их форм и лаконичность контурного рисунка.

После изображения лошадей и бизона эти два рисунка лосей на Шашкинских скалах являются самыми древними рисунками. В них можно видеть прямое продолжение древней художественной традиции палеолитических мастеров. Вместе с тем по своему сюжету эти два изображения целиком стоят уже по другую сторону грани, отделяющей новокаменный век Сибири от древнекаменного, искусство неолита и непосредственно следующих за ним начальных стадий бронзового века от палеолитических рисунков.

Лось — типично лесное животное, жизнь которого немислима вне привычных для него условий тайги, или в крайнем случае лесотундры. Таким образом, лоси, изображенные на камне I, соответствуют уже не старому послеледниковому ландшафту, когда в Прибайкалье жили бизоны и дикие лошади, а новому, таежному, не древнему, палеолитическому, а новому, неолитическому времени в истории Восточной Сибири.

Сюда же, к данной группе, следует отнести ряд других, реалистически трактованных фигур лося, как выполненных красной краской, так и вышлифованных, особенно наиболее крупных из них (117, 550, 707, 843, 858, 921).

Отмеченные лосиные изображения объединяются монументальностью формы и реалистической трактовкой образа лося.

Фигура лося — подлинного хозяина тайги, этого неуклюжего на первый взгляд, но подвижного и могучего зверя — очерчена в изображениях с исключительной простотой, только в самых основных чертах, без мелких подробностей, но так, что все существенное исчерпано полностью. Образ лося передан с удивительной верностью природе, реалистически точно во всем существенном: в общих очертаниях массивного тела животного, в наиболее характерных его деталях.

Глубокий возраст реалистически выполненных больших фигур лосей на Шашкинских скалах определяется уже их сохранностью. Поверхность этих изображений почти неотличима на первый взгляд от поверхности скалы, на которой они выполнены — до такой степени густой скальный загар покрывает весь рисунок, который был в древности выбит или вытерт и потому

должен быть несравненно светлее темного скального фона. Нужно думать, что прошло немало веков, прежде чем так изменилась поверхность скалы.

Более точно датировать эти изображения можно путем поисков аналогий среди образцов искусства из хорошо датированных вещевых комплексов неолитического времени. Наиболее близкие к ним по стилю и общему облику, реалистически выполненные скульптурные изображения лосей найдены были И. Т. Савенковым в погребении серовского времени — в Базаихе на Енисее, у Красноярска, вместе с различными каменными и костяными орудиями (рис. 33).¹ Такое же по стилю реалистическое скульптурное изображение лося оказалось затем в инвентаре неолитического погребения на острове Жилом, в долине Ангары, ниже Братска, вместе с каменными и костяными изделиями конца серовского или начала китойского времени.² Есть такие реалистические скульптурные изображения и в вещевых погребальных комплексах китойского времени, найденных П. П. Хороших в районе Кайской горы, в Иркутске, в могильнике Циклодром или Локомотив. Далее на западе, помимо деревянных фигур из уральских торфяников, должны быть отмечены уникальные жезлы вождей неолитического племени, хоронившего своих мертвых на Оленьем острове Онежского озера. Оленеостровский могильник на Онежском озере по общему характеру находок и обряду захоронения очень близок к неолитическим погребениям китойского времени на Ангаре. Сближают его с неолитом Прибайкалья и реалистически выполненные изображения лосей.³

Неолитический возраст наиболее ранних, реалистических по стилю изображений лосей на Шишкинских скалах подтверждается и аналогиями с наскальными рисунками Средней Лены — Якутии, которые могут быть отнесены к неолиту не только по стилю, но и по прямой связи их с неолитическими вещами. В скале Суруктах-Хая на р. Мархе, где имеются многочисленные наскальные рисунки, выполненные красной краской, оказалась глубокая щель, заполненная древними жертвенными приношениями, дарами охотников духу — хозяину скалы и всей Мархинской скале, владычице зверей. В самом нижнем слое заполнения щели лежали каменные и костяные изделия неолитического времени — кремневые отщепы, кремневые резцы, наконечники стрел неолитического облика, скребки, костяные гарпуны и даже деревянные приборы для добывания огня трением. Отсюда следует, что самые ранние рисунки на Мархинской скале Суруктах-Хая, наиболее архаичные из них в виде изображений лосей, датируются по крайней мере концом неолитического времени.

В связи с этим встает еще один важный вопрос. Палеолитическое искусство характеризовалось тем, что в нем одинаково были представлены главные виды животных, от которых зависела жизнь и благосостояние людей того времени. В пещерных росписях Франции и Испании имеются рисунки диких лошадей, быков, северных оленей, мамонтов, носорогов, хищников вроде пещерного льва. Правда, местами преобладали изображения некоторых животных, например, в Альтамире — быков или мамонтов в пещере Фон-де-Гом. Но рядом с ними все же были и другие животные, например кабан и лань в той же альтамирской пещере.

Одинаковую картину мы видим в древнейших рисунках на Шишкинских скалах, где имеются два изображения лошадей и одно — бизона. Б. Л. Богаевский, используя термин, взятый из лексикона античной религии, образно и кратко определил эту характерную черту палеолитического искусства и мировоззрения как «пантерион», «всезверие».⁴ Теперь же, в послепалео-

¹ И. Т. Савенков. К разведочным материалам по археологии среднего течения р. Енисея. Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, тт. XV, XVII, №№ 3—4, 1886; I. S a v e n k o v. Sur les restes de l'époque néolithique, trouvés dans le Gouv. d'Enisseisk (Sibérie Orientale), sur la rive de l'Enissei, près des embonchures de la Bazaikha et du Tchadobets. Congrès Intern. d'Archéol. et d'Anthropol. préhistoriques, II-ème session, à Moscou, 1893, стр. 223—330.

² А. П. Окладников. Неолитические находки в шизовьях Ангары. (К итогам работ 1937 г.). Вестн. древней истории, № 4, 1939, стр. 181, рис. 1.

³ В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. Сов. археология, VI, 1940, стр. 57—59.

⁴ Б. Л. Богаевский. О значении изображений «колдуна» в «Пещере трех братьев». Сов. этнография, № 4, 1934, стр. 34—72.

литическое время, у лесных племен Сибири и Дальнего Востока, а также на Урале и далее на западе, по направлению к Скандинавии, обнаруживается господство одного звериного сюжета, одного образа.

Изучая наскальные рисунки лесной зоны Сибири, Дальнего Востока, а также Урала и даже лесной полосы Европейской части РСФСР, мы видим на них преимущественно изображения лосей. Сходная картина обнаруживается в скульптуре древних лесных племен; среди этих скульптурных изображений абсолютно преобладает образ лося. На смену палеолитическому пантериону приходит, следовательно, своего рода «монотерион». Такое резкое сужение круга сюжетов искусства древних племен Сибири в послепалеолитическое время отчасти зависит, конечно, от того, что в голоцене вследствие ряда причин исчезают самые характерные представители четвертичной фауны, как лошади, быки, мамонты и носороги. Но в число излюбленных образцов наскальных рисунков не вошли тем не менее другие звери, широко распространившиеся по Сибири вместе с распространением нового лесного ландшафта: медведи, волки, лисы, бобры, козули, маралы, россомахи, не говоря уже о всяких других, более мелких и в хозяйственной жизни не столь важных животных.

Абсолютное преобладание образа лося в искусстве лесных охотников несомненно имеет еще и какие-то другие причины. Оно объясняется в первую очередь особенно важной ролью этого животного в их повседневной трудовой деятельности и жизни. Так, например, для юкагиров охота на лося в древности была главным источником существования. Юкагиры, как и многие другие племена Сибири, питались в старину мясом сохатого, одевались в его шкуры и из лосиных костей делали свое оружие и орудия труда.

Особо важная роль лося в производственной жизни северных охотников не могла не найти своего отражения и в их духовной культуре. По утверждению одного из лучших знатоков верований северных племен, В. И. Иохельсона, «лось после медведя является наиболее крупным персонажем в животной мифологии и эпосе обитателей крайнего северо-востока».¹

В ходе тысячелетий проявления древнейшего культа лося, разумеется, значительно выветрились и стерлись или были вытеснены новыми верованиями. Но разнообразные следы тех архаических представлений и обрядов, которые были современны наскальным изображениям неолитической эпохи, все же могут быть обнаружены и в современных этнографических данных. Последние при внимательном ознакомлении с ними тоже не оставляют сомнения в том, что именно лось занимал центральное место в производственном культе древних охотников, в тех верованиях и обрядах, которые были связаны с самой основой их жизни.

Как показали материалы, собранные А. Ф. Анисимовым, Г. М. Василевич и другими исследователями, в центре древней религии эвенков находился культ *бугады*, родового святилища, а вместе с тем материализованного, воплощенного в нем родового божества. *Бугады* эвенков представляли собой не что иное, как священные, почитаемые поколениями лесных охотников скалы. Скалы эти выделяются обычно среди всех других своей необычной, особенной по сравнению со всеми другими скалами формой. На наш взгляд, подобные скалы могут, впрочем, и не обладать какими-либо особыми чертами, но в сознании эвенков, в народной традиции сам по себе внешний облик их носит черты живого существа — зверя и чаще всего лося, *моты бугады*. Так же как мы в облаках шутя улавливаем иногда формы каких-то фантастических существ, глаз эвенка находит в очертаниях священных скал *бугады* очертания лосиного тела — контуры его головы, рогов или ушей.

Отношение *бугады* как родоначальника и предка к своему роду не ограничивается тем, что он дал ему начало и произвел на свет первых людей. От *бугады*-предка зависит и все их дальнейшее существование, так как именно он посылает охотникам добычу, создает и гонит в их распоряжение мясного копытного зверя. Зооморфный или полузооморфный предок рода оказывается,

¹ В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. А. Сибирякова, отд. III, т. X, ч. 3, М., 1898, стр. 94.

таким образом, одновременно и мифической «матерью зверей», образ, который хорошо известен по верованиям таких племен, как карibu-эскимосы на Аляске или нганасаны-тавгийцы в таймырских тундрах.

Поэтому важнейшими обрядами, которые совершались у священных скал-бугады, были обряды размножения и магического убийства животных, *шингкэлавун*.

По своему содержанию этим обрядам соответствуют древние наскальные рисунки, на которых часто изображалась сцена оплодотворения — погони самца за самкой. Последний акт обрядов *шингкэлавун*, по данным А. Ф. Анисимова, заключался в магической стрельбе по деревянным фигуркам оленей и в убийстве жертвенных оленей.¹ Такой же характер имела обрядность весеннего праздника сымских эвенков, *иконипка*, описанного Г. М. Василевич. Коллективное ритуальное действие сымских эвенков во время этого праздника изображало «погоню» за воображаемым лосем или диким оленем в течение восьми суток: «8 дней гонят тунгусы от мала до велика воображаемого зверя по верхнему и нижнему миру. 8 дней с перерывами для еды и сна ведут они свой хоровод».²

В обряде *иконипка* обыкновенный лось уже становится мифическим зверем; он поднимается в небеса, а вместо с ним — и охотники. С этим охотничьим обрядом связан древний миф, который встречается почти у всех охотничьих племен Сибири.

В этом мифе лось является олицетворением вселенной, в первую очередь солнца, а охота на него приобретает такой же космический характер. Космический охотник гонится за оленем или лосем-самцом. Когда зверь будет убит, настанет конец мира. Согласно древним верованиям лопарей, «божество грома Арома-Телле в образе титана-охотника ростом с десять старых сосен гонится за таким же чудовищным оленем с черной головой и золотыми рогами. Собаки — каждая величиной с взрослого оленя-самца — помогают охотнику преследовать его гигантскую жертву. Их бег может наблюдать иногда и обыкновенный смертный, но всегда бывает жестоко наказан за это. Если кому-либо удастся увидеть в глаза оленя, за которым гонится Арома-Телле, тот ослепнет на всю жизнь. Если кому-либо удастся только услышать стук копыт его, тот на всю жизнь оглохнет. Если до него дойдет жгучее дыхание чудовищного зверя, он онемевает навсегда. Однако за несколько минут до смерти и слух, и язык, и зрение возвращаются лопарю с тем, чтобы он мог перед смертью рассказать, что он видел и слышал внутри себя за все это время. Самого же Арома-Телле видеть нельзя, так как он слишком велик, лишь стрелы его видны, которые он мечет в оленя; эти стрелы летят из лука Арома-Телле, и люди считают их молниями».³

От исхода этой страшной космической охоты завист не только судьба золоторогого оленя, но и участь мира. «Пока еще, гонясь за оленем, Арома-Телле не попадает в него. Но когда он попадет первый раз в оленя, должно произойти страшное землетрясение. Все каменные горы распадутся, выбросят огонь, реки потекут вспять, озера иссякнут, море высохнет. Когда вторая стрела попадет в черный лоб оленя, между золотыми его рогами, огонь разольется по всей земле и она вспыхнет. Когда же собаки кинутся на оленя и растерзают его, а охотник вонзит в сердце оленю свой нож, тогда звезды упадут с неба, луна погаснет, а солнце утонет в крови. На земле же ничего живого не останется. Это будет конец света».⁴

¹ А. Ф. А н и с и м о в. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958, стр. 29—32.

² Г. М. В а с и л е в и ч. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. Этнография, № 3, 1930.

³ Н. Н. Х а р у з и н. Русские лопари. Очерки современного и прошлого быта. М., 1890, стр. 148—149.

⁴ Там же; В. И. Н е м и р о в и ч - Д а н ч е н к о. 1) Лопарская земля. Живописная Россия, т. I, М., стр. 171; 2) Страна холода. СПб., 1887, стр. 209. Аналогичные представления о конце света, когда будет растерзано преследуемое космическое животное, имеются у многих других народов. Г. Н. Потанин приводит, например, монгольский рассказ о том, что созвездие Большой Медведицы состоит из иноходца и волков, которые за ним гонятся; когда волки настигнут иноходца и разорвут его, настанет конец мира (Г. Н. П о т а н и н. Очерки северо-западной Монголии, IV. СПб., 1883, стр. 736).

Мифология и древние обряды лесных племен Евразии, таким образом, помогают понять то особое значение, которое принадлежит лосю в древних наскальных изображениях сибирской тайги. Оно связано с культом этого зверя.

К концу неолитического времени на Шишкинских скалах могут быть отнесены также и некоторые антропоморфные изображения. Эти изображения отличаются одной специфической особенностью: они имеют специфический изгиб туловища, придающий им сходство с сидячей или танцующей фигурой.

Наиболее характерным образцом таких фигур является крупное изображение на камне XXVIII, рядом с изображением небольшого животного и другими фигурами (рис. 34). У этой антропоморфной фигуры на голове имеется шесть лучеобразных линий, изображающих нечто вроде шаманской короны из перьев. Торс ее слегка выгнут, а тонкие, длинные ноги круто изогнуты. Рука изображена одна, такая же длинная и тонкая, как ноги (633, 636). Целая группа таких же фигур, в том числе одна совершенно целая, с аналогичным головным убором имеется и в другом месте, на камне XXXI (792). Одинаковые сидячие или танцующие антропоморфные фигуры, выполненные, однако, в другой технике — красной краской, изображены на скалах около дер. Свирской и Верхней Бурети на Ангаре.

Возраст этих наскальных рисунков определяется совпадением их специфической позы с позой, характерной для других археологических объектов, для скульптурных изделий из рога, камня и глины найденных на Енисее, а также в Прибалтике.

Такова, например, миниатюрная статуэтка из жировика (агальматолита), найденная в Базаихе и изображающая как бы сидячую человеческую фигуру, по-видимому, нагую. Фигура эта имеет в профиле характерный плавный изгиб. Спина ее выпуклая и выгнута назад.

Очень близкая по трактовке статуэтка, вырезанная из рога, была найдена в 1914 г. в Пернове.¹ Как в Базаихе, так и в Пернове мы видим на статуэтках одинаковый характерный изгиб туловища, из-за которого они напоминают изображения человека в сидячей позе; для них характерно также отсутствие рук и одинаковая условная трактовка лица и всех остальных деталей.

Статуэтка из Базаихи является поэтому во всех отношениях как бы точной, хотя и сильно уменьшенной копией статуэтки из Перновы. Сходный изгиб туловища характерен для ряда неолитических скульптур севера европейской части РСФСР и Финляндии. Одинаково выглядят, например, глиняные антропоморфные статуэтки из Хонканиemi в Финляндии и из Кубенино в Каргопольском районе.²

В связи с этим следует вспомнить и антропоморфную статуэтку, вырезанную из лосиного рога, которую И. Т. Савенков обнаружил в погребении с фигурками лосей. Фигурка эта имеет странную птицевидную голову и точно так же изогнута, как агальматолитовые статуэтки или как статуэтка из Перновы. Она тоже изображена как бы в сидячем положении, что ясно видно при взгляде на нее сбоку, в профиль. С одинаковым изгибом туловища изображена и птица, изго-

Рис. 34. Наскальный рисунок антропоморфного существа.

¹ М. E b e r t. Die baltischen Provinzen. Kurland. Livland. Estland, Prähistorische Zeitschrift, Bd. V, 1913, стр. 518—519, табл. 23а; J. A i l i o. Fragen der russischen Steinzeit. SMYA, XXIX, 1932, стр. 15; Н. М о о r a. Die Steinzeit Estland. Tartu, 1932, abb. 13.

² М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА СССР, № 29, 1952, рис. 102, 1, 2.

товленная из кремня, найденная И. Т. Савенковым в соседней с Енисеем областью ангарской долины, на неизвестном поселении у р. Чадобца.¹

На наскальных изображениях Карелии человеческие фигуры во многих случаях тоже бывают показаны в профиль, с совершенно таким же странным, но постоянным изгибом туловища и ног. Они изображены здесь тоже как бы в полусидячем положении.

Сидячие или танцующие фигуры на скалах Лены и Ангары, рассматриваемые в связи с другими аналогичными им изображениями, открывают еще более широкие исторические перспективы, в которых прошлое севера Европы и Азии увязывается с прошлым других, южных, областей.

Антропоморфные фигуры ленских и ангарских писаниц имеют аналогию в неолитическом искусстве не только на европейском севере, но и далеко на юге. В древнем могильнике оголо г. Нальчика на Северном Кавказе была, например, найдена такая же сидячая или полусидячая статуэтка с характерным изгибом туловища, изготовленная из камня: «При изготовлении статуэтки мастер сделал попытку придать изображению вид сидящего человека, что отчетливо видно при рассмотрении статуэтки в профиль. Слегка дугообразно прогнутая линия спины образует ясно выраженный угол на месте таза. С лицевой стороны резкий перегиб заметен ниже, на месте колен», — пишут об этой статуэтке А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий.²

Обычная датировка Нальчикского могильника сводится ко второй половине III тысячелетия до н. э. Однако в недавнее время Е. И. Крупнов вполне убедительно предложил считать этот памятник более ранним и относить его к самому началу энеолитической эпохи на Северном Кавказе. «Неолитический характер инвентаря Нальчикского могильника, сближающий его с материалом Агубековского поселения, не дает оснований допускать между ними большого хронологического разрыва. Если же учесть, что каменные браслеты, подобные нальчикским, характерны даже в Западной Европе, именно для неолитических могильников типа Рессенского, и что Нальчикский могильник фактом наличия привозных вещей тяготеет к древнему Востоку, который давно знал металл, то следует, как нам кажется, время существования этого замечательного памятника определять не позднее середины III тысячелетия до н. э., вслед за датой Агубековского поселения».³

Этот вывод подтверждается и общим обликом нальчикской статуэтки, как ее формой, так и ее специфической сидячей позой, сближающими ее с известными трипольскими статуэтками. Сидячие трипольские статуэтки — явление самое обычное и широко распространенное; такие статуэтки известны десятками и на различных этапах развития этой древнеземледельческой культуры, начиная с времени, к которому относится известное поселение у с. Лука-Врублевская на Днестре.⁴ Такие сидячие или полусидячие статуэтки столь же широко распространены в родственной трипольской культуре древнейших земледельческих культурах южной Европы и Переднего Востока, а также в культурах неолитических и энеолитических земледельцев Средней Азии, Ирана и соседних с ними стран.

Оттуда, как предполагал еще Ю. Айлио, эта стилистическая манера в скульптуре проникла и далеко на север, в том числе в Прибалтику, в Финляндию, а также, очевидно, и на север европейской части РСФСР, где она обнаруживается, как мы видели, в устойчивом виде, как обычная и характерная черта неолитического искусства лесных племен, охотников и рыболовов европейской субарктики.

¹ МАЭ АН СССР, колл. № 282—130.

² А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА СССР, № 3, 1941, табл. VIII, 1, стр. 120.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 32, 34.

⁴ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. МИА СССР, № 38, 1953. «Статуэтки Лука-Врублевской, — как пишет С. Н. Бибииков, — разделяются на сидящие (большинство фигурок), полусидящие и, как очень редкое исключение, прямые» (там же, стр. 205).

Следует думать поэтому, что в статуэтке из Нальчикского могильника, как и в этих северо-европейских скульптурах, отражены древние традиции неолитических земледельческих племен Европы и Передней Азии, связанные с культом женского божества плодородия. Тем интереснее, что по ряду признаков инвентаря и погребального ритуала Нальчикский могильник обнаруживает значительное сходство с китайскими погребениями Прибайкалья.

Сходство это настолько определено и отчетливо, что дает основания предполагать наличие каких-то культурных связей между китайскими племенами Прибайкалья и теми племенами юга, к которым принадлежали строители кургана в Нальчике, жившие в середине III тысячелетия до н. э. Мне уже приходилось ранее отмечать в числе таких сходных признаков окраску покойников красной охрой, наличие в инвентаре погребений каменных колец-«браслетов», сделанных из мрамора, бус из раковин, клыков кабана, подвесок из зубов животных, т. е. всего того, что типично для неолита Европы в III—начале II тысячелетия до н. э.¹ Сюда теперь можно присоединить еще и сидячие статуэтки, подобные нальчикской и трипольским статуэткам, а также их двойников на петроглифах. Первое проникновение их в Восточную Сибирь вполне могло произойти, следовательно, еще в III тысячелетии до н. э., когда на Северном Кавказе уже начинается энеолитическая культура, а в Прибайкалье продолжает существовать культура развитого неолита в ее заключительной китайской фазе. Такое предположение подкрепляется общим характером инвентаря китайских погребений. Они, как нам уже приходилось отмечать, дают богатый материал, свидетельствующий о резком усилении культурных связей с западом и о появлении многих таких элементов инвентаря, которых ранее не было.²

Совпадение между сидячими или танцующими фигурами шишкинских скал, с одной стороны, и антропоморфными изображениями поздне-неолитического времени на Енисее и далее к западу от Енисея, с другой, интересно и не только для датировки шишкинских рисунков. Факт этот важен и для истории древних племен лесной зоны Евразии в целом. Он свидетельствует о контакте между племенами востока и запада, о том, что в конце неолита с запада на восток проникают, возможно, не только отдельные элементы культуры, но и представители западных племен, по-видимому предки позднейших самоедских племен Саянского края.

РИСУНКИ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В археологической науке с XVIII в. стали известны памятники бронзового века степных областей Сибири, особенно Минусинского края. Памятники эти наглядно свидетельствовали, что в степных областях к востоку от Урала веками развивалась богатая и яркая культура бронзового века.

Однако существование бронзовой культуры в лесных областях Сибири надежно установлено не было и даже оспаривалось. Теперь мы знаем, что за неолитом бронзовый век следует и в лесах Сибири, в том числе даже в Якутии, на Лене.

Первые медные и бронзовые изделия на территории Прибайкалья и в том числе на Лене появляются в глазковское время, т. е. примерно в промежутке времени около 1800—1500 гг. до н. э., — сначала в виде немногочисленных и простейших по типу кованых изделий.³ К концу глазковского времени металла в обиходе местного населения становится больше, формы изделий усложняются и во всяком случае некоторая часть металлических предметов выделя-

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. МИА СССР, № 18, 1950, табл. 7.

² Там же, стр. 131, табл. 6.

³ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. Глазковское время. МИА СССР, № 45, 1955.

13 Лесные писаницы .

вается способом литья. За глазковским временем следует шиверское время, когда техника изготовления металлических изделий продолжает совершенствоваться дальше. Погребения шиверского типа могут быть датированы примерно тем же временем, что и карасукские памятники на Енисее, т. е. XIV—IX вв.

К следующему этапу, ко времени вполне зрелой и развитой бронзовой культуры, в Прибайкалье относятся сравнительно многочисленные, случайные находки медных и бронзовых изделий, а также два погребения, найденные в низовьях Ангары, и ряд поселений того же времени на Ангаре и Лене.¹

Наиболее богатые находками поселения с такой керамикой обнаружены на островах р. Ангары, между г. Иркутском и Байкалом, в особенности на о. Сосновом, расположенном в 8 км ниже истока р. Ангары. На о. Сосновом вместе с характерной керамикой обнаружены бронзовые изделия, в том числе ножи и кельты, а также обломки литейных форм, изготовленных из агальматолита (жировика). Эти литейные формы доказывают наличие местного производства бронзовых изделий. Как и на ранних стадиях развитой или поздней бронзы Минусинского района, медь и сплав ее с оловом — бронза — были теперь единственным материалом для изготовления металлических орудий и вооружения, находившимся в распоряжении лесных племен. Из бронзы выделялись кинжалы, мечи, ножи, кельты, а также мелкие вещи, как иглы и наконечники стрел. Вещи эти обыкновенно имеют характерные для них особенности формы и орнамента.

Еще более резко отличаются от степных глиняные сосуды; они не плоскодонные, а круглодонные и украшены налепными валиками иногда в виде вписанных друг в друга арочек.

За памятниками бронзового века в Прибайкалье следуют памятники раннего железного века (III в. до н. э.—V в. н. э.). Таково, например, погребение, найденное в дер. Белоусово у Качуга, на верхней Лене, и поселения на тех же ангарских островах выше Иркутска, где вместе с железными вещами имеются обломки сосудов с узким, плоским дном, украшенных оригинальным резным узором, напоминающим стилизованные ветви деревьев.

Вещественные следы культуры бронзового и раннего железного веков могут быть дополнены теперь и некоторыми наскальными изображениями Шишкинских скал. Самые интересные и богатые по содержанию рисунки в Шишкино, которые могут быть отнесены к эпохе бронзы, находятся на одном и том же участке, в близком соседстве друг с другом.

Среди них в первую очередь нужно отметить группу изображений, выполненных темно-малиновой, почти вишнево-краской (600). Рисунки эти помещаются на одной из наиболее широких и удобных плоскостей Шишкинских скал, защищенной сверху небольшим выступом-карнизом от разрушительного действия дождя и снеговой воды. Если бы не этот карниз, драгоценные рисунки несомненно погибли бы и во всяком случае не дошли до нашего времени в такой удивительной на первый взгляд сохранности (рис. 35—37).

В первой лодке слева изображено шесть антропоморфных фигур. Фигуры показаны в фас. У всех руки согнуты и подняты кверху. У всех на голове развилки, изображающие рога или рогатый головной убор. На второй, соседней лодке имеется пять таких же точно фигур. На третьей лодке видно три фигуры тоже с рогами на голове, но туловища их показаны уже не в фас, а в профиль, сбоку и с сильно выгнутой спиной, слегка наклоненной вперед. Соответственно профильному характеру всего рисунка у фигур изображено не по две, а по одной руке, тоже поднятой кверху. Эта группа первых трех лодок отделена значительным интервалом от четвертой лодки. На ней стоят четыре антропоморфные фигуры, такие же как на первых двух лодках, с воздетыми вверх руками и с рогами на голове. Антропоморфные фигуры на четырех следующих

¹ А. П. Окладников. 1) Погребение бронзового века в ангарской тайге. КСИИМК, VII, 1940; 2) Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. Сов. археология, X, 1948; 3) Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. КСИИМК, 51, 1953; П. П. Хроших. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Иркутск, 1924.

лодках изображены в иной стилистической манере. Они очень схематичны. Это стерженьки с развилкой наверху, изображающей рога. Рук у них не изображено. На пятой лодке таких фигурок имеется всего три, на шестой — пять, на седьмой — четыре, на крайней, восьмой — тоже четыре.

Под четвертой лодкой находится рисунок животного. Это лосиная или оленья самка, лань. Морда ее повернута назад. На заднем бедре видна спираль или концентрические круги. Туловище животного в передней его части рассечено поперек вертикальными полосами.

Рядом с фигурой лани стоит человекоподобное существо. Антропоморфная фигура показана в фас. Руки ее подняты кверху, на голове развилка — рога. Выше таза сбоку имеется вы-

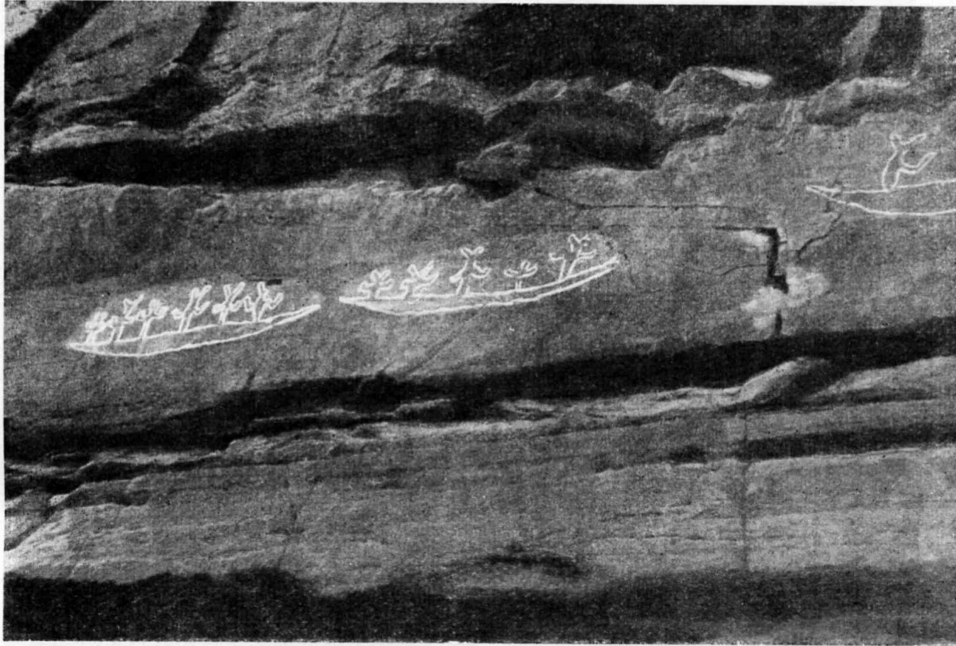

Рис. 35. Изображения лодок.

ступ, напоминающий короткий хвост. Под пятой лодкой расположена группа антропоморфных фигур — четыре. У крайней слева на голове нет рогов. Такое различие может объясняться тем, что она находится непосредственно под лодкой и рога просто не поместились. Зато у всех трех остальных фигур рога имеются. Они особенно велики у четвертой фигуры и при этом отличаются от рогов других фигур по форме. Это не простые прямые развилки, а кривые рога, напоминающие ухват. У двух фигур данной группы, как и у первой, сбоку, выше таза видны хвосты, у четвертой хвоста нет. Различия в стиле антропоморфных изображений в лодках могут зависеть от их различного возраста. В таком случае нужно считать одновременными рисунки лодок первой, второй и четвертой. Рисунки четырех последних лодок, более схематичные, вероятно, позже всех. Особо выделяется третья слева лодка с ее профильными сидячими фигурами людей. Они значительно живее и реалистичнее остальных антропоморфных рисунков и, может быть, старше.

Таким образом, композиция из плывущих лодок и остальных фигур должна была складываться постепенно. Первоначальным ядром ее скорее всего была третья слева лодка, потом к ней присоединились рисунки первой, второй и четвертой лодок, лань и человек внизу. Последними были пририсованы три крайние справа лодки с условно трактованными фигурами людей.

Но в общем все эти рисунки, вероятно, близки друг другу по времени и во всяком случае относятся к одной культурно-исторической эпохе.

Для определения возраста всей композиции достаточно одной фигуры лани. Характерна прежде всего сама по себе поза животного. Точно так же, с повернутой назад головой, изображались олени и другие звери, как реальные, так и мифические, в искусстве степных племен Европы и Азии в бронзовом и в раннем железном веке. В той же, канонически выдержанной, позе изображали животных ионические мастера в архаическое время. Эта специфическая манера изображения животных сопровождается и еще одной, мелкой, но не менее устойчивой, а потому и еще более специфической чертой. На бедрах животного в таких случаях постоянно

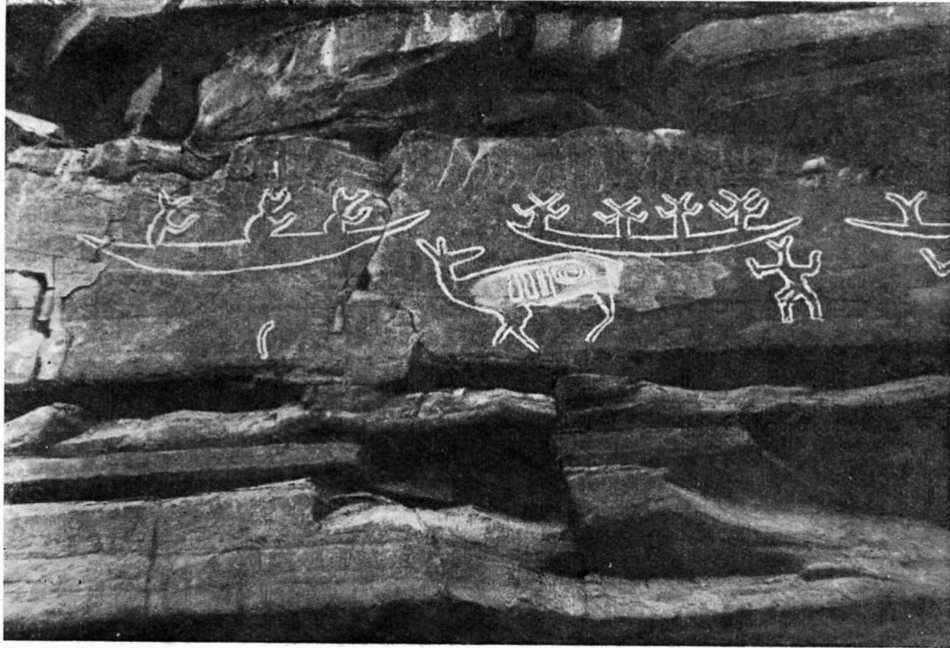

Рис. 36. Изображения лодок.

бывают видны вписанные в их округлость круги, спирали, звездчатые фигуры, т. е. точно так же, как и на шишкинских писаницах.

Не менее интересна и другая черта фигуры лани из Шишкино. Ее туловище, как сказано выше, покрыто внутри прямыми, поперечными полосами, аналогичными полосам на теле лося в бухте Саган-Заба. Такая черта типична для таежного искусства эпохи бронзы. В связи с этим должна быть отмечена и еще одна крупная по размерам фигура животного, тоже выполненная красной охрой. У данной фигуры голова не уцелела, но, судя по общим очертаниям тела животного, она изображает лося. Все туловище ее также пересечено косыми, поперечными линиями-полосками.

Значение этой детали для стилистической характеристики писаниц описываемой группы и определения их возраста тем важнее, что она имеет очень широкое распространение в наскальных изображениях за пределами Ленского края: на Урале, Енисее, в долине Ангары (о. Каменный у дер. Егоровой) и на Байкале. Для определения возраста таких ажурных писаниц в Прибайкалье и других соседних с ним районах имеет особо важное значение тот факт, что крупная «решетчатая» фигура лося на скале в бухте Саган-Заба на Байкальском побережье сочетается в одной композиции с характерно стилизованным рисунком марала. Марал этот лежит,

подогнув колени и закинув на спину тяжелые завитки рогов, точно так же, как и олени на известных «олених камнях» Забайкалья или на металлических изделиях скифского типа из тагарских курганов Сибири и Причерноморья.¹ Там же, в бухте Саган-Заба, имеются характерно стилизованные антропоморфные изображения, близкие по ряду деталей к человеческим фигурам шишкинской композиции. Фигуры данной группы одинаково показаны стоя, во весь рост и при этом спереди — в фас. У них тоже имеются рога на голове, обе руки подняты вверх в аналогичном ритуальном жесте, ноги согнуты характерным образом — в виде ромба. Так, должно быть, передается поза ритуального танца, шаманской пляски — камлания. У одной фигуры

Рис. 37. Изображения лодок.

из бухты Саган-Заба, как и на шишкинских фигурах сбоку, над тазовой частью туловища и также именно справа, виден отросток, похожий на хвост.

Кроме обычных антропоморфных фигур, показанных в фас, на писаницах в бухте Саган-Заба есть одна фигура, изображенная в профиль. Это человекоподобное существо с рогами на голове, взбирающееся на дерево, напоминает один обычай, связанный с посвящением шаманов у байкальских бурят, когда шаман взбирается на священное дерево, березу. По манере стилизации и общему облику фигуры она совершенно одинакова с профильными изображениями людей, плывущих на третьей лодке шишкинской композиции. Не менее интересно и то, что на скалах в бухте Саган-Заба, как и на шишкинской композиции с лодками, человеческие рогатые фигуры сочетаются с изображениями лосей или оленей, причем здесь на одних рисунках антропоморфное существо как бы держит оленя за рога, а в других прямо стоит на олене.

¹ Зарисовки Т. И. Савенкова, выполненные в 1913 г. и хранящиеся в Иркутском краеведческом музее (колл. № 7350).

Для датировки всех писаниц с решетчатыми фигурами животных еще важнее прямое совпадение отмеченной особенности их стиля с более точно определяемыми по их возрасту металлическими вещами. Среди различных предметов, связанных с минусинским очагом бронзовой культуры, имеются вещи, украшенные резными фигурными изображениями, причем фигуры эти заполнены внутри такими же поперечными, прямыми или косыми полосами. Ручка одного изящного ножа тагарского типа, отлитого из красноватой бронзы, найденного у сел. Корякова на правом берегу Енисея, в бывш. Минусинском округе, по всем признакам довольно раннего времени, покрыта изображениями двух рыб. Первая рыба фигурка заполнена внутри продольной полоской и отходящими от нее косыми линиями в «елочку», изображающими, по-видимому, скелет рыбы — ее позвоночник и ребра.¹ В числе ордосских древних бронз Андерсоном опубликована секира архаического типа, восходящая к китайским образцам иньского времени, на одной стороне которой вырезана фигура кабана, а на другой — сильно стилизованного зверя, очевидно хищника, туловище которого заполнено пересекающимися его поперек углами.

Если в степных районах Монголии и Сибири этот своеобразный прием передачи чешуи или шкуры в одних случаях, ребер в других отмечается для изображений рыб или хищников, то в таежных областях, где исключительно господствует образ лося, он известен и в металле на таких же лосиных фигурах, какие мы видим на писаницах. Таковы, например, многочисленные предметы «ажурного литья» из таежных районов Западной Сибири, среди которых обычны изображения лосей с прямыми, косыми или угловатыми линиями поперек их тела.²

Положение о том, что замечательную, уникальную для Восточной Сибири композицию из лодок, человеческих фигур и изображения лани следует датировать бронзовым веком, подкрепляется также и более далекими, но от этого еще более поразительными аналогиями с запада — с Енисея, из Карелии и Скандинавии. Западные аналоги особенно интересны тем, что помогают раскрыть смысл шишкинской композиции, позволяя приблизиться к разгадке ее содержания и обнаружить вложенные в нее идеи. Культовое содержание этой группы изображений не подлежит сомнению. На него прямо указывает положение рук человеческих фигур, воздетых к небу в общеизвестном ритуальном жесте — молитвы, обращения к небу.³ О культовом, ритуальном смысле этой композиции свидетельствуют такие характерные детали этих фигур, как хвосты сбоку и рога на голове, напоминающие о зооморфных признаках шаманских луков и аналогичных деталях ритуального костюма самих шаманов.

Но одних шаманских мифов и сюжетов шаманского искусства народов для объяснения шишкинской композиции недостаточно. Скорее, напротив, эти шаманские мифы и детали шаманских костюмов, если подойти к ним с конкретно-исторической точки зрения, могут найти объяснение в шишкинских писаницах и в некоторых более далеких аналогиях к ним.

Чтобы раскрыть смысл этих изображений, нужно иметь в виду, что замечательная шишкинская процессия лодок, единственная в своем роде для писаниц Прибайкалья, не является чем-то совершенно изолированным и единичным. Одинаковые процессии лодок с сидящими в них человеческими фигурами известны уже на Енисее.⁴ Такие же лодки отмечаются как наиболее характерные рисунки в наскальных изображениях Карелии и Скандинавского

¹ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. СПб., 1883, стр. 27, табл. IV, рис. 13; ср. т. 1, вып. 3, стр. 108, табл. XIX, рис. 3.

² И. М. М я г к о в. 1) Находка на г. Кулайке. Труды Томск. краевого музея, т. 1, 1927; 2) Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея). Труды Томск. краевого музея, т. II, 1929; А. Е р м о л а е в. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Красноярск, 1914.

³ И. Т. С а в е н к о в. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV археолог. съезда в Чернигове 1908 г., т. I, М., 1910.

⁴ И. Т. С а в е н к о в. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, табл. III, рис. IV; табл. VI, рис. I. Сюда же следует отнести эстампированные А. В. Адриановым изображения лодок на Шалаболлинской писанице (эстампаж хранится в МАЭ АН СССР); К. В. В я т к и н а. Шалаболлинские (тепяские) наскальные изображения. Сборн. МАЭ, XII, 1949, рис. 1, VI, 7; 15.

полуострова (рис. 38).¹ Замечательно при этом, что ленские писаницы сближаются с наскальными изображениями Карелии, Скандинавии и долины Енисея не только сюжетом, но и некоторыми мелкими специфическими деталями. На скандинавских петроглифах показано, как сидящие в лодках люди точно так же воздевают руки к небу. Более того, у них видны сбоку аналогичные хвосты. Головы их тоже двурогие, т. е. с рогатыми головными уборами. Даже композиция шишкинской писаницы, где вверху изображены лодки, а под ними рогатые фигуры с боковыми хвостами, и та полностью повторяется в известных изображениях Каллеби, в Тануме на Богуслене (рис. 39). Разница только в том, что в последнем случае лодка находится внизу, а люди вверху, и рисунок в целом богаче деталями (трубы, изображение морды зверя на носу судна, дерево на нем и более тщательно и детально выполненное изображение самого судна).² Аналогичные изображения встречаются и на металлических предметах бронзового века, например на знаменитых бронзовых бритвах, где изображаются те же ладьи или корабли, одинаково стилизованные человекоподобные фигуры с воздетыми вверх руками и с аналогичными атрибутами в виде хвостов сбоку и рогатых головных уборов.

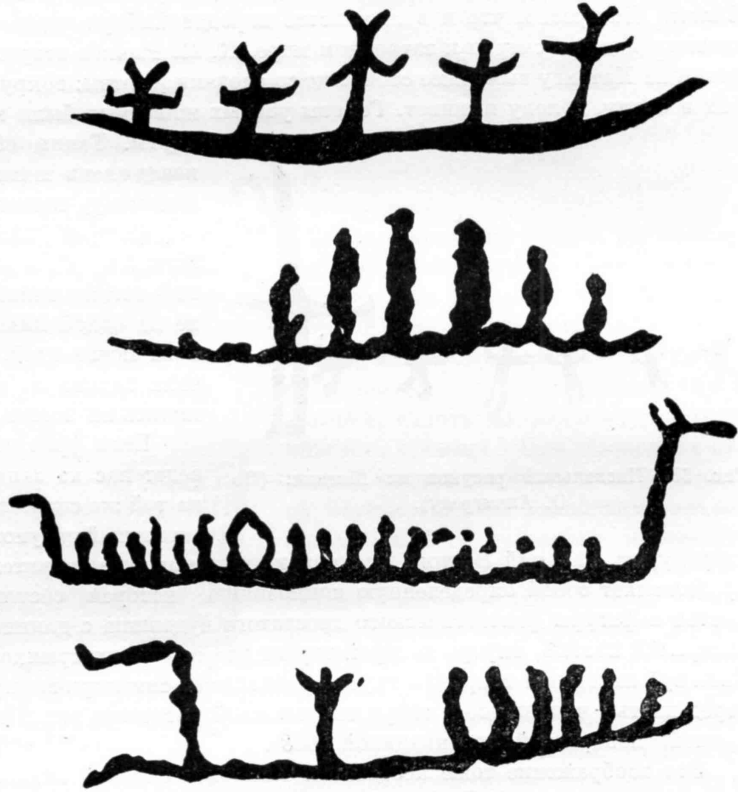

Рис. 38. Изображения лодок на наскальных рисунках. Шишкино (вверху), Карелия (два ряда в середине) и Енисей-Шалаболинская писаница (внизу).

Наскальные изображения северной Европы являются памятниками древней земледельческой религии, имевшей много общего с религиями древних народов Переднего Востока и Египта. В основе ее был культ стихий природы, миф об умирающем и воскресающем божестве растительности. Изображения же лодок на петроглифах Скандинавии и Карелии были связаны не столько с охотничьими культовыми обрядами, сколько с древними представлениями о плавании душ умерших в страну смерти на лодках и о путешествии солнца в загробный мир. Лодки эти — люди умерших. Путь их лежит в страну предков, в загробную страну — преисподнюю, куда души мертвых идут вслед за уходящим солнцем. Такой же смысл имеют, вероятно, и шишкинские лодки.

Повернувший голову назад олень или лось шишкинского рисунка в свою очередь напоминает фигуры оленей с характерными ветвистыми рогами, сопровождающих лодки на скандинавских петроглифах, или лосей в Карелии. Одинаковые изображения известны и в Си-

¹ В. И. Р а в д о н и к а с. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, чч. I и II; А. М. Л и п е в с к и й. Петроглифы Карелии, ч. I. Петрозаводск, 1939.

² Oskar A l m g r e n. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden. Frankfurt am Main, 1934, стр. 8.

бири. На шалаболинской писанице в долине Енисея изображена такая же, как в Шишкино, лодка, а рядом с ней лосиная фигура.

Образ лося или оленя, сопровождающего лодки мертвых в их плавании по реке смерти, известен и в шаманском фольклоре народов Сибири. Это хорошо знакомая нам по шаманским легендам фигура лося или оленя — обитателя «нижнего мира», а также образы ныряющих в волнах реки смерти оленьих «быков» тунгусских погребальных заклинаний и страшных лосей кетской легенды об оленях владычицы преисподней Хосядам, окаменевших посреди Енисея. Интересно, что и в шаманстве народов Сибири олень с головой, повернутой назад, связан с идеей о смерти и загробном мире. К. М. Рычков встретил в 1908 г. по дороге из Дундинки на Хатангу вымершее стойбище со следами жертвы: вокруг валялись 42 оленя, проткнутых в спину, голову и живот. Головы убитых животных были вытянуты назад, а ноги подогнуты. Таким образом, повернувший голову назад олень шишкинской писаницы был, по видимому, связан с идеей смерти.

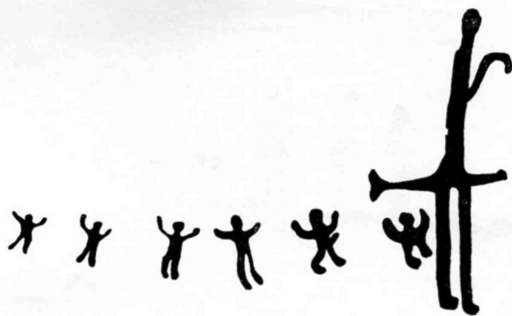

Рис. 39. Наскальный рисунок из Швеции. (По О. Альмгрену).

Следует думать, что такие шаманские идеи и мифы, которые могут показаться на первый взгляд целиком автохтонными, возникли не на одной лишь только местной основе, но и на почве идей, которые существовали сначала далеко на западе, а затем распространились на восток, к берегам Байкала и Лены.

Если фриз из лодок и человеческих фигур ведет нас на запад от Байкала и Енисея, то на той же скале имеется другой, не менее замечательный рисунок, который ведет нас в другую

сторону, на Дальний Восток. Рисунок этот расположен значительно ниже первого. Он также представляет собой определенную композицию, которая состоит из антропоморфного существа и фигуры фантастического хвостатого чудовища с длинной, как у крокодила, широко раскрытой пастью, внутри которой торчат два огромных крючкообразно загнутых назад зуба. Один зуб находится вверху, а другой расположен симметрично против верхнего, внизу. Прямо перед пастью чудовищного зверя шишкинской писаницы виден кружок, внутри пересеченный прямой, поперечной перекладиной (608).

Это изображение тоже неодинокое. Наиболее близкой аналогией ему является бронзовая бляшка, найденная М. П. Овчинниковым у таежного села Шивера на Ангаре, изображающая двух таких же фантастических, зубастых чудовищ с длинным, массивным хвостом, загнутым вниз, точно так же, как на шишкинском рисунке. Около пасти более крупной и лучше выполненной фигурки зверя виден кружок, аналогичный шишкинскому.¹ Метляевские «неведомые чудовища» в свою очередь отчасти сближаются с фигурами клыкастых фантастических чудовищ с широко раскрытой пастью, которые нередко встречаются на изделиях степных литейщиков.

Рядом с чудовищем на Шишкинской скале находится антропоморфная фигура, должно быть тоже изображающая фантастическое существо, замечательная тем, что туловище ее имеет ажурный характер, так как заполнено внутри рядом треугольников, не покрытых краской (608). Ажурность этой фигуры тоже дает право вспомнить о металлических изделиях, на этот раз — «ажурном литье» Западной Сибири, датирующемся концом бронзового и началом железного веков.

Смысл рисунка, изображающего клыкастое чудовище с кружком перед пастью, ясен: мифическое чудовище стремится проглотить кружок — солнце, а может быть луну.

¹ Г. М. Константинов. Археологические находки вблизи деревни Верхне-Метляево. Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. LIII, Иркутск, 1928, стр. 144, рис. 3.

Такой же образ мифического чудовища до недавнего времени сохранялся в Китае. Еще в конце прошлого столетия изображения этого чудовища встретил во время своего путешествия в Западный Китай известный русский путешественник, историк и этнограф А. Е. Грум-Гржимайло. А. Е. Грум-Гржимайло писал: «Тап — рисунок, составляющий вывеску всякого присутственного места в Китае. Тап изображает мифического зверя. Благодаря четырем талисманам, которыми он владеет, ни одна из окружающих его стихий: огонь, вода и воздух — нестрашны тапу. Но обладая всем, он все же томится желанием проглотить солнце. С разинутой пастью стоит он перед ним, испытывая танталовы муки, потому что, увы! одна только попытка схватить солнце должна повлечь за собой потерю талисманов и смерть самую ужасную, какую только может представить человеческое воображение».¹

Рис. 40. «Тап». (По А. Е. Грум-Гржимайло).

Рисунок *тана*, опубликованный А. Е. Грум-Гржимайло, настолько близок по общему своему характеру к шишкинской писанице, что вряд ли можно сомневаться в том, что изображенный на ней кружок тоже изображает именно солнце, а не какой-то другой предмет (рис. 40).² Мифологический образ клыкастого зверя-чудовища или, что то же самое, *тао-тхе*, аналогичный *тану*, о котором писал А. Е. Грум-Гржимайло, может быть прослежен в китайском искусстве и мифах далеко в глубь истории, вплоть до раннечжоуского и иньского времени.³

Рис. 41. Бронзовая секира иньского времени с изображением свернувшегося зверя.

При раскопках огромной могилы иньского вана в Аньяне, осуществленных китайскими археологами в 1950 г., среди множества других вещей был обнаружен кусок гладко отшлифованного камня, на котором вырезана фигура такого хищника с загнутым на конце, длинным хвостом и большой, ушастой мордой. Его обычно, и должно быть не без основания, называют тигром. Различные орнаментализованные варианты фигур этого мифического зверя-хищника представляют собой, как известно, основу своеобразного орнаментального стиля

искусства арханческого Китая, главный и самый характерный элемент орнаментики древнейших бронз (рис. 41). Во всех этих разнообразных вариантах изображений мифического зверя видна одна и та же в принципе характерная фигура: с большой, нередко ушастой и рогатой головой, длинным, изогнутым туловищем и таким же длинным, выгнутым хвостом. В ряде случаев широко разинутая пасть чудовища бывает усажена острыми, кривыми зубами,⁴ а иногда концы верхней и нижней челюстей образуют крючкообразно загнутые назад

¹ А. Е. Грум-Гржимайло. Путешествие в Западный Китай, II. Л., 1926, стр. 200.

² *Тап*, очевидно, то же самое что и *чжай*. Это «китайский единорог чжай», который якобы обладал способностью распознавать правых и виноватых, а потому и изображался на предворотном щите судебных мест (С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Труды Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. XXII, М.—Л., 1954, стр. 285).

³ В. Карлсен. 1) New Studies on Chinese Bronzes. Bull. of the Mus. of Far. East. Antiq., № 9, 1937, стр. 14; 2) Notes on the Grammar of early bronze dekor. Там же, № 23, 1951, стр. 5—7, рис. 14, 258.

⁴ В. Карлсен. Notes on the Grammar . . . , рис. 122, 192, 196, 221.

выступы, напоминающие змеиные клыки. Такая же огромная, зубастая пасть с змеиными зубами видна и на шишкинском рисунке.

Чудовище шишкинского рисунка, следовательно, является известным в мифологии различных народов образом фантастического чудовища, глотающего или пытающегося проглотить небесное светило. В одном случае этим светилом оказывается солнце, в других — луна или звезды. В мифологии центральноазиатских народов тюркской и монгольской групп такое чудовище обычно носит название *мангыс* или *монгус*, *мангатхай*.¹

Само же чудовище иногда является просто зверем, а еще чаще — змеем, драконом, библейским левиафаном — обитателем и владыкой морских глубин, окружающих землю, которая плавает среди вод безбрежного океана. Оно символизирует в живом конкретном образе «нижний мир» древнейшей мифологии, преисподнюю, куда скрываются, чтобы умереть, а затем воскреснуть и родиться вновь на радость людям, солнце, луна и звезды.

Представления о мифическом чудовище, глотающем светила или пытающемся проглотить их, настолько давно и хорошо известны в этнографической литературе, что этот сюжет, запечатленный на Шишкинских скалах, не нуждается в дальнейших комментариях.

Все это вместе взятое заставляет нас обратить внимание на соседство лодок мертвых верхней композиции и оленя около нее с чудовищем бездны на той же скале внизу. Соседство это едва ли случайно.

Лодки, олень и фантастическое клыкастое чудовище — образы, родственные друг другу, связанные с идеей о смерти и «подземной обители» мертвых, а также с определенным погребальным ритуалом, в основе которого лежит представление о переселении душ умерших в иной мир по реке и на лодке. В культовых, например, древнеегипетских рисунках изображение змеи часто сопровождает рисунки священной солнечной ладьи как символ нижнего мира — преисподней. В одной из могил 46-й династии, на фреске, изображающей ночное плавание солнца на его судне через преисподнюю, показано стоящее солнечное божество, обрамленное гигантской змеей. В других случаях змея изображена покоящейся на этом судне в вытянутом положении. Над ее головой находится крестобразный знак, символ жизни, Тау. Согласно надписям, сопровождающим этот рисунок, змея в лодке носит имя «сияющей змеи Хау». В текстах пирамид о ней говорится, что это великая змея, которая «схватывает небо и землю, та самая змея — земля, через которую в течение ночи проходит в своем пути солнечное божество и из пасти которой оно появляется утром на восточном горизонте». Она называется также «жизнь богов» или «жизнь земли», ее считают символом возрождения света. Близкие по характеру изображения змей в связи с лодками известны и на скандинавских петроглифах.²

Можно высказать, следовательно, предположение о том, что шишкинские рисунки лодок, — медный змей из Шиверы и лодкообразные каменные кладки глазковских и в особенности шиверских погребений — были вызваны одной и той же идеологией, одними и теми же представлениями о судьбе мертвых и загробном мире.

Судя по приведенным выше фактам, представления эти, возникнув впервые в условиях глазковского времени, достигают значительно большей стройности, оформляются в более четких и определенных контурах, складываются в законченную и сложную систему.

Не случайно далее, по-видимому, и отмеченное выше совпадение изображения чудовища на Шишкинских скалах с мифическим хищником древнего китайского искусства. Детальное изучение таежной культуры бронзового века Прибайкалья показывает, что в ней имеются и другие, еще более определенные следы связей не только с далеким западом, но и с Дальним Востоком. Сюда относятся в первую очередь характерные особенности формы и орнаменты тех бронзовых кельтов, о которых уже шла речь выше. Кельты эти отличаются своими удли-

¹ Г. Н. Потанин. 1) Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 148, 195, 207, 417, 438, 569, 671; 2) Очерки северо-западной Монголии, стр. 818, 819, 927.

² O. A l m g e n, ук. соч., стр. 73—76.

ценными пропорциями, прямоугольной формой и специфическим орнаментом из выпуклых, линейных полосок, образующих вписанные друг в друга треугольники и кружочки с точкой внутри. Сравнивая этот орнамент с орнаментом китайских кельтов иньского времени, нетрудно увидеть, что прибайкальские литейщики бронзового века почти целиком использовали поразившую их воображение китайскую орнаментальную схему. Они только лишь упростили ее и придали ей несравненно более схематический характер.

Следы культурных связей с далеким Китаем отчетливо видны в самом массовом археологическом материале — керамике. Рядом с обломками круглодонных сосудов местного типа на ангарских островах встречены фрагменты сосудов совершенно иного вида — с небольшим поддоном в виде широкого кольца. Совершенно одинаковые сосуды издавна, в том числе в эпоху бронзы, употреблялись древними китайцами, у которых они носили название *доу*.

Обычными для слоев бронзового века на ангарских островах являются, далее, обломки сосудов, наружная поверхность которых покрыта текстильными оттисками, соответствующими грубой ткани, с хорошо выраженными желобками вдавлений, расположенными вертикальными полосами, соответствующими веревочкам, из которых состояла основа ткани. Такая отделка поверхности сосудов встречается на фрагментах из плиточных могил Забайкалья, но еще характернее она для древней керамики Китая, начиная с культуры яншао, где она представлена, например, на типичных для нее триподах с боковыми ручками¹ и без ручек,² а также для высоких плоскодонных сосудов в виде ваз.³ Аналогичный характер имеет отделка наружной поверхности глиняных сосудов чжоуского времени, их «string» или «cord ornament» (веревочные и рогожные оттиски). На сосудах бронзового века с ангарских островов подобное оформление поверхности сосудов всегда сопровождается опоясывающими сосуда накладкими валиками, иногда волнисто-пряматыми пальцами, а в других случаях покрытых оттисками гребенчатого штампа. Такие же накладные валики в сочетании с текстильными оттисками характерны для древней керамики Китая, составляя ее специфическую черту.⁴ Таким образом, на Ангаре в I тысячелетии до н. э. имелись специфические для древнего Китая приемы изготовления глиняных сосудов и отделки их поверхности, такие же приемы и виды орнаментации и, наконец, одинаковые с древнекитайскими формы сосудов.

Следует полагать, что племя, обитавшее на Ангаре, выше устья р. Иркут, а также их современники и соседи на Лене в I тысячелетии до н. э. находились в тесном общении с племенами забайкальских степей, культура которых в свою очередь развивалась в условиях таких же связей с китайцами и их высокой земледельческой культурой.

К бронзовому и раннему железному векам можно отнести, далее, еще несколько писаниц на Шишкинских скалах. Сюда относится группа рисунков, выполненных такой же, как на описанных выше изображениях, краской, сохранившихся на одной из скал верхнего яруса. Они имеют вид как бы дисков, расширенных в верхней части и суживающихся книзу, где переходят в длинный, прямой стержень. Вверху над дисками имеются радиально расходящиеся полосы-лучи, будто изображающие перистую или лучистую корону (784).

Чтобы понять смысл описанных загадочных рисунков и датировать их, нужно вспомнить, что на фоне привозных степных вещей в Прибайкалье резко выделяются антропоморфные медные или бронзовые изображения человеческих лиц в виде дисков, увенчанных рогатой

¹ J. G. Andersson. 1) Prehistoric Sites in Honan. Bull. of the Mus. of Far. Eastern Antiq., № 19, 1947, табл. 1, рис. 3, 4; табл. 86, рис. 1, 2, 3; табл. 87, рис. 1, 2, 3; табл. 97, рис. 2; 2) Researches into Prehistory of the Chinese. Bull. of the Mus. of Far. Eastern Antiq., № 15, 1945, табл. 167, рис. 1—4.

² J. G. Andersson. Researches into Prehistory of the Chinese, табл. 1, рис. 2; табл. 2, рис. 2; J. G. Andersson. The Site of Chu Chia Chai, Hsi Ning Hsien, Kansu. Bull. of the Mus. of Far Eastern Antiq., № 17, 1945, рис. 32.

³ J. G. Andersson. The Site. . . , табл. 8, рис. 4; табл. 11, рис. 2; табл. 97, рис. 2.

⁴ J. G. Andersson. 1) Prehistoric Sites in Honan, табл. 5; табл. 8, рис. 4; табл. 21, рис. 2; табл. 36, рис. 2; табл. 88, рис. 1; табл. 100. 2) Researches into Prehistory of the Chinese, табл. 177, рис. 1.

или лучистой шаманской короной. Всего на территории Прибайкалья известно шесть таких изделий (рис. 42).

Наличие черешка, шеи и ушек по бокам сближает отмеченные изображения с фигурными «штандартами» степных племен Сибири и Центральной Азии.¹ Но в стилистическом отношении эти антропоморфные фигуры местного происхождения резко отличаются плоскостностью от объемных бронзовых скульптур, характерных для степного искусства. Эта черта таежных

Рис. 42. Бронзовое литое изображение головы антропоморфного существа. Река Илим.

«штандартов», являющихся, по-видимому, такими же знаками родовых объединений, как и шиверское изображение змея, сближает их с более древними образцами искусства таежных племен, с антропоморфными изображениями глазковского времени, с плоскими костяными фигурками из Усть-Уды, Нового Качуга, с «Братского камня», из Усть-Илги и с р. Куллаты в Якутии.

Отличает от степных литых изображений их также и наличие короны, такой же в принципе, как позднейшие шаманские короны эвенков, бурят и многих других народностей Сибири, завершенные железными рогами, похожими на рога лося или марала (изюбра).

Отсюда видно, что бронзовые идолы ангаро-илимской тайги изображают именно шаманов, которых в прошлом лесных племен принадлежало особо важное значение в общественной жизни.

Судя по этнографическим данным, в прошлом шаманы занимали исключительное положение как посредники между миром духов и людьми, как обладатели могущественной власти и защитники своего рода. От их деятельности «зависело» не только благополучие, но и само существование лесных людей. Согласно бурятским легендам, в древности шаманы руководили даже политической жизнью родов и племен, возглавляли боевые дружины и лично участвовали в войнах. Так было и у других племен.

Мифы енисейцев (кето) полны рассказов о делах

древних шаманов, в особенности же величайшего из них Доха, играющего в их эпосе роль культурного героя. В. И. Анучин сообщает, что енисейцы рассказывали ему, будто Дох создал самую землю, научил людей высекать огонь из камня. Ему, как писал В. И. Анучин, приписывается создание енисейского обычного права, правил философской и житейской мудрости. Во всех случаях, когда речь заходит о них, шаманы неизменно ссылаются на авторитет Доха.²

Металлические шаманские идолы и фигуры шаманов на писаницах могли быть изображениями именно таких обожествленных шаманов — предков, вождей, культурных героев и могучих защитников своего рода. Это могли быть, далее, изображения даже не конкретного земного шамана, а его духовного или небесного двойника, который часто мыслится в зооморфном или наполовину зверином облике, в виде человека с рогами оленя или лося, или просто зверя. Таковы *иньэкыыл*, т. е. «мать-зверь» якутских шаманов, *тавоки* тунгусских шаманов.

¹ А. П. Окладников. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. Сов. археология, X, 1948.

² В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сборн. МАЭ, т. II, вып. 2, 1944, стр. 7—8, 14, 40—41.

И в том, и в другом случае металлические шаманские идола могли быть своего рода знаменами, а вместе с тем талисманами определенного рода или племени — вместилищами духа — покровителя этого объединения.

Аналогичные штандарты были и у степных племен бронзового века; такое же значение имели позже «волчьи» знамена орхонских тюрков в виде золотой головы волка. Разница только в том, что в тайге знамена были не зооморфными, а изображали предка-шамана в рогатой короне.

В позднейшее время у сибирских племен уже не сохранилось подобных знамен-штандартов. Однако у кетов роль такого знамени играл шаманский жезл, снабженный колокольчиками и увенчанный изображениями птиц и человеческой головой. Он был в глазах кетов носителем «духовной силы» шамана.

Обобщая все сказанное о металлических антропоморфных изображениях с шаманскими коронами и отмеченных выше наскальных рисунках из Шишкино, можно сделать вывод, что в последних переданы в краске формы металлических ангаро-ленских шаманских идолов-предков или по крайней мере еще более стилизованные образы тех же самых антропоморфных существ, какие были изображены в этих металлических изделиях бронзового века и начала железного периода в Прибайкалье.

В заключение следует сказать, что замечательные рисунки бронзового века и начала эпохи железа рисуют в новом свете культуру лесных племен Восточной Сибири в это еще очень темное время их истории. Из них следует два важных общих вывода.

Первый вывод заключается в том, что в бронзовом и раннем веке продолжает развиваться и крепнуть патриархально-родовой строй лесных племен. Об этом свидетельствуют изображения бородатых шаманских духов-предков и их аналогии на шишкинских писаницах.

Второй вывод сводится к тому, что в это время усиливаются связи местных племен с востоком и западом. Бронзовый век в прибайкальской тайге, как и всюду, где возникает обработка меди и бронзы, был временем значительного расширения культурного обмена и роста культурных связей — иначе не распространялась бы среди отсталых прежде племен и сама металлургия меди и бронзы. В результате у прибайкальских таежных племен обогащается их культура, в том числе искусство, усложняются также и религиозные представления.

КУРЫКАНСКИЕ ПИСАНИЦЫ

Самую многочисленную группу наскальных рисунков в Шишкино составляют те изображения, которые уже получили в нашей литературе название курыканских писаниц. Так мы и будем их называть дальше для краткости.

Техника выполнения курыканских писаниц в Шишкино обычно всегда одна и та же. Для этого брали камень или другой какой-либо твердый предмет и терли им по гладкой поверхности песчаника, потемневшей от времени. В результате на темной плоскости скалы появлялось резко выделяющееся пятно. Иногда, но очень редко рисунок дополнительно оконтуривали неглубоким, тщательно вышлифованным желобком. Отмечаются также примеры нанесения рисунков тонкими резными штрихами, еле заметными на фоне скалы.

О принадлежности их именно курыканам свидетельствуют находки в курыканских поселениях, где обнаружены точно такие же рисунки на плитках песчаника, на альчикках, служивших для игры, а также и на керамике. Так, при обследовании курыканского городища на горе Манхай в Кудинской степи нам удалось обнаружить несколько десятков плит песчаника с вырезанными на них линейными изображениями лошадей, антропоморфных фигур и всадников (рис. 43—45). Плиты с изображениями находились вместе с другими плитами внутри оборонительного вала, опоясывающего городище, и составляли часть его основы. В том же Манхайском городище раскопками Е. Ф. Седякиной обнаружен бараний альчик, на котором вырезано миниатюрное изображение оленя с волнообразно изогнутыми рогами, заки-

нутыми на спину (рис. 46, 46 А). Все эти изображения аналогичны курыканским писаницам по стилю и содержанию. Второй, еще более интересный пример — находки на курыканском поселении в устье р. Унги, около г. Балаганска. Здесь был найден бараний альчик с четко вырезанной на нем буквой древнетюркского рунического алфавита «р» (*āp*), т. е. «человек», «мужчина». Там же оказалась великолепная костяная пластина, служившая, видимо, накладкой на колчан, покрытая тончайшим резным орнаментом (рис. 47). Унгинская пластина замечательна прежде всего тем, что на ней имеются изображения, напоминающие о самых популярных сюжетах искусства наскальных изображений курыканского времени. Внизу на ней изо-

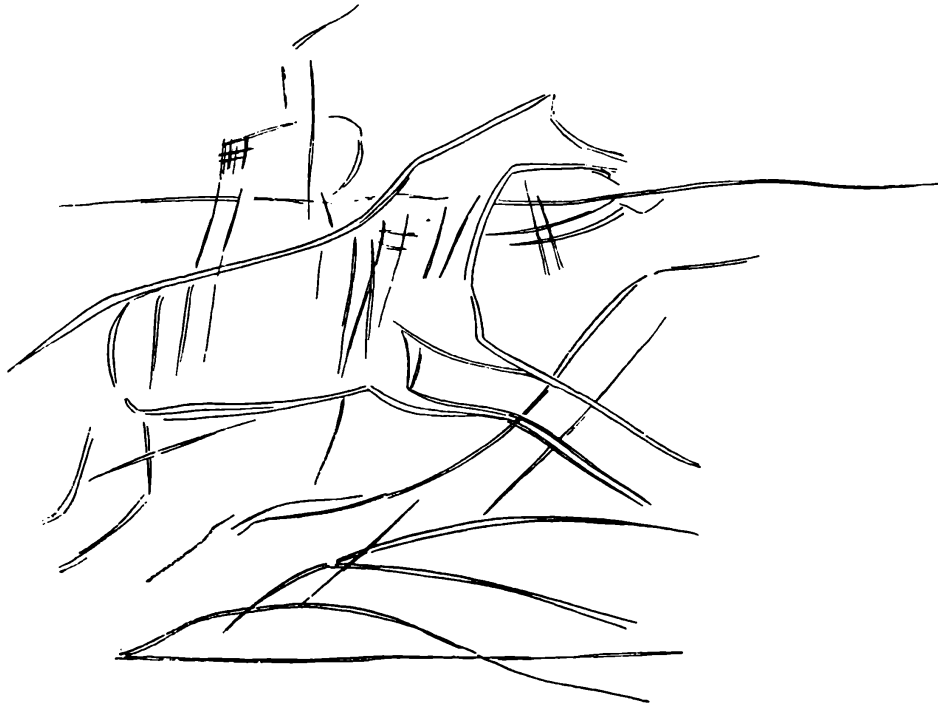

Рис. 43. Рисунок скачущей лошади на плите из вала Манхайского городища.

бражена реалистически очерченная фигура благородного оленя-марала, закинувшего на спину могучие, развилистые рога. А вокруг фигуры оленя рассеяны ромбовидные заштрихованные ромбы, очевидно условно изображающие деревья, т. е. густой лес, в темной глубине которого скрывается широкий красавец-олень. Такой же смысл, должно быть, имели и те загадочные ромбические фигуры, одинаково заштрихованные внутри, которые имеются среди писаниц на Шишкинских скалах. Среди многочисленных обломков глиняных сосудов на Унге оказался, далее, один черепок, на котором вырезана такая же, как на скалах, настоящая писаница. Здесь изображены два всадника, скачущих во весь опор друг на друга (рис. 48). По стилю и содержанию этот рисунок аналогичен обычным и наиболее распространенным рисункам в Шишкино.

Чтобы понять содержание курыканских наскальных рисунков, нужно иметь в виду общие сведения о курыканах и их культуре.

Курыканы в VI—X вв. н. э. были наиболее многочисленным и сильным народом Прибайкалья. Согласно китайским сведениям танского времени, гулигань «кочевали по северную сторону Байкала», «земли гулиганевы на север простирались до моря и от столицы (Танской

Рис. 44. Рисунки животных на плитах Манхайского городища.

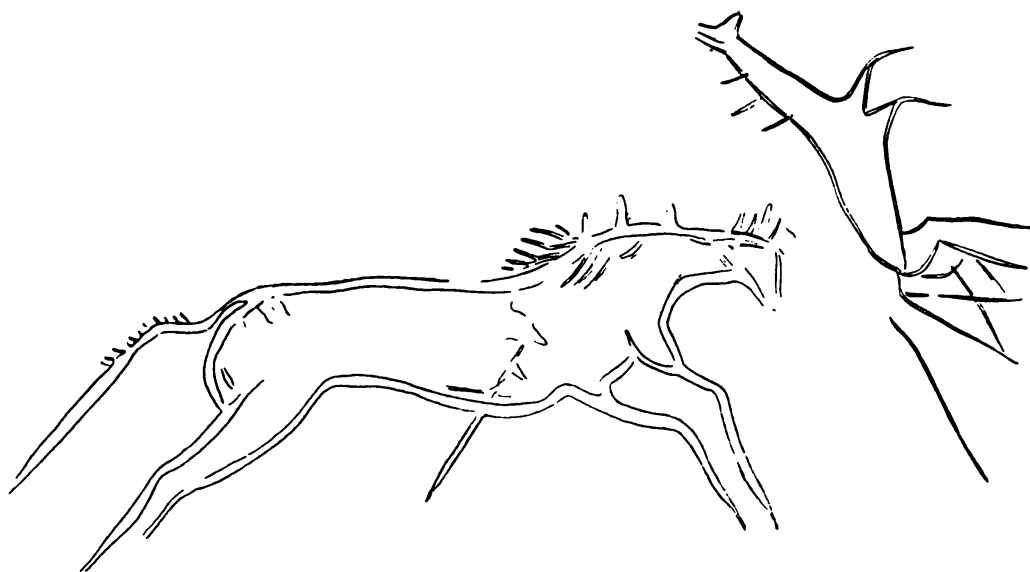

Рис. 45. Изображение двух лошадей на плите из вала Манхайского городища.

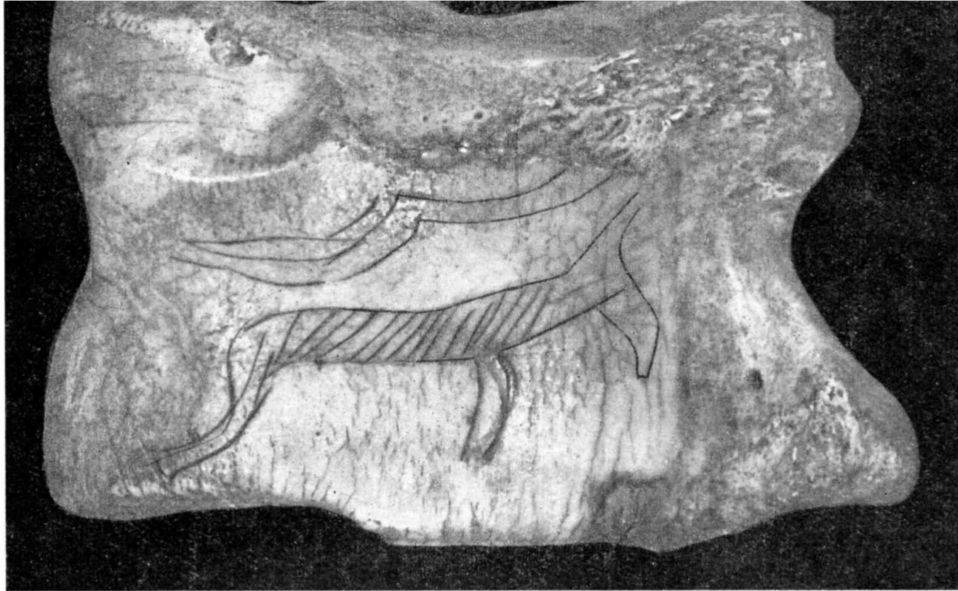

Рис. 46. Альчик из городища Манхай с изображением оленя. Увеличено.

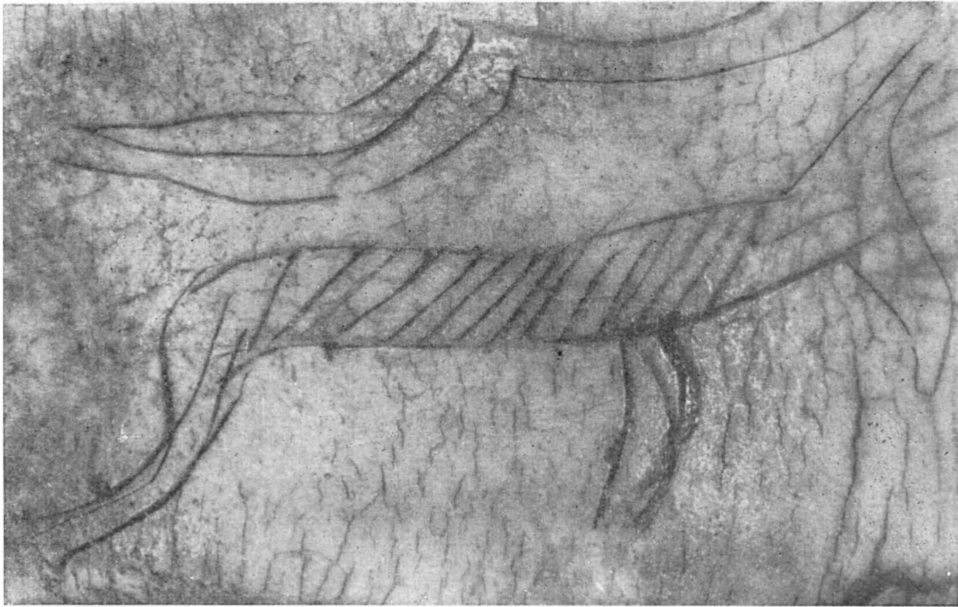

Рис. 46А. Альчик из городища Манхай с изображением оленя (деталь). Увеличено.

династии в Китае) чрезвычайно удалены». ¹ Китайские известия юаньского времени о стране курыканов и их соседей уточняются данными истории Танской династии, где говорится, что курыканы (кули) жили в «округе Англола», который носит имя от одной реки, а у жителей последней «язык существенно отличается от кыргызского. Это земля кули, о которых говорится в истории Тан». ² Река Англола, о которой сообщает танская история, несомненно является Ангарой.

Курыканы, по китайским данным, вместе с племенами юаньгэ, сеяньто, хун, сыге, хусе, хисы, ады, байси входили в число уйгурских племен гаогуй или хой-хэ, являвшихся, по словам танской летописи, потомками хуннов.

Основным занятием курыканов было скотоводство и в первую очередь разведение конного скота. Громкая слава курыканских лошадей достигла самой столицы Среднего государства. Страна гулиганей, писали китайцы, производила «превосходных лошадей, которые с головы похожи на верблюда, сильны, рослы; в день могут пробегать по несколько сот ли». ³ Представленные ко двору знаменитого императора — основателя династии Тан, Тайцзун, посольством 647 г. курыканские кони вызвали у него восхищение. Тайцзун, говорится в летописи, «принял, их всех вместе назвал „десять скакунов“ и каждому скакуну в отдельности дал славное имя», а затем посвятил им особую поэму. ⁴ В новой танской истории перечислены все эти «прекрасные имена» курыканских лошадей: «1) парящий, белый, как иней; 2) пегий, блестящий, как снег; 3) пегий, как застывшая роса; 4) пегий, как висящий свет; 5) прекрасный, как конь, разрезающий волну; 6) желтый конь с черной мордой, как текучее золото; 8) темно-красный, как реющий цилиндр; 9) красный, как убегающая радуга».

Рис. 48. Сцена боя двух всадников, вырезанная на черепке сосуда из Унгинского городища.

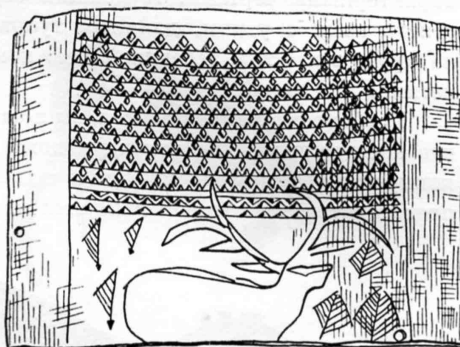
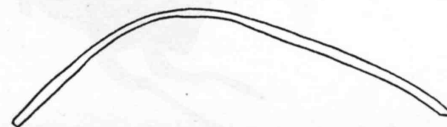

Рис. 47. Костяная пластинка от колчана с изображением оленя. Унгинское городище.

Писаницы наглядно подтверждают слова китайской летописи о той страсти, с которой курыканы разводили лошадей. Первая и самая характерная их особенность —

¹ И. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М., 1851, стр. 440.

² W. Schott. Über die ächten Kirgisen. Abh. d. Königl. Akad. d. Wissen. zu Berlin, 1864, стр. 436.

³ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Якутии и соседних районов. (Перевод с китайского текста с необходимыми примечаниями и литературными указаниями). Л., 1946, стр. 16 (Архив НИЯЛИ АН СССР)

обилие или, вернее, абсолютное преобладание изображений лошадей и всадников (рис. 49). При этом, кони шишкинских писаниц имеют особенный, своеобразный облик, свидетельствующий о том, что перед глазами древнего художника находилась определенная модель с резко очерченными характерными чертами. Художник стремился передать черты особой породы лошадей: высокого коня с узким, длинным туловищем, с маленькой, горбоносой головой, посаженной на круто выгнутой, лебединой шее; коня с сильной, мускулистой грудью и тонкими, сухими ногами.

Горбоносые маленькие головы лошадей на писаницах подтверждают слова китайцев о том, что кони курыканов с головы похожи на верблюдов, а общий вид их фигуры соответствует конкретному типу современных лошадей. Это лошадь южного типа, «горячей крови», лучшими представителями которой являются ахал-текинские кони.

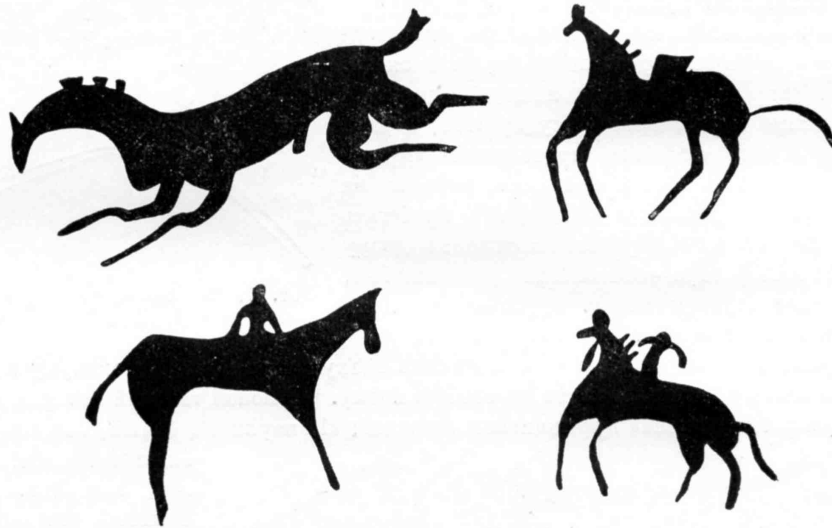

Рис. 49. Курыканские рисунки лошадей и всадников.

Наскальные изображения в долине Лены показывают, что эти лучшие представители среднеазиатских конских пород давно проникли на север. Они оказались здесь так давно и так далеко, как нельзя было и предполагать, — в долине р. Лены, у древних курыканов.

Видное место в хозяйственной жизни курыканов занимал, судя по писаницам, также и двугорбый верблюд, самый типичный представитель степей и пустынь Внутренней Азии, а вместе с тем неотъемлемое достояние скотоводческой культуры степных кочевников, с которыми, очевидно, жители Прибайкалья имели в это время довольно постоянное общение. Фигура верблюда изображена столь же живо и тщательно, как и фигуры лошадей (535, 536). Но верблюд на Шишкинских скалах изображен только три раза и при этом в двух случаях как часть одной и той же композиции, изображающей всадников (рис. 50). Лошадь и здесь, в этой композиции, занимает господствующее место. Особая роль лошади в жизни, искусстве и мировоззрении курыканов выступает на писаницах тем рельефнее, что в собственно курыканских наскальных изображениях нет рисунков овец и быков, хотя кости крупного и мелкого рогатого скота в поселениях встречаются в большом количестве. Интересно отметить поэтому, что в древней шаманской религии якутов конный скот был связан с культом светлых небесных богов, а рогатый скот находился в связи с культом богов преисподней, олицетворявших злое начало вселенной.

Из других домашних животных на писаницах в сценах охоты встречаются рисунки собаки, должно быть типа лайки.

Из хищников на писаницах представлены единичные рисунки волка и как будто лисы.

Как у всех скотоводческих народов, наряду со скотоводством немаловажное значение в хозяйстве курыканов должна была иметь охота на диких животных. Кости козули и лося довольно часто, хотя и гораздо реже, чем кости домашних животных, встречаются на стоянках и горо-

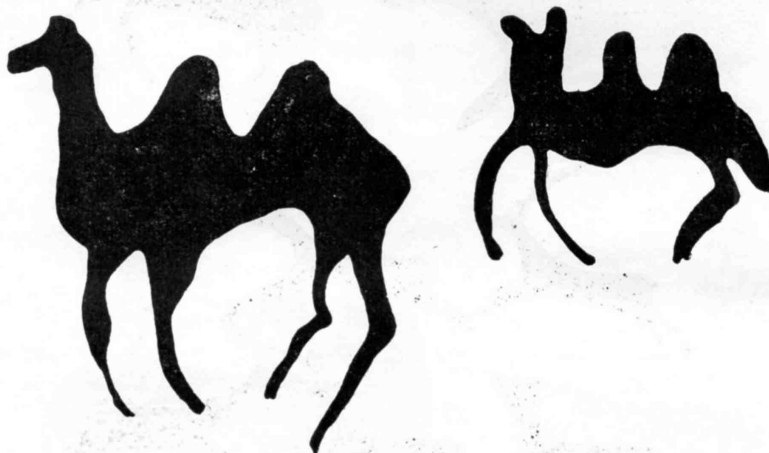

Рис. 50. Курьканские изображения верблюдов.

дищах. Большое место в жизни людей, оставивших эти рисунки, принадлежало охоте. Курьканы часто и очень искусно изображали на своих писаницах фигуры диких животных: лосей, козуль, благородных оленей-маралов. Многие из выполненных ими рисунков животных по реалистической точности и живости не уступают рисункам более раннего времени (рис. 51, 52).

На некоторых рисунках, кроме копытных животных и хищников, изображены были птицы, по-видимому водоплавающие, скорее всего гуси, а может быть и лебеди. Изображения эти имеют групповой характер (рис. 53). Перед нами как бы своего рода беглые зарисовки с натуры, изображающие целые группы птиц, как бы стаю уставших после перелета гусей, остановившихся щипать свежую траву на зеленом лугу. Нужно думать, судя по этим рисункам, что курьканы охотились весной на пролетающих птиц.

Из охотничьих сцен на писаницах встречаются обычно сцены охоты на лося и оленя-марала (рис. 54). Мы видим, например, как охотник стреляет в зверя из лука. На других писаницах наблюдаются сцены, изображающие массовую, облавную охоту. Один такой рисунок состоит из трех фигур сильно стилизованных зверей, изображающих, вероятно, кабанов, бегущих в одном направлении. Сзади их преследует конный загонщик, а спереди, навстречу кабанам скачет второй охотник: облова показана здесь, таким образом, условно, сбоку, с размещением фигур по одной линии. Есть также и другие многофигурные композиции, рисующие охотника на коне, с луком в руках, и стадо бегущих от него козуль.

Как уже отмечено выше, судя по наскальным рисункам, в охоте участвовали охотничьи собаки.

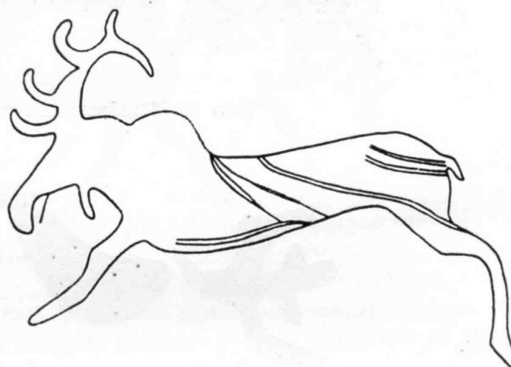

Рис. 51. Изображение марала.

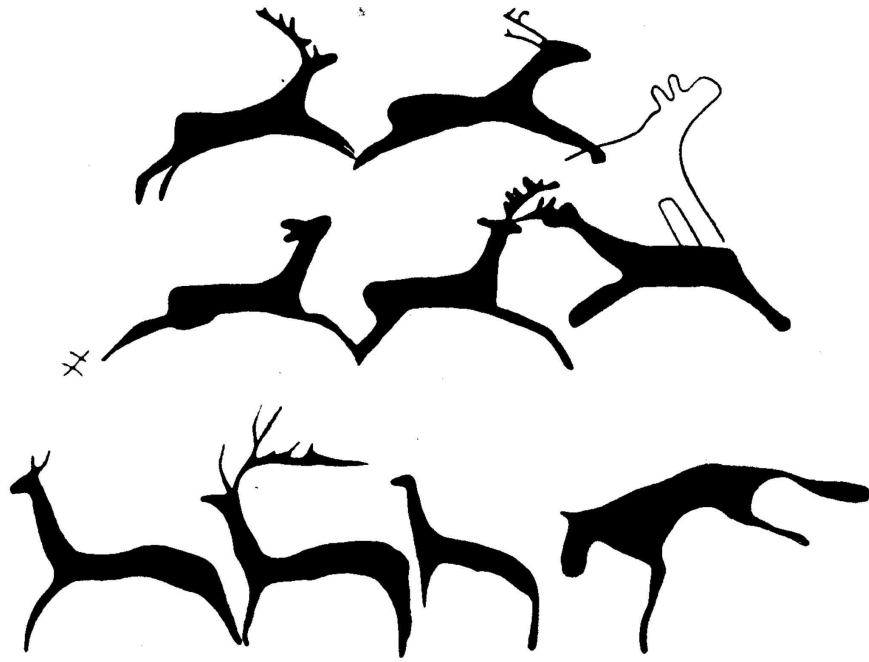

Рис. 52. Изображения лосей, козуй, волка. Шишкино.

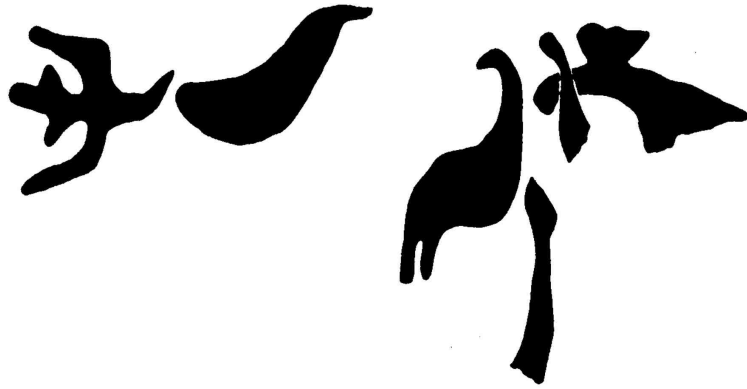

Рис. 53. Изображения птиц.

Несколько необычна сцена охоты, изображающая конного охотника, который мчится за лосем с арканом в руке. Сейчас в этих местах такой способ охоты вообще неизвестен. Ф. Я. Кон, однако, упоминает об охоте на волков у сойотов танну-тувинцев с лассо или арканом.¹ В древности так охотились на онагров иранцы. На одном блюде или чаше с изображением царя Шапура III (309—379) царь ловит онагра арканом.² Аркан широко применяли не только на охоте,

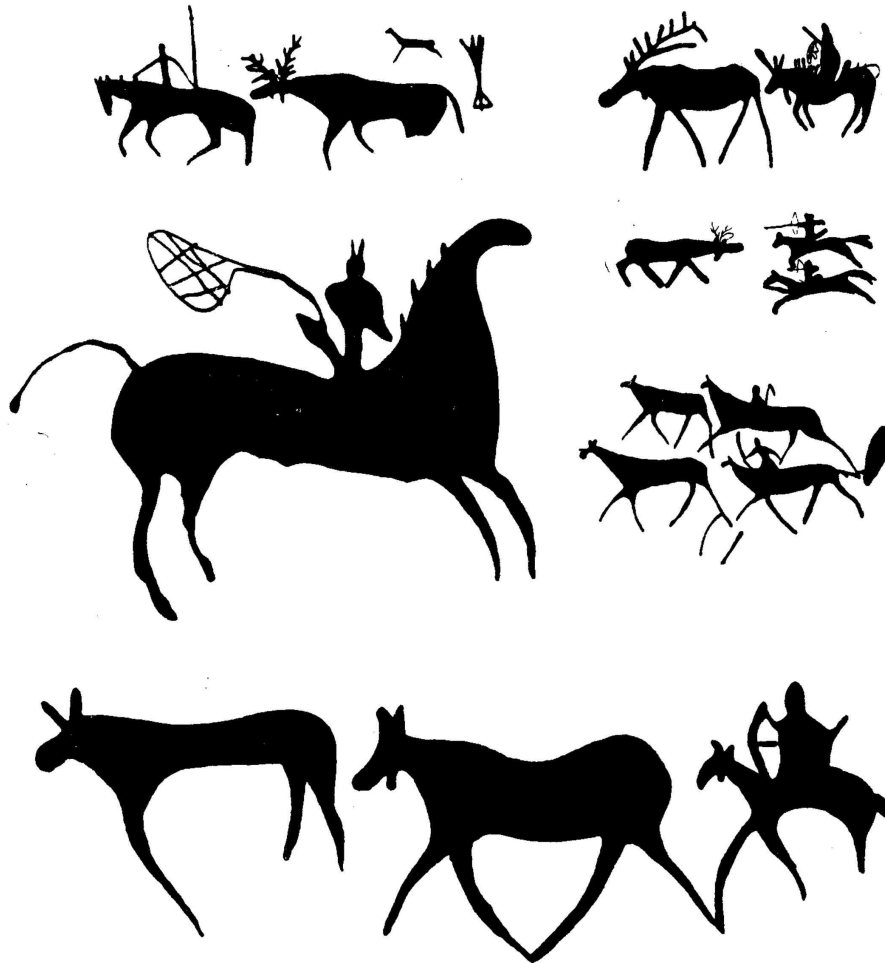

Рис. 54. Охотничьи сцены.

но и на войне, подобно различным степным племенам, и древние дунайские болгары.³ Использование в таких случаях аркана несомненно тесно связано здесь с образом жизни и скотоводческим хозяйством степных племен, у которых аркан является необходимым средством ловли лошадей в табунах.⁴ То же самое следует, очевидно, сказать и о курыканах.

¹ Феликс К о н. Экспедиция в Сойотию. М.—Л., 1934.

² И. А. О р б е л и, К. В. Т р е в е р. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. XXXII.

³ Материалы для болгарских древностей Абоба-Плияска. Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, стр. 284.

⁴ «Калмык, аркан которого состоит просто из веревки с петлю, подъезжает к табуну, высматривает лошадь и в один миг накидывает на нее аркан. У киргиза аркан (укрюк) состоит из длинного (сажень двух) шеста с незатягивающейся петлей; облюбовав лошадь, выбивает он ее из табуна и старается накинуть петлю» (Н. Х а р у з и н. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнографический очерк, том первый. М., 1889, стр. 12).

На одном рисунке вместо обычной петли аркана изображено что-то вроде сети, пересеченной внутри косыми линиями в шахматную сетку. Может быть, художник хотел изобразить даже не аркан, а сеть. Так вооружены были гунны, по сообщениям европейских писателей: «В одной руке они держали саблю, а в другой сеть, чтобы опутывать ею врага».¹

Этим ограничивается все, в чем можно видеть прямое отражение хозяйственной жизни в курьканских писаницах. Значительно полнее шишкинские рисунки раскрывают другие важные черты жизни древних курьканов. По ним можно представить, например, общий характер их одежды.

Всадники шишкинских писаниц курьканской группы обыкновенно изображаются без головного убора, с круглой или овальной головой. Но иногда на голове всадников бывает виден узкий остроконечный выступ или имеются как будто перья или хвосты, свисающие назад. Это могли быть в некоторых случаях и на самом деле перья. По словам Б. Я. Владимирцова, «царевичи чингис-ханиды сохраняли в первой половине рассматриваемого периода (средний период — XIV—XVII вв., время расцвета феодализма, — А. О.) старинный обычай носить головные уборы с перьями (ögbelge)», а знать, сайды, «носили otaga, т. е. длинное перо на задней части головного убора».²

Возможно, что в других случаях на головном уборе курьканов находились кисти или целые пушистые хвосты животных. Так, дэрбэты в конце XIX в. носили в качестве национального головного убора меховые шапки с верхом из материи. Меховая обшивка этих шапок кончается «двумя длинными концами, между которыми укрепляются две ленты».³ Такие же ленты-кисти отмечаются на шапках халхасских монголов: под шелковой шишкой наверху шапки, «джинсой», «подвешивается иногда цалга, аграмант, от которого падают три шелковые, длиною до фута кисти».⁴

Всадники изображались, по-видимому, в costume, напоминающем узкий кафтан, туго перехваченный поясом в талии. Изредка наблюдаются фигуры всадников, покрытые перекрещивающимися, косыми штрихами, напоминающими ромбическую сетку. Так изображалась, вероятно, кольчуга или вообще панцирь. На одном, лучшем по выполнению таком рисунке изображены широкие штаны, тоже исчерченные косыми штрихами. Руки всадников свисают по бокам фигуры и суживаются книзу. Ноги, как правило, не изображаются. Лошадь и всадники поэтому представляют как бы одно целое, нечто вроде кентавра.

Наряду с изображениями всадников встречаются также рисунки пеших людей, которые по стилистическим чертам и технике входят в эту группу писаниц (рис. 55, 56). В одном случае это воины в узких кафтанах и как будто высоких сапогах или унтах. В других случаях изображены группы людей, стоящих фронтально, в ряд. Все они одеты в одинаковые по покрою платья, напоминающие длиннополый, до самых пят халат или шубу с перехватом в талии и длинными, суживающимися внизу рукавами. На головах этих людей имеются высокие шапки. Шапки заканчиваются иногда округлой верхушкой, но чаще всего их верхушка бывает заостренной и согнутой вбок наподобие древнерусского шляка. Иногда же на головном уборе видны как будто перья или хвосты, свисающие сбоку и вниз.

На ногах иногда видна обувь в виде невысоких сапог.

Покрой одежды, характерный для человеческих фигур на писаницах шишкинского стиля, полностью совпадает с покроем одежды турецких племен, по характеристике С. И. Руденко. «Покрой турецкой одежды, — говорит он, — крайне прост и характерен для них. Конные кочевники-турки издревле носили длинную, распашную, с разрезом спереди, плечевую

¹ В. В. Р а д л о в. К вопросу об уйгурах. Изв. Акад. наук, т. 72, кн. 1, 1893, стр. 105.

² Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 182, прим. 8.

³ Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Поездка к кобдосским дэрбэтам летом 1908 г. Изв. Импер. русского геогр. общ., т. XLVI, 1910, вып. VIII—X, СПб., 1911, стр. 347.

⁴ Г. Н. П о т а н и н. Очерки северо-западной Монголии, вып. II. СПб., 1881, стр. 103.

одежду, широкие шаровары, мягкую, короткую обувь и глубокие с отворотами или широкие шапки.

«Длинные, двуполые кафтаны с длинными, но узкими рукавами, длинные, широкие меховые шубы — типичная для турков плечевая одежда. Типична она и для женщин в той же мере, как и для мужчин».¹ Таков же в общем и характер одежды на писаницах шишкинского типа. Но есть также изображения людей, особенно пеших воинов, стреляющих из лука, одетых иначе: в короткий кафтан или куртку, широкую внизу. Кафтан этот напоминает старинный якутский *сон*, такой же короткий и вместе с тем широкий внизу.

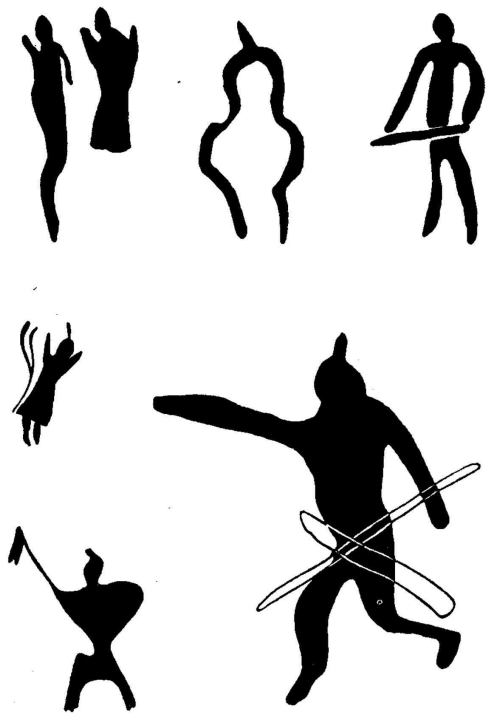

Рис. 55. Изображения людей.

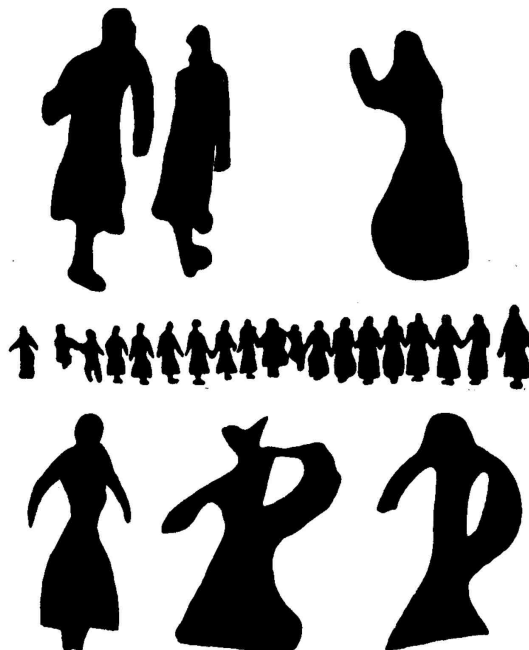

Рис. 56. Изображения людей.

Не менее интересны те детали писаниц, которые относятся к убранству лошадей. Значение этого убранства станет ясным, если вспомнить, какое важное место принадлежало на протяжении тысячелетий лошади и всему с ней связанному в жизни скотоводческих племен Азии. Первая такая деталь — султан на голове лошадей и подшейная кисть.

Лошади писаниц имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник в виде султана из перьев или волос. С узды свисает столь же пышная подшейная кисть или науз. В некоторых случаях подобные кисти видны и под брюхом коня, спускаясь с седла или чепрака. Такой пышный конский убор хорошо известен и по одновременным археологическим памятникам иного рода — металлическим плоским фигуркам из Минусинского края² и Забайкалья. На фигурке, найденной в долине р. Чикоя, «конь украшен красивой сбруей: на нем одета узда,

¹ С. И. Руденко. Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен. Первый всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926, стр. 62.

² В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 68, табл. XVI, рис. 14.

снабженная подшейной кистью и налобным султаном. Подшейная кисть — характерное украшение для праздничного центральноазиатского убранства».¹

Образцы подобных украшений обнаружены также в могильниках данного времени, например в Салтовском могильнике.²

Султаны с подшейными кистями были широко распространены у кочевников и позже, вплоть до этнографической современности.³ Они имели, как справедливо указывал В. В. Стасов, магический характер, будучи талисманами-оберегами, но вместе с тем означали и выдающееся общественное положение их владельцев. По мнению М. П. Ростовцева, на античных росписях керченских склепов «размерами кисти или самой кистью обозначался высокий ранг изображаемого лица».⁴ Такое предположение подтверждается для более позднего времени сведениями об употреблении подшейных кистей у сельджуков в качестве отличительного знака особо отличившихся знатных воинов. Бахадур и алпы, проявившие себя на войне подвигами, уничтожившие неприятельские отряды, награждались султаном. К шее лошади подвязывали *ку-тас* — хвост яка, вделанный в золотое украшение. Так алпы выделялись среди рядовых воинов.⁵

Другая характерная черта курыканских писаниц в Шишкино — знамена (рис. 57). Она имеет прямое отношение к социальной жизни курыканов. Знамена изображены в виде четырехугольников, почти квадратов, перпендикулярно прикрепленных на конце длинного, прямого древка. Сбоку от них отходят три поперечные линии, вероятно изображающие три хвоста знамени, которые должны были развеяться по воздуху. Знамена несомненно были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей рисунка, был относительно небольшим, не более метра.

Такие же знамена, по словам китайцев, имели соседи курыканов — енисейские кыргызы, а также другие азиатские народы того времени.⁶ До нас дошли и подлинные рисунки кыргызских знамен того времени. На Соляной горе в Сулеке (к западу от Батеней на Енисее, выше Красноярска) сохранилось выгравированное на камне изображение конного воина в кольчуге и шлеме с длинным копьём, на конце которого видно прямоугольное знамя с двумя хвостиками.⁷

Одинаковым было, конечно, и значение курыканских знамен. У всех азиатских народов знамя окружалось религиозным ореолом, пользовалось культовым почитанием. Ему приносили жертвы как молоком или кумысом, так и кровавые.

Культом знамени имел основания в том, что оно мыслилось как талисман, в котором обитает дух — покровитель племени, находится могущественная сила, от которой «зависит» не только тот или иной военный успех, но и самое существование данного племени. Знамя имело значение священного талисмана, «фетиша» племенного объединения, вокруг которого концентрировались все члены данного племени.

По словам Д. Банзарова, «монголы приписывают особе царя нечто божественное, какое-то особенное могущество, которое невидимо хранит его подданных, и это качество называется *суддэ*. Материальным воплощением монгольского *суддэ* служило царское знамя, прежде всего знамя самого основателя правящей в империи династии Чингиса, состоявшее из девяти бунчуков, так называемых *суддэ*».⁸

¹ П. С. М и х н о, Б. Э. П е т р и. Чикойский всадник. Труды Секции археологии РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 225.

² В. А. Б а б е н к о. Памятники хазарской культуры на юге России. Труды XV археолог. съезда в Новгороде 1911 г., т. 1, М., 1914, стр. 472, 474, 545.

³ В. В. С т а с о в. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. Отчет Археолог. комиссии за 1872 г., СПб., 1873, стр. 30.

⁴ М. И. Р о с т о в ц е в. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (текст), стр. 310.

⁵ В. А. Г о р д л е в с к и й. Государство сельджукидов. М.—Л., 1941, стр. 153.

⁶ Н. Я. Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 445.

⁷ И. Т. С а в е н к о в. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, табл. VIII, рис. XVI, 4.

⁸ Д. Б а н з а р о в. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1891, стр. 29.

Естественно поэтому, что знамя должно было быть атрибутом вождей и у курыканов. Мы знаем из китайских источников, как назывались вожди курыканов. Их звали сыгинями, т. е. так же, как именовались вожди других уйгурских племен или поколений.

Для характеристики социального строя курыканов не менее интересны рисунки людей, одетых в длинные одежды и держащих в руках нечто вроде жезлов и булав.

Сходные фигуры известны и на кыргызских писаницах Минусинского края. Там они похожи на жрецов, манихейских или несторианских священников.¹ Может быть, такое же значение имели и эти изображения Шишкинских скал. Вообще же наскальные рисунки Шишкинских скал могут дать немало интересного для понимания религии курыканов. На первом месте в нем стоит, по-видимому, почитание мертвых вождей, предков и родоначальников, которые и изображались на скалах.

К курыканскому времени, по-видимому, относится и единственная в своем роде писаница, изображающая как бы две личины или маски под широкими крыльями или медвежьими лапами (138). Эти личины с узкими, миндалевидными прорезями для глаз и рта живо напоминают позднейшие шаманские маски и маски для мертвых, которые употреблялись в средние века киданями (ляосцами), при похоронах их знатных людей.

В сочетании с писаницами в Шишкино встречены буквенные надписи орхоно-енисейского типа. Это еще один важный штрих в обрисовке культурного уровня курыканов. Следует попутно заметить, что такие надписи имеются и на бытовых предметах в виде пряслиц. Одна из надписей, оказавшихся на роликах для веретена, означает просто: «ролик веретена», «пряслице». На другом ролике, возможно, написано имя его хозяина.

Наличие надписей на таких обыденных, как ролики для веретен, вещах, указывает, по-видимому, на довольно широкое уже знакомство курыканов с письменностью или во всяком случае на внимание и уважение к ней.

¹ С. Г. Кляшторный полагает, что минусинские рисунки «жрецов» должны изображать не манихейских, как думает Мэнчен-Хэльфен, а несторианских священников (доклад С. Г. Кляшторного на заседании Тюрко-

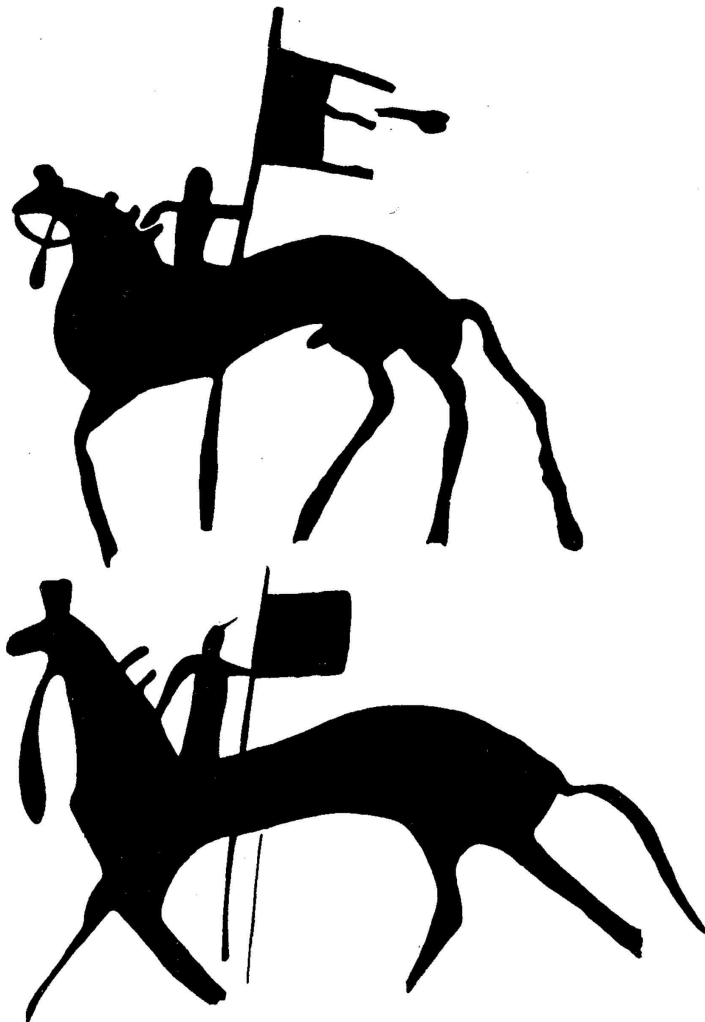

Рис. 57. Всадники со знаменами.

Можно предполагать, что у курыканов на Ангаре и Лене более или менее грамотные люди встречались, должно быть, не только лишь среди одних знатных людей. Это зависело, очевидно, от структуры рунического алфавита, хорошо соответствовавшего характеру речи, от немногочисленности его знаков и от простоты их графической формы, легкой для запоминания и для воспроизведения на любом предмете самыми примитивными средствами, начиная с неразлучного спутника древних охотников и воинов — ножа.

Занимая наиболее видное место среди северных племен, курыканы играли также достаточно видную роль в больших политических событиях того времени, в первую очередь в борьбе между Китаем и орхонскими тюрками. Так, известно, что курыканы издавна находились в дружбе с Китаем.

Несмотря на отдаленность своей страны от Китая, они неоднократно посылали в столицу Китая посольства. Посольства эти упоминаются в 629 г., когда представители одиннадцати поколений подчинились Китаю и просили «установить у них чины дома Тан». В результате было создано тринадцать областей, во главе которых остались прежние старейшины, но с военными китайскими титулами. Владения курыканов получили при этом название Сюань-Кюе-Чжеу.¹ Второй раз посольство курыкан в Китай отмечается под 647 г., в 21-й год правления чжэнгуань Танской династии, летом в пятую луну, когда их представители прибыли совместно с послами племени дубо (туба), обитавшего в Саянах. В летописи Танской династии особо отмечено, что посланника курыканов приняли в столице Китая «с честью». Прибытие курыканов к императорскому двору вызвало затем ответное посольство из Китая: «Как скоро гулиганцы приехали ко двору, то указано отправить военного сановника Кхан-Суми с благодарным ответом».²

Спустя пятнадцать лет после прибытия посольства 647 г. в Китай в стране курыканов произошла значительная перемена. Как говорит танская летопись, «в правление Лун-шо (662) округ Сюань-Кюе переименован в Юйву и подчинен Байкальскому (ханьхайскому) наместническому правлению». В Вян-сянь-тун-као и Юань-цзянь-лай-хань об этом событии сказано, что император, «изменив Юаньцючжоу» (т. е. Сюань-Кюе), «учредил Сюй-у-чжоу» (Юйву), подчинив Хань-хай-дудуфу». Эта перемена означала, очевидно, меньшую самостоятельность курыканов, которые подчинялись теперь уже не прямо китайскому правительству, а его ханьхайскому наместнику. В летописи по этому случаю сказано: «Почти все северные инородцы были подчинены». Это не мешало им, разумеется, являться в Китай посольствами.

В Вян-сянь-тун-као, кроме первых двух, упоминается еще и третье посольство курыканов в самом конце VII в. к китайскому двору: «В годы Яньцзай (694—695 гг.) также явились ко двору».³ Это последнее посольство состоялось уже после вторжения в Китай тюркского хана Капаган-кагана, Мочжо, когда он ограбил округ Линьчжоу (695—696 гг.) и взял инициативу в свои руки, чтобы усилить борьбу с Китаем и подавить сопротивление северных телеских племен. В результате, как известно, часть последних вынуждена была бежать к границам Китая, но самые северные из них, вероятно, могли иметь более надежное убежище в своих горах и лесах Прибайкалья. Во всяком случае в летописи сказано, что через Великую песчаную степь на юг ушли только четыре поколения: ойхор, киби, сиге и хунь (хун).

Больше посольств от курыканов в Китай уже не отмечается.

Иначе складывались отношения курыканов с родственными им по языку и культуре орхонскими тюрками. Правда, на первых порах курыканы были с ними в дружбе. Из надписей на надгробных памятниках тюркских властителей, правивших в долине Орхона, известно, что послы курыканов в числе представителей других народов явились на погребальное торжество

монгольского кабинета ИВАН 15 декабря 1958 г.). Доводы приведенные С. Г. Кляшторным можно усилить ссылкой на изображение престола, на котором стоит чаша—потир. Это изображение имеется на том же камне в Минусинских степях, где изображены священники в мантиях.

¹ Н. Я. Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 376 (под 630 г.).

² Там же, стр. 378.

³ Н. В. К ю н е р, ук. соч., стр. 16.

в честь родоначальника орхонских ханов Бумын-кагана, чтобы выразить соболезнование своего народа по поводу его смерти. Это событие относится к 552 или 553 г. н. э. и является первой точно засвидетельствованной исторической датой, относящейся к истории курыканов.

Но позднее курыканы принимают активное участие на стороне уйгурских племен и огузов в борьбе с орхонскими тюрками. Как известно из китайских источников, уйгуры стали наиболее упорными врагами орхонских тюрок после того, как Ильтэрэс-каган, или Кутлуг, восставший в конце VII в. тюркское государство на Орхоне, напал на них, «ограничил 9 родов» и, «разбогатев лошадьми, объявил себя ханом».

В числе врагов Кутлуга, с которыми он боролся, рядом с кыргызами и отуз-татарами упоминаются и курыканы.

Селенгинские огузы, находившиеся в тесной связи с остальными уйгурами, продолжали упорную борьбу с орхонскими тюрками и в последующее время, при воинственном Мочжо, или Капаган-кагане, павшем в 716 г. н. э., во время похода против восставших северных племен байегу. При восшествии же на ханский трон Бильге-хана северные племена не пожелали подчиниться и ему, вследствие чего последний в 717 г. вновь пошел по Селенге против огузов и уйгуров. Вполне вероятно, что и в этой борьбе по-прежнему участвовали прибайкальские уйгуры-курыканы. Упорная борьба курыканов и их союзников с орхонскими тюрками объясняется, надо думать, стремлением орхонских каганов подчинить себе другие племена. Сопrotивляясь властной и жестокой аристократии своих степных соседей, курыканы отстаивали свою независимость и свободу. И столь же естественно они стали союзниками Китая, самого могущественного врага орхонских тюрок.

Международные связи курыканов, их политические и культурные отношения с другими народами тоже нашли отражение в их писаницах. Наряду с определенными самобытными чертами и сюжетами (например, сцены охоты на лося) в искусстве курыканов есть много общего с искусством не только других тюркских племен древности, но и более далеких высококультурных народов. Шишкинские писаницы наглядно показывают, что оказавшиеся далеко на севере от других родственных им степных племен и тем более от больших мировых центров культуры того времени курыканы вовсе не были полностью изолированы от них. При этом обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что среди многочисленных наскальных изображений Монголии и даже Забайкалья нет ни одного рисунка, одинакового или сходного с курыканскими писаницами Ангары и Лены. Это может быть объяснено письменными историческими документами, рассказывающими о вражде между курыканами и орхонскими тюрками. Курыканы находились как мы уже видели, в числе самых упорных врагов орхонских ханов. Естественно, что мы не видим в их искусстве признаков культурных связей и культурной общности. Совершенно иная картина встает перед нами, если мы перейдем с востока на запад.

Шишкинские писаницы по стилю и содержанию очень близки прежде всего к кыргызским писаницам Енисея и к искусству алтайских тюрок VI—IX вв. н. э. И здесь, и там передаются одни и те же образы воинственных всадников со штандартами, луками и саадаками, те же верблюды и кони. На отвесных плоскостях ленских и енисейских скал одинаково развертываются охотничьи сцены, эпизоды боевых столкновений и военных действий, своего рода фрагменты эпоса, созданного воинственными племенами конников-скотоводов далекого прошлого.

Сходство между ними обнаруживается не только в общих чертах, но и в некоторых мелких специфических деталях. Из числа таких деталей можно отметить, например, резной линейный рисунок в виде двойной спирали на одной из Шишкинских скал. Точно такой рисунок имеется на берестяном туяске из могилы № 1 девятого кургана Уйбатского чаатаса, где рядом с двойной спиралью, которая переходит в третий завиток, изображены верблюд и стилизованное лицо человека, а может быть маска-личина.¹

¹ Л. А. Е в т ю х о в а. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1848, стр. 22, рис. 24; С. В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LIII, рис. 10.

Другой пример совпадения ленских и енисейских писаниц представляют рисунки, изображающие борющихся людей; такие сцены с борцами есть на скалах у Никольского ручья и на скале горы Аргоа, в 8 км к западу от улуса Подкамень на Енисее.¹ Люди с жезлами, столь характерные для шишкинских писаниц, могут быть в свою очередь сближены с изображениями жрецов в мантиях, высоких головных уборов и с жезлами, в том числе в виде кадуцея, которые имеются на скалах той же горы Аргоа и на могильных камнях около улуса Подкамень.²

Совпадают и различные мелкие, но от этого еще более выразительные детали антропоморфных фигур Шишкинских и Енисейских скал. Выше уже упоминались перья или хвосты на головных уборах курыканских всадников и пеших фигур. Такие же перья или хвосты встречаются на головных уборах кыргызских всадников, изображенных на скалах в бассейне р. Енисея выше Красноярска. Л. А. Евтюхова пишет о них: «Интересна еще одна подробность в облике кыргызов наскальных рисунков, встречающаяся почти у всех конных и пеших фигур. Это головной убор, трактованный в виде спадающих на плечи или на спину каких-то развивающихся мягких линий. По всей вероятности, так изображены шапки с пришитыми на макушке пушистыми звериными хвостами, которые и теперь носят жители Алтая. Иногда вместо хвостов они пришивают длинные кисти из цветной тесьмы, тоже ниспадающие до самых плеч».³

На Шишкинских скалах оказался даже рисунок всадника, который не только аналогичен кыргызским рисункам на Енисее по технике и стилю, но и явно изображает кыргыза. Может быть, даже этого кыргызского всадника на камне I Шишкинских скал изобразила рука кыргызского же художника, волей судьбы оказавшегося на Лене.

Наскальные рисунки Верхней Лены и Минусинской котловины иногда кажутся даже перенесенными на камень непосредственно с металлических изделий, с золотых и серебряных сосудов, с чепраков, остатки которых найдены в могилах кыргызских воинов-аристократов на Енисее, или с костяной луки из могильника Кудыргэ на Алтае, покрытой тончайшей резьбой. На всех этих вещах изображены одни и те же всадники на быстроногих лошадях в стремительном легучем галоце, такие же сцены охоты и испуганная дичь, которую охотники поражают на всем скаку стрелами из своих коротких, до предела натянутых луков.⁴

Если проследживать черты, объединяющие искусство курыканов с искусством других народов, далее на запад, то нетрудно обнаружить такое же сходство в художественном творчестве Ирана и Средней Азии. Так, например, те же в основе сюжеты охоты и парадного выезда всадников мы видим и на парадных блюдах древнего Хорезма и сасанидского Ирана, где изображается охота царя.

В связи с этим следует отметить один рисунок на скале ниже дер. Шишкино, где изображена человеческая фигура с луком в руках. Она имеет странную позу и расположена необычно. Человек этот как будто летит сверху вниз, причем все тело его изогнуто, а ноги вытянуты назад (974). Первое, что она вызывает в памяти — фигуры летящих гениев на сасанидских сценах венчания царя и аналогичные сцены на фресках древнего Пянджикента, где изображены такие же летящие духи, гении. Не менее интересен в связи с этим и другой рисунок, располагавшийся на небольшой скале выше шишкинской мельницы, ныне уничтоженной (рис. 58). На нем была изображена фигура, похожая на птицу и вместе с тем на среднеазиатско-иранского сэнмурва, «собаку-птицу» (884).

Исторические корни совпадений искусства курыканов с искусством енисейских кыргызов, алтайских тюрок, а также народов Ирана и Средней Азии совершенно очевидны. Дорога

¹ Н. Appelgren - Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889. Helsingfors, 1931, рис. 302.

² Там же, рис. 98—102, 302—306.

³ Л. А. Евтюхова, ук. соч., стр. 106.

⁴ С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Труды Гос. историч. музея, вып. XVI, М., 1936; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 487—628; Л. А. Евтюхова, ук. соч.

с запада на восток, из Ирана и Средней Азии на Ангару и Лену шла через Енисей, а с Енисеем курыканов объединяли прочные, старые и глубокие по происхождению связи.

Находки в пещерах Красноярского края, материалы городищ ладейского типа и обычных открытых поселений — стоянок той же «ладейской культуры» имеют очень близкое сходство с курыканскими. Одинакова в основе керамика, сходен орнамент, много общего в хозяйстве и бытовом укладе. Эти находки показывают, что лесные племена саяно-алтайского нагорья и Красноярского края, известные китайцам под именем дубо (туба), эчжи, милигэ, также разводили скот, тоже жили иногда зимой в пещерах, строили аналогичные по характеру укрепления-городища, имели одинаковую с курыканской домашнюю утварь.

Не удивительно поэтому, что послы курыканов приезжали к китайскому двору совместно с послами саяно-алтайского племени дубо. Не менее, если не более тесная связь имела у прибайкальских скотоводов с самими енисейскими кыргызами. Не случайно в анонимном персидском географическом сочинении X в. «Худцу ал-Алем» сказано, что «народ фури» (кури, курыкан) — «также из кыргызов».¹ В истории Юаньской династии затем говорится, что страна кули находилась даже в подчинении у енисейских кыргызов, захвативших ее насильственным путем, в порядке аннексии. В искусстве же енисейских племен в свою очередь видны следы влияния Средней Азии и Ирана, не говоря уже об отмеченных сценах охоты и единоборстве охотника с хищником; об этом свидетельствуют изображения колчанов, расширяющихся к низу и прямо обрезанных внизу — как у иранских царей на сасанидских блюдах.

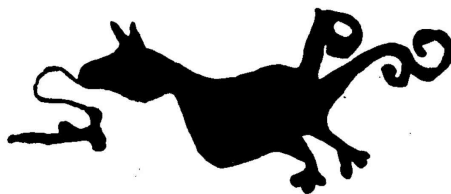

Рис. 58. «Собака-птица».

Особого внимания для характеристики культурных связей курыканов заслуживает одна черта курыканских писаниц. На большинстве конских фигур курыканской группы наскальных изображений в Шишкино видны зубцы, растущие из самой гривы коня или возвышающиеся непосредственно над верхней частью его шеи. Они обычно бывают узкими, треугольными. Иногда же эти зубцы похожи на трапеции, обращенные основанием кверху. Обыкновенно встречается по три-четыре зубца на шее каждой лошади. Между зубцами всегда остаются равные интервалы. Важное значение этой детали писаниц определяется тем, что она повторяется здесь постоянно и обязательно, не только в классическом местонахождении на Шишкинских скалах, но и в рисунках из различных других мест на Лене, где встречаются писаницы шишкинского стиля.

Наличие этих зубцов на курыканских рисунках объясняется несомненно тем, что так подстригалась грива лошади. Подстриженная грива имела вид ровной полосы прерывающейся рядом зубцов, торчавших над ней с небольшими, равными промежутками. Иногда зубцы подстригались в виде треугольников, а иногда они, очевидно, схватывались снизу нитями и тогда образовывали нечто вроде трапеций или султанчиков. О том, что зубцы на гриве курыканских лошадей соответствуют подстриженной гриве, свидетельствует наличие подобного приема подстригания конской гривы и в наше время.²

Наиболее ранние образцы изображения лошадей с гривой, подстриженной в виде зубцов, известны во второй половине I тысячелетия до н. э. Такова, например, фигура лошади на знаменитом войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана, где изображен всадник с арменонидным профилем перед богиней, сидящей в кресле. На коротко подстриженной гриве его коня отчетливо выступают два длинных зубца.³ Следует, кстати, заметить, что по общей форме

¹ V. Minorsky. *Hudud al'Alem*. London, 1937. Ср.: В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. Зап. ИАН, VIII сер., I, № 4, 1897.

² См., например, фотографию тяжеловоза — брабансона американской породы, приложенную к книге «Путь развития тяжеловозного коневодства в СССР» (Сельхозгиз, М., 1941, рис. 2, стр. 16).

³ С. И. Руденко. 1) Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 88—89, рис. 90; 2) Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. ХСV.

тела лошади на ковре из Пятого кургана в Пазырыкском урочище и по манере передачи конских бедер и крупа это изображение всего ближе к рисункам курыканских коней из Шишкино.

К западу от областей, занятых пазырыкскими племенами зубчатая грива прослеживается у сарматов Причерноморья¹ и на Кавказе.² Позже зубцы на конской гриве представляют необходимую часть парадного убранства боевых лошадей сасанидских царей наравне с украшавшими их фаларами, кистями и султанами.³ С кушанами, выходцами из Средней Азии, эта деталь проникает и в Индию начала нашей эры. Зубчатые гривы боевых лошадей в сочетании с прочим пышным убором прослеживается затем у тюркских племен Алтая и долины Енисея.⁴ Оттуда этот конский убор проник в танский Китай, где мы видим его на изображениях лошадей императоров Тайцзуна и Гаоцзуна.

Таким образом, имеется целая цепь памятников искусства, для которых типична трактовка конской гривы в виде зубцов. Звенья этой цепи тянутся одно за другим, от берегов Черного моря на восток к Алтаю и еще дальше через всю Азию, вплоть до Китая.

О. Мэнчэн-Хельфен, посвятивший вопросу о распространении и происхождении изображений гривы, подстриженной в виде зубцов, специальное исследование, полагает, что обычай подстригать гриву зубцами вместе с особенным способом ношения меча на скользящей скобе и вместе с прямым мечом возник в определенном районе и оттуда распространился в различных направлениях. Он думает, что этот обычай возник в IV—V вв. до н. э. в Центральной Азии у конных номодов, юечжей (тохаров) китайских летописей, в обществе с четким классовым делением («in a strongly stratified Society»), где длинный, прямой меч и подстриженная зубцами грива лошадей были признаком воинственной знати.

На запад зубчатую гриву и прямой меч на скользящей скобе принесли, по его словам, в последних веках до нашей эры выходцы из восточных заволжских степей, сарматы. На востоке эти черты культуры дольше всего держались там, где жили ираноязычные племена, особенно в Куче, население которой употребляло тохарский язык.⁵

Очень вероятно, что так и было на самом деле. Что же касается непосредственно интересующего нас вопроса о зубчатой гриве курыканских писаниц, то важно прежде всего, что самые ранние образцы изображений лошадей с такой гривой известны с IV—V вв. н. э., а самые поздние — в VIII в. н. э. Не позже VIII в. н. э. следует, очевидно, датировать и курыканские ранние писаницы лучшего стиля, тем более что по их общему облику они сближаются с таштыкскими наскальными изображениями на Енисее и с наскальными рисунками Средней Азии, араванских скал.

С точки зрения истории курыканов, нельзя обойти вниманием интереснейшие новые находки обнаруженные раскопками 1957—1958 гг. на Ангаре, в древней курыканской земле. Находки эти показывают, что предположения о связях курыканов с далеким западом, основанные на писаницах, получают теперь полную реальность в других археологических памятниках.

При раскопках курыканского поселения в устье р. Унги в культурных слоях его оказались прежде всего вещи, которые прямо и непосредственно связывают его обитателей с тюркскими племенами Восточной Европы I тысячелетия н. э., заселявшими в то время степные области Сибири и Восточной Европы от Енисея и Алтая до Дуная и Черного моря.

Такова, например, уже упоминавшаяся костяная пластина, служившая, видимо, накладкой на колчан, покрытая тончайшим резным орнаментом. Унгинская пластина замечательна

¹ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, Атлас, табл. XXV, XXIX, стр. 176, 234, 306, 345; В. В. Стасов, Собрание сочинений, М., 1950, т. I, стр. 271.

² Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. СХХI, № 305, стр. 7.

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 4, 6, 10.

⁴ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудрыгэ на Алтае. Материалы по этнографии. Л., 1937, стр. 48, табл. 1; И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, табл. XVI, 4; табл. XVII, 2; Н. Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 72—83.

⁵ Otto Maenchen-Helfen. Crenelated Mane and scabbard Slide. Central Asiatic Journ., v. III, № 2, 1957, (стр. 95—100.

не только тем, что на ней имеются изображения, напоминающие о самых популярных сюжетах искусства наскальных изображений Прибайкалья, но и своим сходством с аналогичными предметами искусства родственных курыканам раннесредневековых племен юга. Аналогичные резные пластины украшали колчаны степных кочевников Центральной и Средней Азии, Поволжья и степей южной России. Они были украшены таким же тонким геометрическим орнаментом, на них часто встречаются стилизованные фигуры оленей.

Вместе с этой пластиной в толще культурного слоя унгинского поселения были обнаружены также и другие не менее неожиданные предметы, указывающие на этот раз на их происхождение не от кочевых племен, а из другого культурного мира того времени. Сюда в первую очередь должны быть отнесены обломки стеклянных узкогорлых сосудов с боковыми ручками, вылитых из превосходного зеленоватого-голубого стекла, по-видимому в Средней Азии, может быть в Согде, о чем свидетельствует сходство этого стекла со стеклянными сосудами, обнаруженными при раскопках в Пянджикенте. Еще неожиданнее оказалась найденная там же печать из мягкого зеленоватого-белого камня (по-видимому, змеевика), на которой вырезано изображение мифического животного с бычьим телом и головой человека, напоминающего хорошо известные в Средней Азии изображения Гопат-Шаха¹ (рис. 59). Не менее важны обнаруженные на том же поселении светильники из глины, совершенно аналогичные «чирагам» Средней Азии, а также светильники из железа с четырьмя выступами для фитилей (рис. 60).

Замечательно, что на черепке из того же унгинского поселения между сражающимися всадниками вырезана странная человеческая голова, удивительно похожая на изображение головы быкообразного мифического существа Гопат-Шаха с каменной печати. По словам К. В. Тревер, образ — Гопат-Шаха, изображавшегося в виде человека-быка с короной на голове, был одним из наиболее популярных в иранской мифологии сказочных существ, полубогов. Он считался «охранителем водного начала и орошения», покровителем пастухов.²

Тюркский художник, изобразивший сцену боя конных воинов, должно быть, держал в руках именно эту печать или вторую такую же и повторил в своем рисунке столь близкое его пастушескому сердцу мифическое существо древнего Ирана, покровителя скота и пастухов.

Обитатели унгинского поселения, курыканы, таким образом, имели в своих руках древнюю среднеазиатскую или иранскую печать. Они получали из Средней Азии

характерно среднеазиатскую стеклянную посуду и освещали свои жилища чирагами, столь же специфическими для Средней Азии.

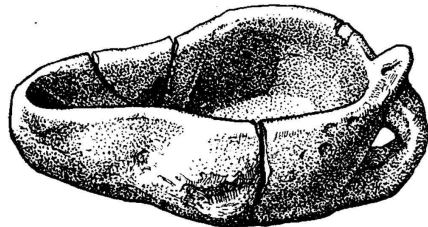

Рис. 60. Глиняный чираг из Унгинского городища.

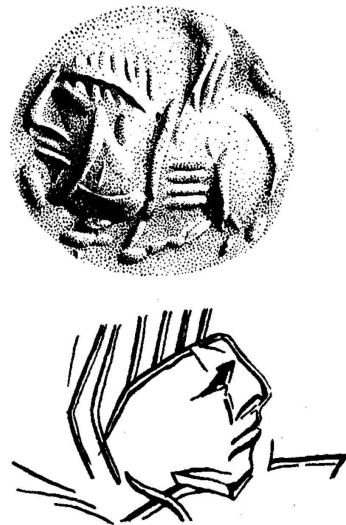

Рис. 59. Оттиск печати из Унгинского городища (вверху) и деталь рисунка на черепке сосуда из Унгинского городища (внизу). Увеличены.

¹ К. В. Т р е в е р. Гопат-Шах, Пастух-царь. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 72.

² Там же.

Все эти факты свидетельствуют о тесных и живых связях обитателей Унгинского поселения с земледельцами Средней Азии, с ее высокими древними культурами, с Шашем и Согдом, с древним Хорезмом, а может быть сасанидским и более поздним Ираном.

В них отражаются, нужно думать, тем большие события в истории Средней Азии VI—VIII вв. и более позднего времени, о которых А. Н. Бернштам в своих работах писал: «в VI—VIII вв. происходят знаменательные события. Начинается новый этап более активных взаимодействий кочевников и оседлого населения, активизация оседлого населения в этих кочевых районах, впервые отмеченная еще в кушанский период, появление согдийских колоний в Чуйской долине и на Тянь-Шане.

Тюрки-кочевники в это время, по его словам, особенно в VIII—X вв., занимали, кроме того, Фергану, располагались по Сыр-Дарье, в степях Казахстана, а рядом с ними жили оседлые земледельцы-согдийцы и находились поселения городского типа центра земледельческой культуры и ремесла. «Особенно активно, — писал А. Н. Бернштам, — эта жизнь протекает в Семиречье в карлукский период (в VIII—X вв.) и на Сыр-Дарье в огузский период (то же время). Здесь происходит установление более тесных взаимоотношений тюрков-кочевников и земледельцев, среди которых наряду с согдийцами было также немало тюрков».¹ Процесс взаимодействия тюрков-кочевников и оседлых земледельцев иранского происхождения, согдийцев в первую очередь, очевидно, и был тем историческим фоном, на котором складывались сложные и богатые культуры многочисленных тюркских племен Средней Азии, Восточной Европы и Сибири, вплоть до прибайкальских курыканов VI—X вв. н. э. Влияние связей тюркских племен с земледельцами Средней Азии, нужно думать, и на Ангаре шло далеко глубже простого использования готовых привозных вещей в виде, например, изделий из стекла и металла. По справедливому замечанию А. Н. Бернштама, согдийцы «носители идей Авесты и зороастрийского культа, предприимчивые купцы, прекрасные земледельцы, искусные ремесленники».² Они несли с собой в древний мир кочевников Азии новые идеи и мифологические представления, свои обычаи и свой бытовой уклад, свое искусство, несравненно более богатое, чем искусство степняков.³

Очень вероятно, что многое из их культурного достояния, так или иначе, теми или иными путями попадало вместе с согдийскими товарами, а может быть и вместе с купцами-путешественниками, через которых на далекий запад проникали известия о стране племени кури, или фури, и в далекое Прибайкалье.

Из всего сказанного следует, что курыканов Прибайкалья нельзя рассматривать вне связей с окружавшими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политического и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала так и западнее Енисея. Их страна не была глухим и диким захолустьем своего времени. Культурный пульс ее бился в унисон с культурной жизнью других ее тюркских соседей. Это был форпост передовой для той эпохи в Сибири культуры на краю стран, где по-прежнему господствовала первобытная дикость.

И наиболее яркими памятниками этой культуры на почве Прибайкалья являются писаницы Шишкинских скал, изображающие самих курыканов, наглядно рассказывающие о их жизни и культуре.

Было бы, однако, неправильно сводить всю историю курыканского искусства и культуры только лишь к взаимоотношениям их с искусством и культурами других народов. В целом их искусство было оригинально, составляя особую, во многом своеобразную ветвь искусства тюркских племен того времени, представлявшего особый художественный мир со своими тра-

¹ А. Н. Б е р н ш т а м. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952, стр. 269—270.

² Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Составлены под руководством А. Н. Бернштама. МИА СССР; № 14, М.—Л., 1950, стр. 145—146.

³ Ср.: А. Н. Б е р н ш т а м. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 55—104.

дициями и особенностями. Черты своеобразия видны в курыканском искусстве в технике выполнения писаниц, как правило, вышлифованных и вытертых, а не резных, как на Енисее и на Алтае, а также в обрисовке человеческих фигур, обычно более обобщенной и абстрактной.

Только у курыканов в Шишкино имеются всадники с настоящими, высоко и торжественно поднятными знаменами, а не флажками на копьях.

И, наконец, только здесь, на курыканских писаницах, имеются изображения лосей. Лось вообще в их искусстве занимает особо видное место. Охота на него проходит красной нитью через охотничьи сцены курыканов, чего мы не видим ни на Енисее, ни на Алтае. Очень важно в связи с этим, что изображения лосей на таких охотничьих сценах курыканского времени нередко напоминают по жизненности и умелой обрисовке лосиных фигур лучшие произведения неолитических мастеров.

Можно думать, таким образом, что на сложении и на дальнейшем развитии искусства курыканов несомненно сказались не только традиции, уходящие в глубь истории скотоводческих племен Восточной Европы и Средней и Центральной Азии, но в какой-то мере и местная аборигенная художественная культура таежных племен. Это объясняется, конечно, тем, что в отличие от всех других своих тюркских современников курыканы жили хотя и не в самой тайге, но в ближайшем соседстве с ней, поблизости от таежных охотников, с которыми они могли иметь определенный контакт. Не исключено, далее, что в состав курыканских племен могли входить и ассимилированные ими группы коренного таежного населения, что еще больше сближало курыканов с лесными племенами и их культурой и в том числе с их древним реалистическим искусством.

ПОЗДНЕЙШИЕ ПИСАНИЦЫ ШИШКИНСКИХ СКАЛ

Наряду с собственно курыканскими писаницами, представляющими собой лучшее украшение Шишкинских скал, на них имеется много других рисунков, обнаруживающих нередко большую близость к курыканскому искусству, но вместе с тем и отличных от них. По технике выполнения, а также и по общему их характеру, эти более поздние изображения Шишкинских скал делятся по крайней мере на три группы.

В первую группу входят изображения, выполненные старой, чисто курыканской техникой, т. е. вытертые сплошным пятном на скале, во вторую — изображения, зашлифованные внутри и оконтуренные сплошной углубленной линией или желобком, в третью входят резные, линейные рисунки, иногда переходящие в простые царапины — граффити.

Рисунки первой группы представляют собой преимущественно традиционные изображения всадников, сидящих на лошадях, гривы которых подстрижена зубцами. Но контуры лошадей выполнены здесь примитивно, а зубцы нарисованы крайне схематично, в виде простых вертикальных линий или даже скорее напоминают растрепанную косматую гриву. Рисовальщик явно не видел сам и не представлял уже прежнего конского убора курыканских вождей. Так же неумело и схематично передаются фигуры всадников и такая важная деталь, как штандарты. На одном из таких рисунков (на камне V выше Качуга) штандарт имеет, например, вид простой вертикальной полосы с двумя поперечными полосами, примыкающими к ней под прямым углом. Штандарт, следовательно, был также непонятен и неизвестен этому рисовальщику, как грива, подстриженная зубцами. Столь же устойчив и другой сюжет поздних писаниц, перешедший в них из более раннего искусства курыканов — это человеческие фигуры, стоящие в ряд и взявшие за руки. Они образуют длинную, сплошную цепь из совершенно одинаковых по виду и размеру фигурок в однообразном платье. На всех этих фигурах видна шуба, узкая посредине, на талии, и широкая внизу. Иногда показаны ноги, по одной на каждую фигурку и всегда сбоку, так что видна ступня, всегда обращенная от края к середине всей группы.

Изображения второй группы отличаются большой тщательностью выполнения и детальностью рисунка. Таковы, например, фигуры трех всадников, едущих друг за другом на лоша-

дах. У всех этих трех всадников детально вырисованы узкие, перехваченные в талии кафтаны, кривые, загнутые назад головные уборы, луки и даже налучья. На лошадях видны подшейные кисти и даже кисти, свисающие под брюхом. В отличие от собственно курыканских рисунков у всадников изображены даже ноги. Позади всадников видны бунчуки или флажки. Столь же детально трактована крупная фигура всадника на камне XXV (рисунок 414), выполненная

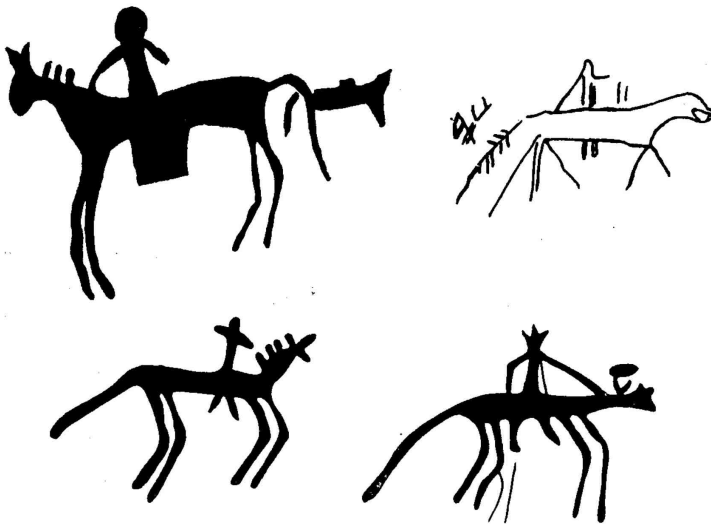

Рис. 61. Позднекурыканские рисунки.

очертания. Она приближается к прямоугольнику, так как линия спины лошадей прямая, так же прямо обрезаю сзади и лошадиный круп; ноги их почти прямые, вытянутые и тонкие, как палки. Шея лошадей тоже прямая, круто поднятая кверху.

Былая живость контуров рисунка здесь исчезает. Исчезает и прежняя острая динамика движений животных. Лошади уже не скачут, распластавшись на лету. Они стоят как вкопанные, крепко упираясь в землю ногами.

Новый стиль, характерный для этих рисунков, можно назвать геометрическим и статическим стилем. Результатом дальнейшего развития наскальных рисунков этой группы следует считать другие рисунки, тоже выполненные глубокими резными линиями, но значительно более примитивные.

в той же технике. У него на голове остроконечный головной убор, завершенный стреловидным навершием. В руках всадника лук и повод коня, сзади нечто вроде саадака с бахромой или кистями. Под брюхом коня видна нога всадника. Одинаково тщательно детализирован султан или челка на голове коня. Сюда же следует отнести и фигуры двух всадников на камне XXXI (рисунок 819).

Таким образом, первой отличительной чертой ленских писаниц этой группы является необычная детализация лошадей и всадников. На них изображается то, чего прежде не рисовали: луки, саадаки, шлемы, поводья, а также ноги всадников. Но именно эта детализация и отличает рисунки данной группы от более простых, лаконичных, а вместе с тем наполненных энергией и жизнью рисунков лучшего курыканского стиля, отличает в невыгодную для них сторону.

Вторая отличительная черта их заключается в том, что общая форма тела лошадей имеет геометризованные

Фигуры животных претерпевают в этих рисунках стилизационные превращения по двум направлениям (рис. 61). В одном случае они превращаются в нечто похожее на каких-то ящеров с длинным и узким, кривым туловищем и таким же длинным хвостом, с тяжелой, овальной головой. О том, что в данном случае имеется определенная стилистическая традиция, характеризующая особую группу наскальных изображений, свидетельствует наличие одинаковых изображений и в других местах, например на скалах камнях V, выше с. Качуга, на правом берегу р. Лены. То же самое следует сказать и о других шипкинских рисунках, где фигура животного напоминает букву «П». Она обрисована двумя параллельными линиями. Линии эти изображают совершенно прямую, ровную спину, аналогичные прямые ноги, при этом их уже не две, как было на ранних рисунках, а четыре. Совершенно такие же рисунки и даже с еще более ярко выраженными в них стилистическими особенностями имеются на берегу оз. Байкал, в 4—5 км от улуса Кутул, где изображено десять фигур животных, высеченных на белом известняке: козуля, марал, козел и горный баран.¹ Подобные рисунки есть и на священной горе ленско-кудинских бурят — Байтоке.²

В этих рисунках можно видеть результат дальнейшей эволюции описанных выше рисунков лошадей второй группы с их прямоугольным туловищем и прямыми ногами.

Точная датировка всех этих изображений пока невозможна. Некоторые из этих рисунков могут быть одновременны курыканским рисункам лучшего стиля и оставлены менее опытными рисовальщиками, неумело подражавшими произведениям искусных художников своего времени. Но остальные производят впечатление более поздних изображений, принадлежащих людям того времени, когда древняя культура курыканов уже перестала существовать в прежних высоких ее формах. Их можно поэтому суммарно отнести ко II тысячелетию н. э., примерно начиная от X в. и кончая временем прихода русских, XVII столетием, а может быть в какой-то их части и позже, т. е. XVIII в.

Сопоставляя описанные рисунки друг с другом, можно расположить их в некоторой последовательности, определяемой эволюцией их формы в определенную сторону: от древних реалистических изображений курыканского типа к поздним, схематическим. Можно проследить притом, как долго и устойчиво держатся традиции старого курыканского искусства и как они затем полностью исчезают. Курыканские традиции особенно видны на рисунках первой группы, выполненных техникой вытирания. По-своему, но слабее они выражены и в рисунках второй группы с зашлифованными контурами. Окончательно исчезают курыканские черты в резных штриховых рисунках типа граффити, в большинстве своем, должно быть, наиболее поздних. В них нет уже ничего курыканского как по стилю, технике выполнения, так и по содержанию. Здесь в предельном виде проявляется тенденция к упрощению формы и схематизации рисунка. В них мы видим схематические линейные фигурки антропоморфного облика, а также изображения животных и, наконец, довольно сложные композиции. В последних встречаются относительно четкие изображения охотничьих сетей или ловчих изгородей. Есть также загадочные рисунки в виде длинных овалов с заостренными концами, заштрихованными внутри в елочку или пересекающимися в виде сетки косыми линиями. При этом нельзя не отметить замечательного совпадения между ленскими рисунками животных, тело которых изображено в виде буквы «П», а хвост елочкой с одной стороны, и аналогичными рисунками из других областей — на Кавказе и в Закавказье, на Дону и в Болгарии (рис. 62).

Сходные рисунки известны в Азербайджане (рисунки на стене древнего Дербента и наскальные изображения Кобыстана), на кирпичах и камнях средневековых укреплений Нижнего Дона,³

¹ П. П. Х о р о ш и х. Исследования каменного и железного века Иркутского края, стр. 36—37, табл. 2.

² П. П. Х о р о ш и х. Древности Кудинских степей. Бурятияведение, III—IV (11—12), Верхнеудинск, 1930, стр. 98.

³ Н. Е. М а к а р е н к о. Археологические исследования 1907—1909 гг. Изв. Имп. Археолог. комиссии, вып. 43, СПб., 1911, рис. 28, 30; М. И. А р т а м о н о в. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-кавказской экспедиции. Изв. Гос. акад. истории матер. культуры, вып. 131, Л., 1935, рис. 40; 2) Саркел—Белая Вежа. Труды Волго-Донской археолог. экспед., т. I, М.—Л., 1958, стр. 24, 26—27, рис. 13.

на кирпичах и камнях древнеболгарской столицы Преславы.¹ Одинаковые по стилю и содержанию рисунки имеются в Болгарии и на скалах, например в Карагуе, вблизи Орешака и Червена.²

Изображения этого рода в ряде случаев сопровождаются руническими знаками и надписями на древнетюркском языке. В них, следовательно, нужно видеть памятники искусства, а также, очевидно, и верований древнетюркских племен, владевших рунической письменностью. На Дону отчетливо обнаруживается также и более поздний возраст таких изображений сравнительно с рисунками, в которых сохраняются традиции скифо-сакского искусства.³ Они не могут быть, однако, на Дону позже IX—X вв., так как после взятия Святославом хазарской крепости Саркела (Белой Вежи) в 965 г. в Саркеле развивается новая, русская, культура.

Точно так же и болгарские изображения, связанные со столицей древних болгар, Преславой, должны относиться к раннему времени ее существования, когда еще в полной сохранности были традиции древней кочевой жизни и культуры праболгарских племен. На Лене подобные изображения могут принадлежать тому же или еще более раннему времени, т. е. к IX—X вв. Сходство ленских писаниц этой группы с рисунками тюркских племен Кавказа, долины Дона и Болгарии IX—X вв. замечательно еще и тем, что снова свидетельствует о наличии определенных культурных связей между тюркскими кочевыми племенами Европы и Азии не только в более раннее время, о чем уже говорилось выше, но и в IX—X вв., а может быть и позже. О таких широких культурных, а может быть политических и этнических связях между тюркскими племенами, не прекращавшихся веками, вплоть до катастрофических событий, вызванных вторжением монголов в XIII в., свидетельствуют и образцы древнетюркской письменности. На Енисее В. П. Левашовой было найдено пряслице с вырезанными на нем руническими знаками. По указанию А. М. Щербака, «буквенные начертания на нем в значительной степени близки к начертаниям печенежской и венгерской руники, равно как и рунам таласской палочки»,⁴ на которой буквы, по авторитетному мнению С. Е. Малова, «весьма похожи на печенежское письмо и венгерские резы».⁵

«С. В. Киселев — пишет А. М. Щербак, — высказывает мысль о занесении палочки на Талас кыргызом-воином.⁶ Однако не только палочку, но и минусинское пряслице по своеобразию письменных знаков правильнее было бы отнести к случайным находкам, происходящим из совершенно иных областей распространения рунической письменности».⁷

Область эта, как мы видим, охватывает долину Дона и Дуная. В тех же областях далеко к западу от Енисея и еще дальше — вплоть до Болгарии — распространены и интересующие нас древнетюркские изображения, сопровождаемые руническими знаками и надписями.

Все эти факты, вместе взятые, хорошо сочетаются со свидетельствами письменных источников, рассказывающих о передвижениях древних тюркских племен с востока на запад. Переселяясь, эти тюркские племена несли с собой на запад свои обычаи, свою культуру, художественные традиции, свое искусство.

Наличие двух одинаковых стилей этого искусства на западе и на востоке — раннего, со скифо-сакскими традициями, и позднего, схематического, где фигуры животных приобретают

¹ Абоба-Плиса. Альбом к X тому «Изв. Русского археолог. инст. в Константинополе». Вена, 1905, табл. LIII, 1; табл. LIV, 4—6, 14—16; табл. LV, 16, 26, 36.

² В. М и к о в. Скални изображения отъ България. Изв. на България археолог. инст., т. V за 1928—1929 гг., София, 1929, рис. 159, 165, 166.

³ М. И. А р т а м о н о в. 1) Саркел—Белая Вежа, рис. 32; 2) Средневековые поселения на Нижнем Дону, рис. 41.

⁴ А. М. Щ е р б а к. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. Сов. археология, XIX, 1954, стр. 270.

⁵ С. Е. М а л о в. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкометариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 37.

⁶ С. В. К и с е л е в. Письменность енисейских кыргызов. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 33—41.

⁷ А. М. Щ е р б а к, ук. соч., стр. 270.

П-образную форму, — может служить свидетельством о двух по крайней мере волнах расселения древних тюрков. Одна из них относится к началу тюркской истории, т. е. к первым шести векам нашей эры, вторая к IX—X вв. И обе эти волны, в том числе последняя, как мы видим, на писаницах Прибайкалья так или иначе могли быть связаны с историей тюрков Прибайкалья;

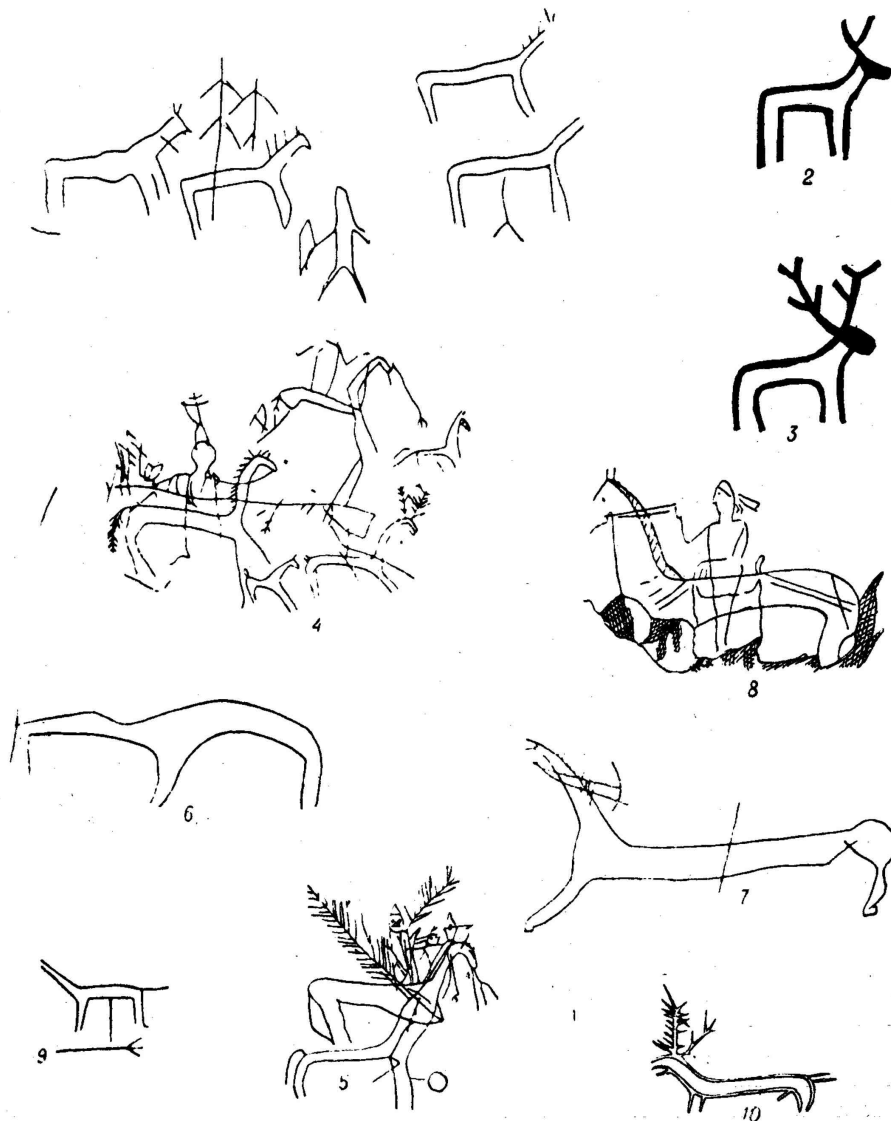

Рис. 62. Сравнительная таблица рисунков из Шишкино (1), с Нижнего Дона (6—8), из Болгарии (4, 5, 9, 10), г. Орсо на Байкале (2, 3).

родичи которых, очевидно, проникли с востока на Дон, на Кавказ, а затем и в числе праболгарских племен в Дунайскую Болгарию.

Что касается содержания поздних писаниц р. Лены, то искусство наскальных изображений древних курыканов, несмотря на вероятную связь его с заупокойным культом умерших вождей и охотничьей магией, насквозь пронизано реальными земными сюжетами. Оно являлось отражением определенного, более развитого уклада жизни, определенной, высокой по тем време-

нам культуры, культурных традиций других, более передовых народов. В нем видны черты развитого высокого искусства, слышны отзвуки не только степного эпоса, но, может быть, и настоящей большой литературы.

В поздних же верхненеленских писаницах встречаются только однообразные и скудные по содержанию, чисто религиозные образы, господствует охотничья магия. Как уже сказано выше, пожалуй, единственным предметом повседневной жизни, который можно различить в этих схематических рисунках, являются ловчие сети для загона диких копытных животных (327). Но, судя по сценам загона животных в такие сети, где имеются заклинательные формулы, написанные руническим шрифтом, и изображения духов — даятелей охотничьей добычи, такие рисунки и здесь, на Шишкинских скалах, имели магическое значение.¹

Анализ поздних шишкинских писаниц приводит исследователей к столь же важному, как и трудному, вопросу об отношении их к искусству позднейших обитателей Сибири. Первое, что здесь бросается в глаза, — это общая их близость к культовому, шаманскому, искусству тюркоязычных народов Южной Сибири. Так, например, изображения одинаковых по виду и размерам человеческих фигур, взявшихся за руки, аналогичные рисункам шишкинских писаниц, имеются на хакасских бубнах, а также у телеутов на Алтае.² Всадники и животные, изображенные на этих писаницах, по общей их трактовке тоже больше всего напоминают рисунки на этих же хакасских и алтайских бубнах.³

Не менее любопытны в этом отношении рисунки алтайцев, изображающих животных двумя параллельными линиями, с прямыми ногами и прямой спиной. Точно такие же фигуры животных с П-образной фигурой имеются, как мы видели, и в наскальных рисунках Прибайкалья.⁴

У шорцев на орнаментированных пороховницах, костяных рукоятках конских плетей и берестяных туесках имеются также и стилизованные в виде «ящеров» изображения лошадей и оленей, аналогичные таким же ящеровидным изображениям на скалах Прибайкалья.⁵

Можно предположить поэтому, что у тюркоязычных народностей Южной Сибири в значительной сохранности уцелели черты древнего искусства кыргызов и курыканов, которое можно назвать по его распространению алтае-саянским или байкальско-енисейским. Не исключено, что с традициями этого древнего искусства, а не только лишь с влиянием русского народного искусства XVII—XIX вв. в какой-то мере связано и значительное развитие реалистического рисунка у якутов, являющихся наиболее вероятными потомками курыканов.

Остается, однако, невыясненным вопрос об отношении наскальных рисунков Прибайкалья к искусству бурят, которые к приходу русских заселяли верховья Лены, а также значительную часть Ангары, в тех самых степных и лесостепных местах, где когда-то жили курыканы. Эта проблема тем интереснее, что в бурятском фольклоре есть прямые указания на связь писаниц с древней шаманской религией бурят.

По мнению М. Н. Хангалова, основанному на фольклорной традиции, писаницы были «общественными онгонами» эпохи *зэгэтэ-аба*, т. е. времени общеродовых и общеплеменных облавных охот далекого прошлого. По его словам, буряты считали писаницы изображениями добрых саттинских бурханов, людей небесного происхождения, бывших шаманами и шаманками.⁶ Выясняя происхождение онгона Хошонгод, Ц. Жамцарано записал со слов агинского шамана Тухурена предание о том, что на одной из ольхонских скал Чингисхан оставил в назидаение и на память потомству тринадцать

¹ А. П. О к л а д н и к о в. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутии, т. I, М.—Л., 1955, стр. 326.

² С. В. И в а н о в. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX вв., стр. 598, 601, 643.

³ Там же, стр. 645, 648, 649.

⁴ Там же, стр. 637, 655.

⁵ Там же, рис. 101, 102, 103, 104.

⁶ Б. Н. А г а п и т о в и М. Н. Х а н г а л о в. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. ВСОРГО, т. XIV, № 1—2, Иркутск, 1883, стр. 30—31.

рисунков, свой и двенадцати сподвижников. Хори-буряты первые установили обряд почитания этих тринадцати нойонов. Впоследствии же он широко распространился среди бурятского народа. Согласно второй легенде, онгон Хошонгод изображает семь охотников Чингиса, утонувших в Байкале, их собаку и жен, оставшихся живыми.¹ Б. З. Петри и П. П. Хороших считают возможным, что некоторые писаницы с рисунками зверей и всадников изображают коллективные охоты Зэгэтэ-Аба древних бурят. Писаницы эти имели религиозно-магическое назначение, так как должны были содействовать успеху охотничьего промысла, исключительное значение которого в жизни бурятских племен установлено М. Н. Хангаловым.²

С первого взгляда, однако, бурятские онгоны имеют больше отличий от писаниц, чем сходства с ними. Так, например, на писаницах в Шипкино нет ни одного рисунка, который был бы тождественным наиболее обычным, «каноническим» антропоморфным изображениям на онгонах. Последние, как известно, представляют собой прямой стержень, условно изображающий туловище, которое часто заканчивается внизу поперечной линией, соответствующей тазу. От концов поперечины спускаются вниз прямые ноги со ступнями, повернутыми в противоположные стороны. Одинаковым образом, в виде поперечной линии, изображаются плечи и руки, свисающие с их концов. Голова круглая, в фас, с условно изображенными глазами, ртом и носом, с характерными линиями, изображающими головной убор или лучи. Ничего этого на писаницах нет.

Кроме того, бурятские онгоны изображаются на рисунках не одетыми, как курыканские человечки, а как бы обнаженными, с ясно обозначенными половыми признаками.

Тем не менее у бурятских онгонов все же есть одна общая, принципиальная черта, которая сближает их, так же как и отмеченные выше рисунки алтайских тюрков и хакасов, с писаницами. Это традиционное расположение онгонов рядами, состоящими из совершенно одинаковых фигурок.

Таким образом, следует предположить, что как саяно-алтайские тюрки, так и буряты одинаково сохранили в своем искусстве эту черту древних наскальных рисунков, а буряты при этом сохранили ее даже в большей степени, чем другие сибирские народности, поскольку именно у них она стала закономерной и обязательной отличительной чертой культовых изображений.

С. В. Иванов справедливо отметил, и еще одно важное с этой точки зрения обстоятельство. Наибольшее сходство с наскальными рисунками по стилю в культовом искусстве бурят обнаруживают не онгоны, а изображения на шаманских ящиках, *шире*. «Рисунки на *ширэ* отличаются, — по его словам, — большим реализмом и свободой, они не имеют того сковывающего всю композицию ритма, который характерен для рисунков на онгонах. Человеческие фигуры на *ширэ* изображаются в профиль и в фас, тогда как на онгонах они только фасовые. Профильные фигуры облегчают передачу движения, чего нельзя сказать о фасовых изображениях. Вот почему движение в рисунках на *ширэ* выражено лучше. Кроме того, человеческие фигуры на *ширэ* чаще изображаются контуром, они более „телесны“, чем однолинейные фигуры на онгонах». «Все перечисленные особенности, касающиеся изображения человека, — продолжает он, — можно наблюдать и на наскальных рисунках».³ На *шире* бурятских шаманов имеются также и довольно реалистические фигуры животных и всадников с луками и стрелами, которые тоже вызывают в памяти сходные наскальные рисунки.

Можно допустить, исходя из этого, что в бурятском культовом искусстве обнаруживаются традиции позднекурыканского искусства, развивавшиеся по двум направлениям, в двух областях.

¹ Ц. Ж а м ц а р а н о. Онгоны агинских бурят. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Зап. Географ. общ. по отд. этнографии, XXXIX, 1909, стр. 383.

² Б. З. П е т р и. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928, стр. 66, рис. 45; П. П. Х о р о ш и х. Древности кудинских степей. Бурятияведение, № II—IV (11—12), 1930, стр. 87 (о Байтоксской писанице).

³ С. В. И в а н о в, ук. соч., стр. 730.

Первую область представляют изображения на оигонах, по композиции своей они выросли из курыканских коллективных изображений, где видны стоящие в ряд антропоморфные фигуры. По манере же эти однолинейные изображения человеческих фигур, эти рисунки продолжают, очевидно, традицию таких же однолинейных, схематических изображений, которая, кстати, обнаруживается в некоторых резных рисунках на плитах красного песчаника, найденных нами при раскопках вала курыканского городища на горе Манхай I в Кудинской степи.

Вторая область представлена рисунками на шаманских ящиках, *шире*, где сохраняется свободная композиция курыканских рисунков и продолжает существовать реалистическая трактовка формы тела животных и человека.

Бурятское культовое искусство оказывается, следовательно, значительно ближе к искусству курыканов, чем это можно было предполагать с первого взгляда.

Отсюда возникает вопрос: могут ли быть выделены среди наскальных рисунков Прибайкалья наиболее ранние, собственно бурятские писаницы и каков их возраст?

В связи с этим встает и еще один сложный вопрос: об отношении бурят к курыканам, о времени появления в Прибайкалье предков бурят.

Курыканы были по языку тюрками, о чем неопровержимо свидетельствуют оставленные ими рунические надписи, читающиеся по-тюркски. Буряты же по языку принадлежат к монгольской группе народов Центральной Азии. Появление бурят в Прибайкалье означало, таким образом, смену одного языка другим, в данном случае тюркского языка монгольским. А это должно было быть следствием прихода нового населения из монгольских степей на смену старому тюркскому населению.

Остается однако, неясным, когда произошло это событие и какими были взаимоотношения пришельцев с коренным населением. Последнее в одном случае могло быть полностью вытеснено или уничтожено, а в другом оно могло смешаться с пришельцами и, таким образом, частично уцелеть.

Н. Н. Козьмин считал, что первые монголы проникли на Селенгу, Ангару и Лену в первой половине XIV в., когда прекратились монгольские завоевания и закрылись источники обогащения для монгольских воинов. Тогда, следовательно, и должна была уступить место старая курыканская культура новой, бурятской.

Однако археологические данные позволяют установить более раннюю дату этого важнейшего в этнической истории Прибайкалья события. Раскопками вблизи устья р. Манзурки около Сэгенутского улуса, было обнаружено несколько древних погребений, давших небольшой, но яркий материал, который рисует новую культуру, резко отличную от курыканской. Самое важное отличие заключается в том, что культура эта принадлежала не оседлым земледельцам и скотоводам, а типичным степным кочевникам, таким же, какими изображены древние монголы в «Сокровенном сказании», а также в известиях европейских и восточных авторов XIII—XIV вв.

Отличны от курыканских и найденные здесь глиняные сосуды. У нынешних монгольских племен нет своей керамики, но у древних монголов она, по словам Марко Поло, была. «Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья, да глиняный горшок варить мясо», — рассказывает Марко Поло.¹

Отсюда следует, что люди, хоронившие своих умерших на крутом мысу в устье р. Манзурки, и были теми первыми монголоязычными пришельцами в Прибайкалье, от которых ведут свое начало нынешние бурятские племена. Им принадлежат, по-видимому, и некоторые наскальные рисунки, изображающие жизнь именно таких степных кочевников.

Таков, например, один древний рисунок (321), выполненный иначе, чем курыканские писаницы, тонкими резными линиями в виде узкой полоски, нанесенной на плоском ребре

¹ Г. М и н а е в. Путешествие Марко Поло. Перевод со старофранцузского текста. Зап. ИРГО по отд. этнографии, т. XXVI, СПб., 1902, стр. 87—88.

слоя песчаника, выступающего из скалистой стены обнажения. Он изображает целую группу древних кочевников, передвигающихся куда-то со своим скотом, имуществом и домочадцами. Впереди всех скачет всадник на лошади, который гонит перед собой животное, вероятно условно изображающее табун лошадей. За ним едет еще один всадник. Позади обоих всадников длинной цепью движутся одна за другой пять кибиток. Каждую кибитку тянут быки, погоняемые сидящими на их спинах людьми. Две передних повозки имеют необычный вид. Нижняя часть первой повозки напоминает треугольник, обращенный вершиной книзу, с углов которого свешиваются три длинные полосы, похожие на кисти. Над ним возвышается сооружение, представляющее, видимо, остов кибитки из палок-распорок, поддерживающих плоскую крышу. Средняя распорка стоит вертикально, другая наклонно. Она обращена верхним концом наружу, нижним к средней распорке. Третья распорка особо не обозначена. Вторая повозка подобна первой, с той, однако, разницей, что верх у нее квадратный, а в боковой стенке изображены два симметрично размещенных и одинаковых по размеру квадратных окна. Третья кибитка непохожа на первые. Она имеет вид прямоугольника со слегка выпуклым верхом. Сзади, у основания ее, имеется длинный выступ, подобный оглоблям волокуши. Такой же выступ, но несколько короче, виден спереди вверху. Над ним вертикально помещается что-то вроде султана или бунчука — *туга*. Следующая повозка по устройству во всем подобна описанной, но султана спереди у нее нет, а сзади вверху имеется какой-то кривой выступ, слегка напоминающий дымовую трубу.

Последняя повозка по очертаниям близка к обыкновенной войлочной юрте. Она куполовидная, а внутри нее намечены как бы два вертикальных столба с поперечной перекладиной над ними в виде буквы «Т». Три первые повозки соединены друг с другом линиями, которые идут от морды везущих их животных и означают, очевидно, повод, которым каждое из них привязано к задней части предшествующей повозки. Эти кибитки движутся, таким образом, не по отдельности, не самостоятельно, а дугом. Колеса на кибитках не изображены. У передних кибиток с их треугольным низом колеса могли быть закрыты сбоку ковром или войлоком, по углам которого и висели изображенные на рисунках длинные кисти. Остальные же кибитки могли быть поставлены на волокуши или на полозья. Особенно интересно, что на двух передних кибитках, по-видимому, были вывешены на косо поставленных древках флаги. В Шишкино есть и другие такие же рисунки перекочек (рис. 63, 64).

В ближайшую связь с описанными шишкинскими рисунками нужно поставить и один замечательный рисунок, обнаруженный П. П. Хороших на горе Манхай, неподалеку от с. Усть-Орда в Кудинской степи.¹ Рисунок этот, как и близкие к нему рисунки в Шишкино, выполнен в той же резной технике, т. е. глубокими линиями (рис. 65).

В центре рисунка изображена юрта, по ее форме несомненно типично степная, войлочная. У нее отчетливо выражены крутые уступы плечиков и показана суженная кверху верхушка, имеющая вид выступа вроде печной трубы. Внутри юрты показано что-то вроде нар или, может быть, условно изображенной подстилки, на которой сидят четыре человеческие фигуры. Фигурки изображены схематично. У всех нарисованы головы, длинные туловища, руки и ноги. По обе стороны фигурок видны изображения кибиток, близких к шишкинским. Первая кибитка слева имеет форму высокого прямоугольника, перекрещенного внутри по диагонали прямыми линиями. Это, вероятно, юрта с охватывающими ее снаружи ткаными полосами. Внизу имеется тщательно выполненное колесо в виде круга с радиальными полосками-спицами и горизонтальной поперечиной. Последняя может означать ось или скорее перекладину телеги. Над кибиткой возвышается стержень, с которого наклонно свисают две полоски. Это несомненно бунчук, т. е. *туг*. Сбоку видны еще две прямые линии, может быть кисти. Между кибиткой и юртой имеется прямая линия с тремя развилками вверху и такими же тремя развилками внизу. Это тоже, очевидно, *туг* на длинном шесте, имеющий внизу подпорки. Ки-

¹ П. П. Х о р о ш и х. Наскальные рисунки на горе Манхай II. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 191—195, рис. 59, 2.

битка, изображенная справа от юрты, несколько иного вида. Она тоже имеет прямоугольную форму, но ниже и шире первой. Внизу видно такое же в принципе колесо со спицами. Кибитка лежит на телеге, условно показанной в виде длинной, горизонтальной линии. Спереди к этой линии примыкает, по-видимому, оглобля или веревка, от которой вниз свисает прямая полоса, заканчивающаяся тремя развилками (кисть?). Сверху над кибиткой возвышается сначала пря-

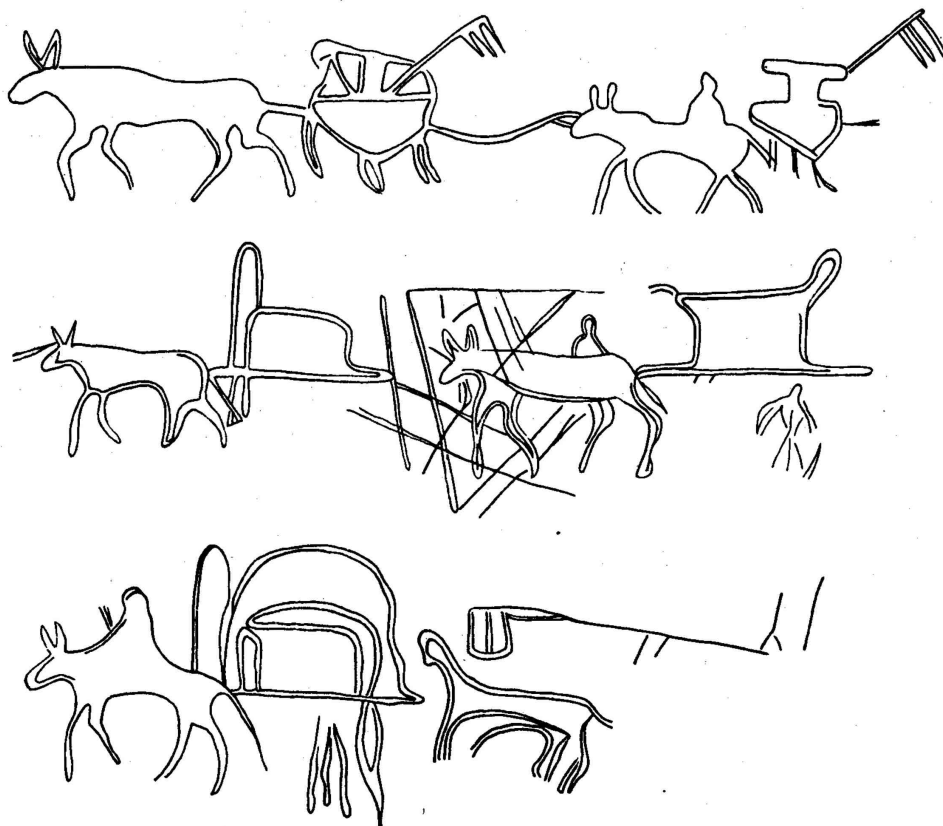

Рис. 63. Детали сцены перекочевки: быки, повозки.

мая, а затем изогнутая полоса. Она, возможно, тоже означает *туг*, только сильно утрированный (253).

Рисунки кибиток на Шихкинских скалах и на горе Манхай могут быть легко сопоставлены с письменными и этнографическими данными. Передвижные кибитки на колесах, служившие жилищами древних монголов, и волы, которые их везут, упоминаются уже в древнейшем литературно-эпическом памятнике монголов — «сокровенном сказании».¹

В одном месте сказания приведены, например, слова Оэлун-Учжин своему мужу, подчеркивающие, что кибитки были местопребыванием женщин и девушек. «Девушки в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся».² В эпоху монгольской империи монголы-завоеватели жили в аналогичных по виду колесных кибитках, которые своим множеством производили нередко на очевидцев впечатление целых кочевых городов. Такие кочующие «города», хозяйства отдельных монгольских вельмож постоянно встречались, например, Рубруку и

¹ С. А. Козин. Сокровенное сказание Юань Чао-биши. Монгольский обыденный сборник, т. I. М., 1941, стр. 107.

² Там же, стр. 85.

Плано Карпини. Как и на рисунках Шишкинских скал, повозки монголов, по словам Рубрука, шли цугом: «Самая слабая из женщин может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень

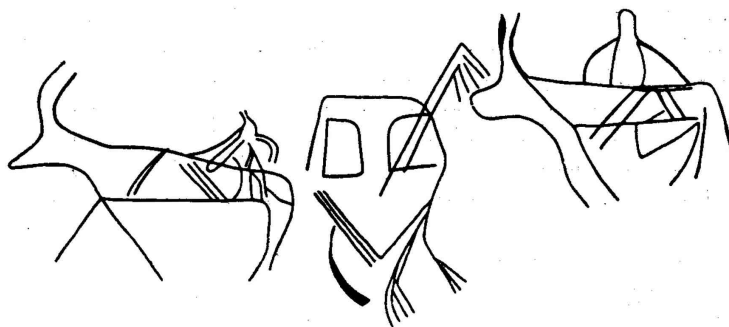

Рис. 64. Изображение повозки и всадников на быках.

ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами, одну за другой, и бабенка будет сидеть в передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом.¹

Нельзя не упомянуть и еще одного замечательного совпадения. В XVIII в. у бессарабских татар, которые тоже имели решетчатые юрты, часто перевозившиеся целиком, в неразобранном

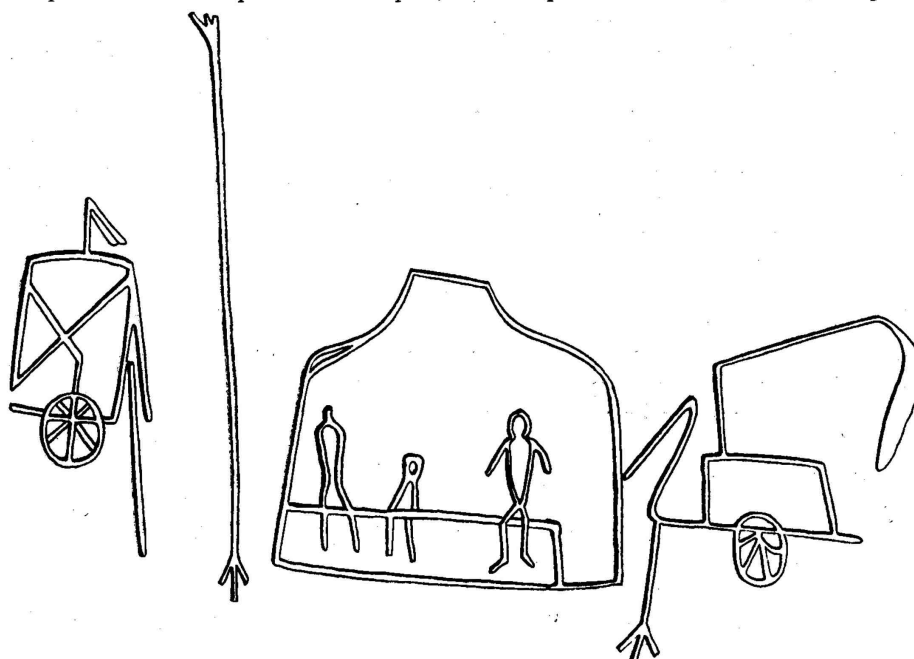

Рис. 65. Писаница с горы Манхай: кибитка, повозки.

виде, на телегах, запряженных верблюдами, существовал обычай вывешивать над юртой на шесте нечто вроде флага — белого или синего. Флаги бессарабских татар представляют, таким образом, близкую аналогию флагам, изображенным на шишкинских рисунках.

Такие кибитки на колесах, однако, уцелели до XVIII в. только на западе, в степях Восточной Европы. Б. Я. Владимирцов говорит о колесной телеге с кибиткой, что ее «современные

¹ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 69.

монголы забыли совершенно». «Можно думать, — продолжает он, — что повозки у монголов исчезли с XV в.», так как в «Истории Радлова» особо отмечаются ордосские монголы, как «сохранившие телеги-арбы».¹

Б. Я. Владимирцов отмечал далее, что юрта современных монголов несколько отличается от юрт, описанных Рубруком. Отличие это заключается в том, что они утратили шейку наподобие печной трубы. Он указывал также, что юрты с реликвиями Чингисхана в Ордосе отличаются от обычных монгольских юрт именно наличием таких выступов сверху в виде шейки.²

Рисунок юрты с шейкой на скалах Манхая соответствует, таким образом, древнемонгольской юрте, описанной Рубруком, и третьему этапу эволюции юрты, намеченному Б. Я. Владимирцовым.

Наличие изображения войлочной юрты такого рода и колесных кибиток на ленских скалах ясно показывает, что их владельцы были настоящим кочевым племенем, как монголы XI—XIII вв., а не оседлым или полуседлым народом, подобно тюркам-курукканам. Исчезновение подобных кибиток у собственно монголов в Халхе до XV в. дает право полагать, что и на Лене они относятся к весьма раннему времени, очевидно ко времени первоначального распространения там древних монгольских переселенцев, которое скорее всего произошло около 30-х годов XI в.

Распространившись на Селенге, Ангаре и Лене с их притоками, первые монгольские переселенцы не просто вытеснили своих предшественников, потомков тюркоязычных курыканов, а смешались с ними. Об этом свидетельствуют монгольские элементы в языке якутов и тюркские в бурятском, а также такие особенности в хозяйстве и культуре бурят, которые напоминают о древних курыканах Прибайкалья. Сюда же относятся отмеченные выше черты шаманского искусства бурят, которые сближаются с писаницами. От древних коренных обитателей долины р. Лены, через влившихся в состав бурятской народности прямых потомков курыканских племен к бурятам перешел, видимо, и культ ленских писаных скал, а также связанные с ним мифологические представления.

Культовое почитание Шишкинских скал, а также писаных скал, расположенных ниже по р. Лене, было связано с представлениями бурят о хозяевах р. Лены, ленских эжинах, *зуулхэ-ноёд*. Эжиновэтих в мифологии бурят известно два (иногда три). Первый и наиболее известный из них носит имя Хара-Ажирай, Черный Ажирай или Ажирай-Бухэ, т. е. Ажирай-силач. Его отец имел имя Ухэр, т. е. Бык. Жена его — Альма-Тургэн, Сын — Хара-Хэрэ, Черный ворон. Дочь — Шара-Хэрэ, т. е. Желтый ворон. Шаманы описывают Ажирая-Бухэ в следующих словах: «С туловищем черным, как железо, с ногтями черными, как железо, Батюшка Ажирай-Бухэ».³

Хара-Ажирай предстает в молитвенных текстах как грозное черное божество, которому шаманы камлали в темную, безлунную ночь, вымазав лицо сажей и стоя при этом на опрокинутом вверх дном котле.⁴ С грозным обликом Хара-Ажирая сочетается представление о том, что после смерти шаманы направляются или к владыке преисподней Эрлен-Хану, или к Хара-Ажираю. В легендах рассказывается, как Ажирай-Бухэ принимает участие в суде Эрлен-Хана. Согласно представлениям шаманистов, ему принадлежит Черный конь. Поэтому, избегая упоминать грозное божество по имени, «грехуя», верующие буряты называли его или владыкой Лены, или хозяином Черного коня. Хара-Ажирай имеет, кроме того, высокую, черную повозку, мягкую, как детская люлька.

Будучи хозяином «Темной Лены», он владеет строением из красных камней, водяное ограждение его Дворца — река Лена; охрана Ажирая состоит из черных козудь, личные его при-

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 128.

² Там же, стр. 41.

³ М. Н. Хангалов. Шаманская тетрадь. Архив НИИК БМАССР, инв. № 280 (323, 2), тетр. 30, стр. 82—83, 1908 г.

⁴ Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов, ук. соч., стр. 39.

служники — серые козули. В призываниях шаманов, восхваляющих Хара-Ажирая, упоминаются огромный белый дворец владыки р. Лены в темной, густой тайге и несметные богатства.

В легендах говорится о том, как Ажирай-Бухэ, будучи при жизни силачом и любителем борьбы и после смерти превратившись в грозное шаманское божество, ищет встречи с известными силачами и борется с ними, а также участвует в состязаниях как меткий стрелок из лука.

Ажирай выступает вместе с тем в бурятской мифологии как грозное воинственное божество. Он имеет

«Тело сильное и черное,
Броню из серого железа,
Шлем из сплошного серебра,
Лицо темно-красное,
Мысли заносчивые и упорные,
Халат из черного плиса,
Усы черные, едва пробивающиеся,
Шею сильную, как у порога (производителя),
Наконечники стрел, как трубицы (колес),
Налучник широкий, как степь,
Колчан длинный, как лужок,
Лук желтый — бухарский».¹

В некоторых призываниях о нем говорится даже как об участнике тех бурных событий, которые происходили во время первого столкновения казаков с ленскими бурятами в 40-х годах XVII в.

В большом эпическом сказании о Хара-Ажирае, записанном С. П. Балдаевым, подробно рассказывается о его богатырских подвигах, дружбе с Харамцаем, сыном Унэгэна (лисицы), из тунгусского рода Шалгагир, о вражде с сэгэнутским родом и тунгусами, о походе Ажирая и Харамца на «маньчжуров» и на владения халхасских ханов. В память о походах Ажирая и Харамца буряты пели:

Малай олон —	Множество скота —
Маньчжурай дэйдиды,	Это в Маньчжурской стране,
Мандагарай олон —	Множество силачей —
Манай Зурхэйи ¹ толгойдо.	Это в верховьях Лены.
Аданнай олон —	Множество табунов —
Ононой ута Хээртэ.	Это в степях Онона,
Заригтойн олон —	Множество отважных —
Зулхэйи Зууна хажууда.	Это на восточной стороне Лены.

В песнях восхвалялись сила Ажирая и меткость стрельбы Харамца:

Хада газар ябохидеа,	Когда проезжаем по горам,
Хара мориндон найданабди,	Надеемся на своего гнедого,
Хари газар ябохадеа,	Когда ездим по чужим местам,
Харамцай мэргэндээ найдана-бди.	Надеемся на меткого Харамца.
Агуй газар ябохадеа,	Когда ездим по оврагам,
Алач мориндоо найданабди,	Надеемся на своего карего,
Алуурай газар ябохадеа,	Когда разъезжаем по опасным местам,
Ажарай бухэдоо найданабди.	Надеемся на силача Ажирая.

История подвигов Ажирая и Харамца заканчивается рассказом о их гибели. После нападения на аленсегинских монголов, говорится в предании, богатыри со своими воинами остано-

¹ Запись С. П. Балдаева.

вились за Баргузином, в «Урянхайской степи». Здесь на них неожиданно напали с разных сторон монгольские войска, и все эхириты были убиты. Уцелели только Ажирай и Харамцай-Мэргэн.

Отсупая под натиском бесчисленных врагов, они подошли к крутому берегу Лены и бросились в нее. Плывя под стрелами монголов, сыпавшимися на них, Хара-Ажирай и Харамцай-Мэргэн увидели два плывущих по реке дерева, вырванных с корнями, сели на них и поплыли вниз по реке, прячась от стрел за торчащими корнями. Монголы решили устроить засаду у горы Хашая-Ундэр, около нынешнего Качуга, но беглецы удачно миновали ее. Ниже Усть-Тальмы, однако, враги убили их стрелами. Тело Ажирая волны выбросили на берег около дер. Шишкино, где его нашли рыболовы. На горе против дер. Шишкино был устроен помост — аранга, куда и положили груп Ажирая вместе с вооружением. Убита была и его лошадь. Тело Харамцай-Мэргэна тоже пристало к берегу Лены и было похоронено на *арангасе* между двумя соснами.

Связь легенд о Хара-Ажирае с шишкинскими рисунками очевидна. На образе грозного Хозяина Черного коня и владыки Лены несомненно так или иначе отразились изображения воинственных курыканских всадников, сидящих на таких же черных от скального загара лошадях.

Высокая, черная повозка Ажирая и его стража из козуль тоже имеют свои прообразы в наскальных рисунках. Все это буряты воочию видели на Шишкинских скалах и оттуда в готовом виде перенесли в свои шаманские заклинания.

Но корни близости между писаницами в Шишкино и бурятскими легендами о Хара-Ажирае уходят гораздо глубже в прошлое ленских племен.

Как уже отмечалось, для них характерны изображения нескольких человеческих фигур, стоящих в ряд. Но есть и такие рисунки, где стоят только две фигуры, при этом взявшиеся за руки. В одной группе (Никольский ручей, рисунок 943) такая сцена повторена даже дважды, вверху и внизу. На камне XXVII (514), где изображено девять фигур, две фигуры стоят в середине композиции, но обособленно от других, взявшись за руки.

Парные фигуры и на другом довольно крупном рисунке, который на этот раз изображает не пешеходов, а двух всадников, сидящих на одном коне. Рисунок этот находится на камне XXVIII (642). Такие изображения можно было бы считать простой жанровой зарисовкой из степной жизни. Так ездят на Лене и до сих пор у бурят. Есть и специальный термин для подобного способа езды на коне — *сундалха*; от них этот термин заимствовали прибайкальские русские, которые называют его вслед за бурятами *сундалой*. Но есть и другая, более интересная возможность объяснения этого рисунка мотивами бурятского и якутского фольклора.

В якутском фольклоре праотцы якутов Омогой-Баай и Эллей неотделимы друг от друга, они выступают парой. Неразделимы и бурятские божественные герои, Хара-Ажирай и Харамцай-Мэргэн. Особенно интересно, что Омогой-Баай и Эллей в якутских легендах бегут на Лену, спасаясь от врагов или от опустошительной войны. И точно так же бегут от преследующих их врагов по Лене бурятские властители р. Лены.

И в том, и в другом случае имеется два героя. Оба они преследуются врагами и бегут, отбиваясь от них, вниз по Лене. Разница только в том, что в бурятской легенде оба героя гибнут, а не становятся родоначальниками людей. Но и в якутских сагах отец Эллей тоже умирает в пути — на Лене. А по данным Линденау,¹ оба героя-двойника якутской саги умерли еще в Прибайкалье.

Не этот ли сюжет бегства от врагов героев-двойников изображает шишкинский рисунок двух всадников на одном коне?

Словом, мы видим на шишкинских рисунках как бы иллюстрации к одному из вариантов бесконечно разнообразного в деталях, но единого в основе мифа о невинно гонимых божественных героях, мифа о близнецах, «культурных героях».

¹ J. L i n d e n a u. Beschreibung der Jakuten. Sammlungen von Anno 1741 bis 1745. ГАФКЭ, портфель Миллера, № 511, II, тетр. 3, 1 cap.: von den Jacuten und ursprung derselben, лл. 1—10.

О том, что мы видим на Шишкинских скалах миф о близнецах, свидетельствует и один рисунок, где изображена борьба двух героев. Близнецы в мифах часто противопоставляются друг другу как представители противоположных начал, как извечные враги. В якутском эпосе два «близнецных культурных героя» Омогой и Эллей выступают именно как два противника. Подобно Каину и Авелю библейской легенды они оспаривают друг у друга милость неба. Боги предпочитают Эллея, а отвергнутый ими Омогой-Баай гибнет.

Нет ничего удивительного и, следовательно, в том, что этот миф мог существовать и у курыканов. В мифологии же бурят и якутов дошли до нас отголоски курыканского эпоса, обломки тысячелетних легенд.

Сравнивая якутские и бурятские легенды и сличая друг с другом общие для них элементы, можно, даже с большой вероятностью, реконструировать не только основное ядро курыканского мифа о древних божественных героях, близнецах и властителях Лены, но и выявить некоторые существенные детали этого мифологического комплекса. Таков в первую очередь рассказ о том, что божественный беглец плывет на вывороченном водой дереве с торчащими вверх корнями. Так плывет в якутской саге Эллей, и точно так же плывут вниз по Лене бурятские герои Хара-Ажирай и Харамцай-Мэргэн.

Связь этого предания с якутами и историей их ухода на среднюю Лену подтверждается также и упоминанием в легенде о Хара-Ажирае монгольской засады на горе Хашая-Ундэр. Это несомненно та самая засада, которую, по их преданию, устроили буряты во время бегства предков якутов вниз по Лене. Нужно думать, что в данном случае миф о невинно гонимом герое-беглеце был перенесен на целый народ беглецов. Засада ниже Качуга могла быть реальным событием во время переселения предков якутов вниз по Лене, потом ее связали в легенде с древним мифом. Сходство всех этих сюжетов, в которых причудливо скрепляются рассказы о бегстве прародителей якутов и бегстве Хара-Ажирая, объясняется, очевидно, тем, что они являются общим достоянием якутов и бурят, полученным в наследство от их общих предков-курыканов.

От курыканов, надо думать, дошло до нашего времени и культовое почитание Шишкинских скал как местопребывания и жилища покойных героев, обожествленных после их трагической смерти.

Это напоминает о зданиях, стоявших некогда на могилах тюркских аристократов, где были изображены их подвиги и они сами. Курыканы могли считать такими жилищами своих покойных вождей скалы с нарисованными на них изображениями. Именно так, как дворцы умерших божественных героев, описываются ленские скалы бурятскими шаманами в их молитвенных призываниях, полных простотой и суровой поэзией.

Оттуда же, из этого древнего источника, через влившихся в состав бурятских племен потомков курыканских обитателей Прибайкалья должны были получить буряты и традиции курыканского искусства, которые обнаруживаются в их шаманских рисунках.

Так, вокруг Шишкинских скал, в сложной, многокрасочной мозаичной картине переплетается история якутов, бурят и их далеких предшественников — курыканов.

* * *

На этом можно было бы и закончить наше исследование. Однако прежде чем оставить писаницы Шишкинских скал, следует сказать еще несколько слов об одной, очень немногочисленной и совсем неинтересной в художественном отношении но любопытной для истории края группе наскальных изображений.

Последние, заключительные штрихи к общей картине истории Ленского края по наскальным рисункам Шишкинских скал представляют собой некоторые рисунки типа граффити, содержание которых свидетельствует о их позднем возрасте по сравнению со всеми описанными выше изображениями.

Сюда относятся грубо и небрежно выпарапанные острием ножа изображения, среди которых выделяется рисунок судна вроде большой лодки с отчетливо переданной мачтой (235).

Точно такие же, нередко более детально и тщательно выполненные рисунки, изображающие суда или большие лодки с мачтой посредине, имеются и на других ленских скалах между Верхоленском и Тутурой. Суда такого рода могли появиться на Лене только с приходом русских. В русских документах XVII—XVIII вв. они упоминаются как дощаники, на которых перевозили людей и грузы по сибирским рекам. Вниз дощаники сплывали собственным ходом по течению или при попутном ветре под парусами. Вверх они шли под парусами или конной тягой. Так дощаник изображен, например, на одном наскальном рисунке около дер. Каринги. Впереди едет на коне всадник. От лошади, на которой он сидит, тянется веревка, привязанная к носу судна и к мачте. Всадник изображен схематично и примитивно. Судно имеет высоко поднятый нос и широкую корму; посредине мачта, от которой к корме и носу протянуты веревки. Именно так поднимали бичевой в XVII в. русские землепроходцы вверх по сибирским рекам свои тяжелые лодки-дощаники.

Там же, у Каринги, на скалах изображены конные воины, в том числе воины в шлемах, с луком и саадаком. Если это не конники-буряты, то, очевидно, фигуры воинов на скалах у Каринги могут изображать первых русских служилых людей, явившихся на Лену. На скалах у Каринги есть и рисунок, изображающий русского солдата XVIII в. в мундире с пуговицами, а рядом с ним фигуры тунгусов в характерных костюмах с передником.¹

В Шишкино к той же категории рисунков, оставленных тоже всего вероятнее бродячими тунгусами XVII—XVIII вв., должно быть отнесено схематическое изображение, условно передающее вид какого-то архитектурного сооружения, должно быть башни русского острога, а возможно и церкви с характерной головкой в виде луковицы; на ней нет только лишь креста (385).

Во всех этих простых и примитивных рисунках отражено удивление коренных жителей Лены, вызванное появлением на их земле пришельцев, вооруженных огнестрельным оружием, имеющих невиданные здесь прежде огромные суда с мачтами и парусами, воздвигающих остроги с башнями и церквями небывалой высоты. Такое же наивное удивление и трепет перед чудесами новой, высокой культуры сквозит в преданиях тунгусов и бурят о первой встрече с русскими.

Так заканчивается непрерывная или почти непрерывная многовековая история писаниц Шишкинских скал, этой скальной летописи исторического прошлого прибайкальских племен, своеобразной энциклопедии искусства и культуры Прибайкалья с древнейших времен до XVII—XVIII вв. н. э.

¹ А. П. Окладников. 1) Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен. КСИИМК, XIII, 1946, рис. 32, 33; 2) Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1948, стр. 93.

ТАБЛИЦЫ

-

19 Ленские пещеры

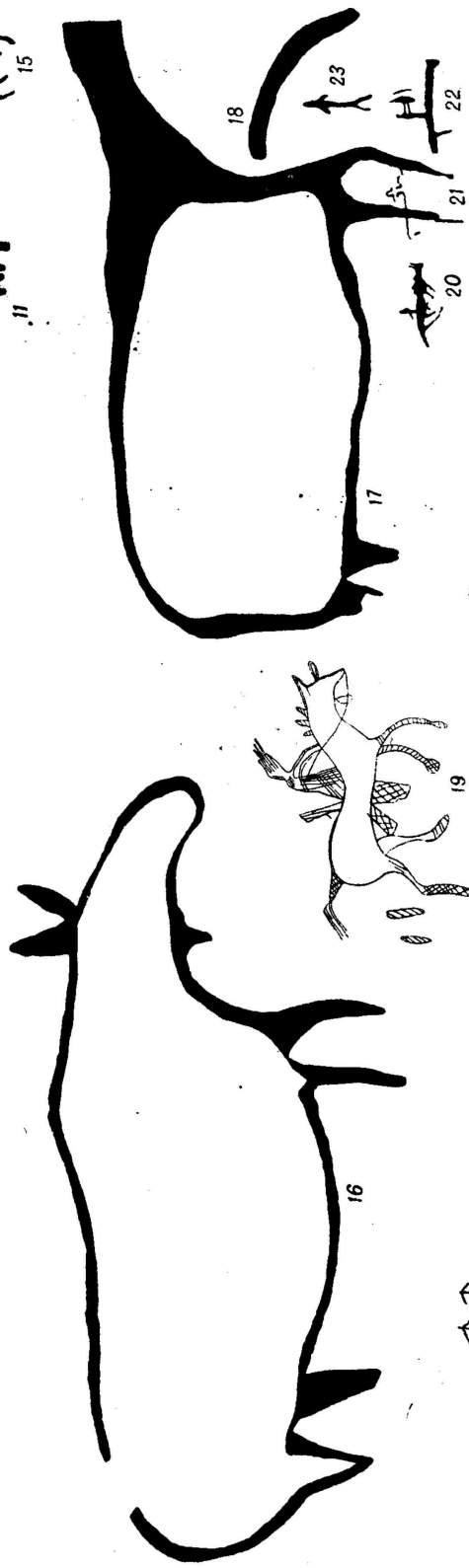
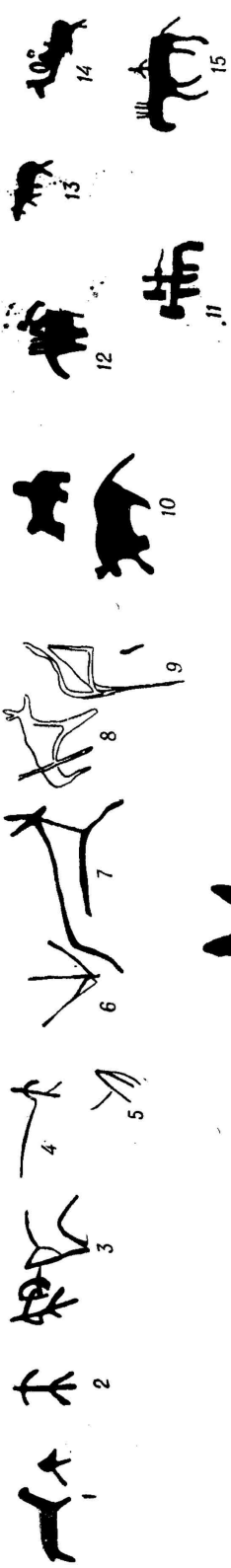
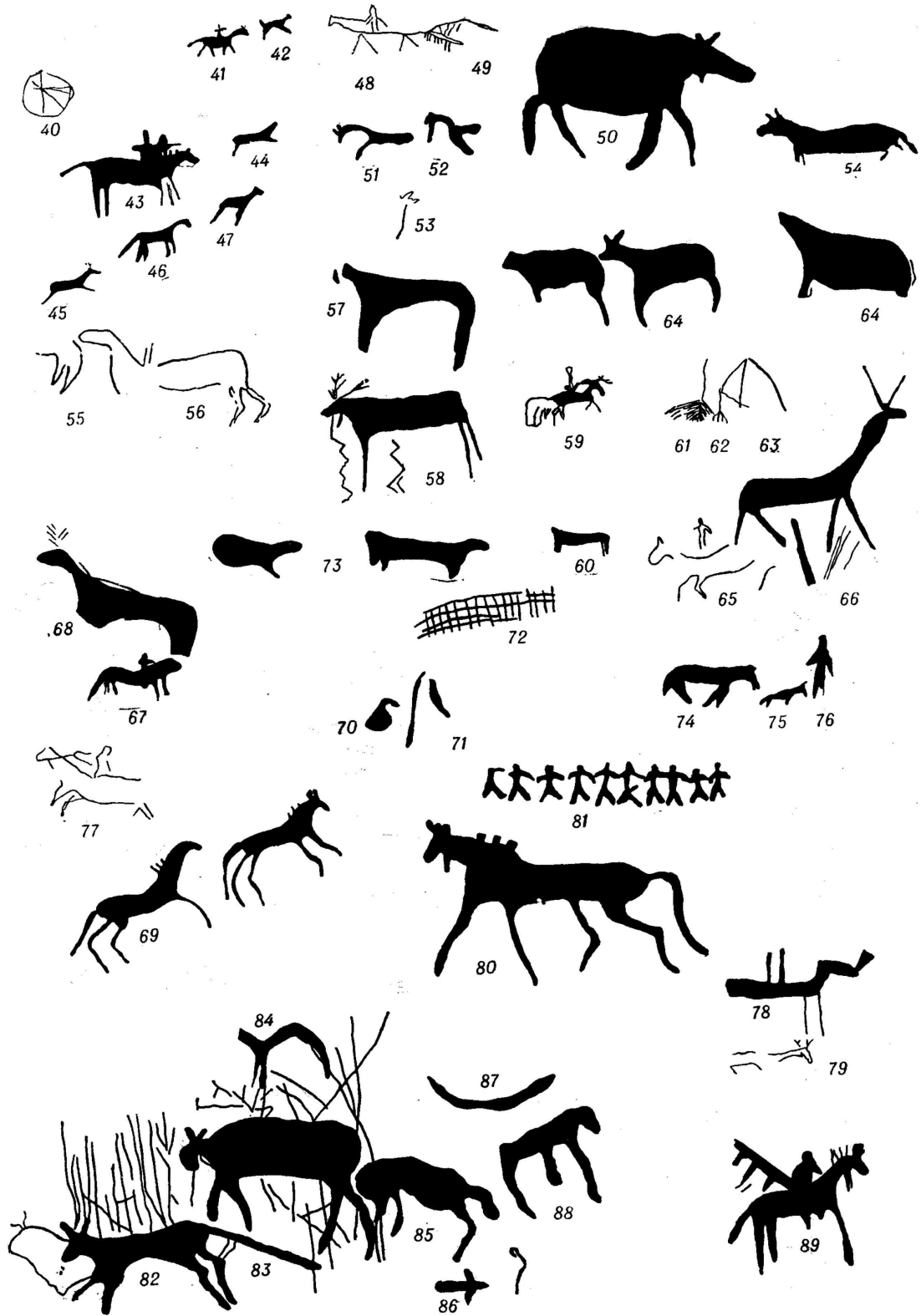

Таблица II

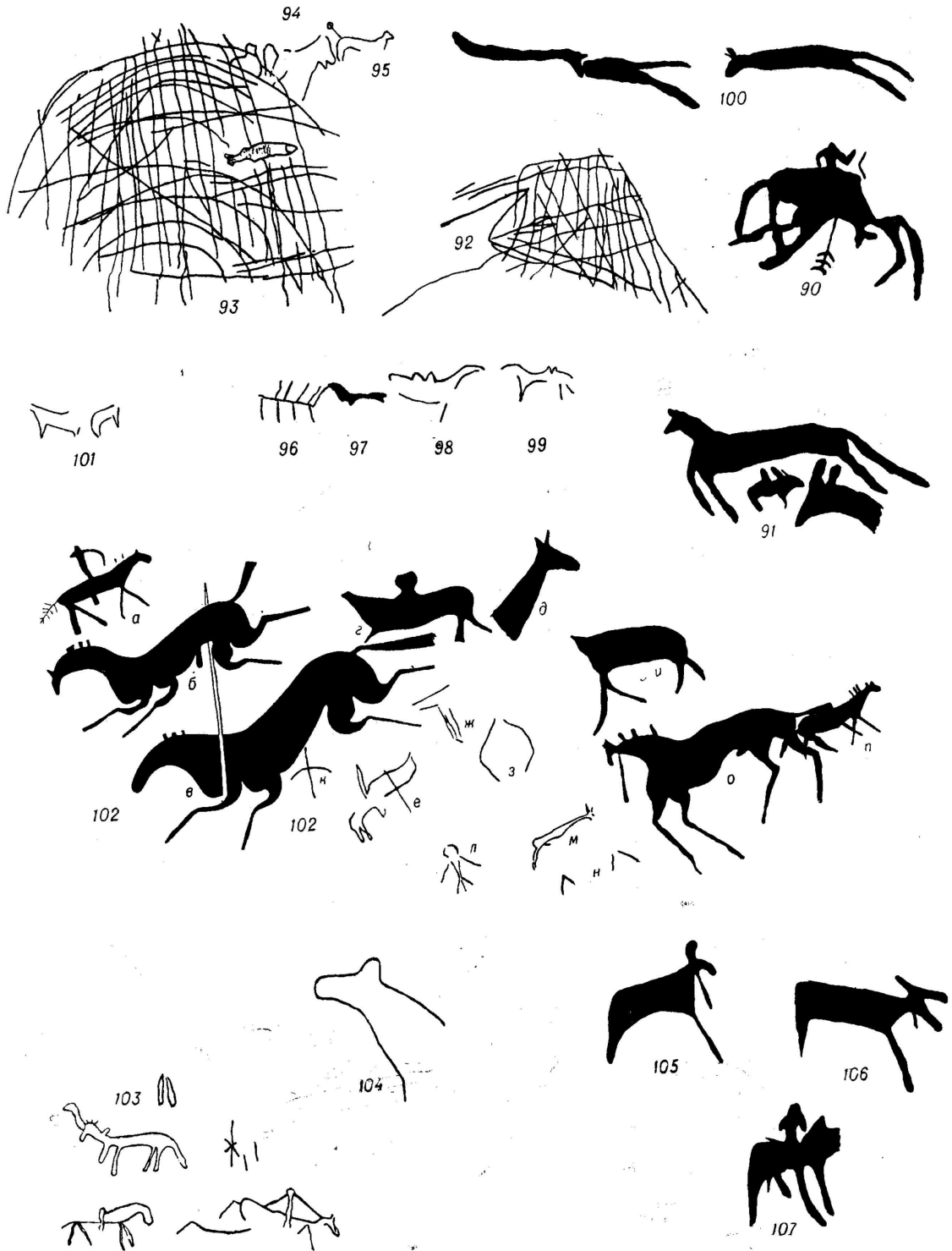
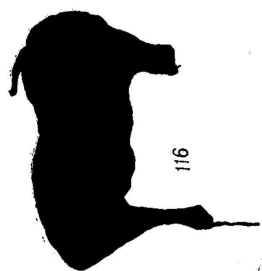

Таблица IV

116

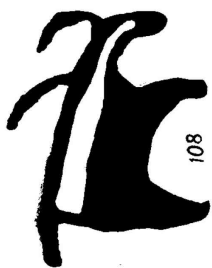
115

113

112

108

110

111

109

114

Таблица V

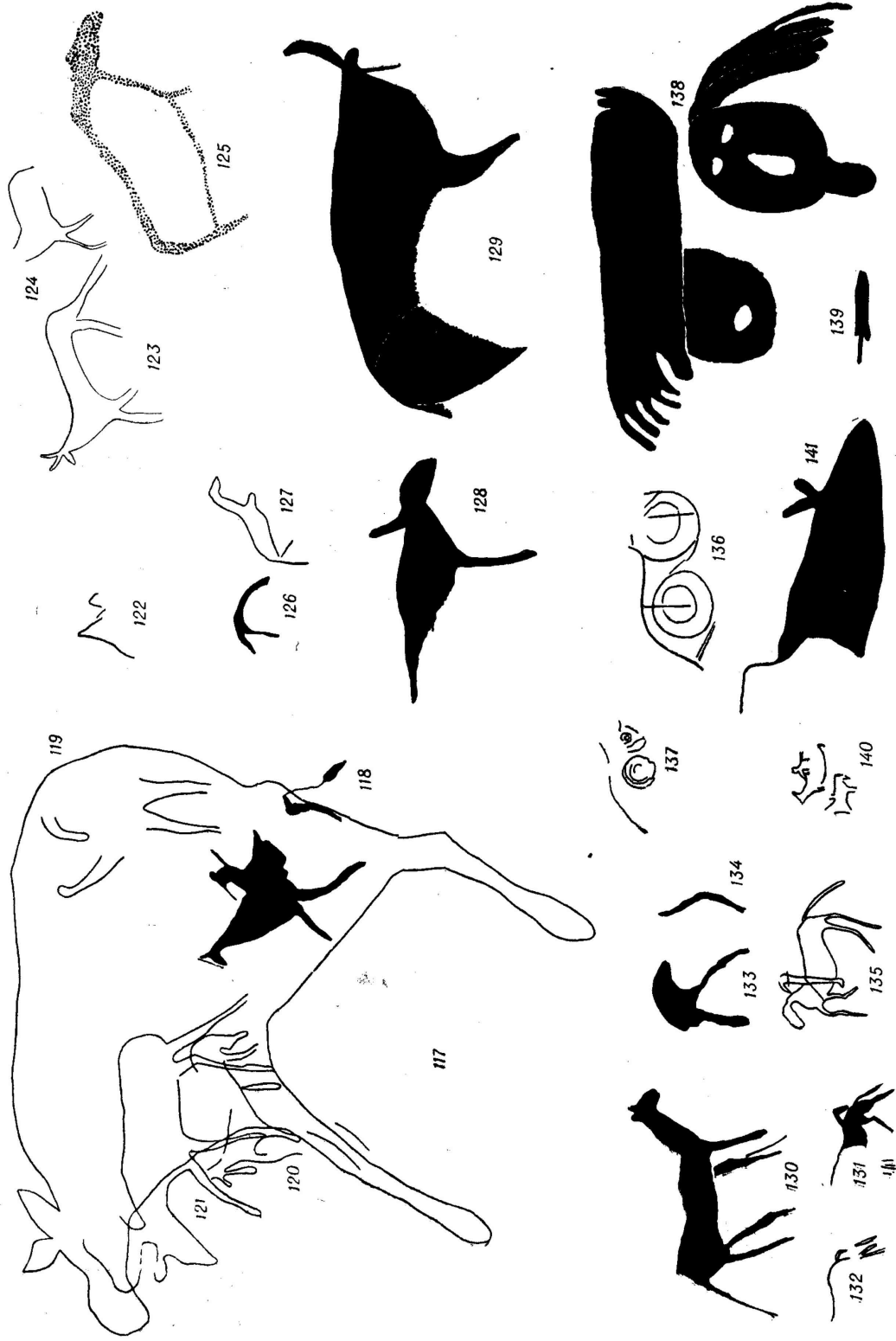

Таблица VI

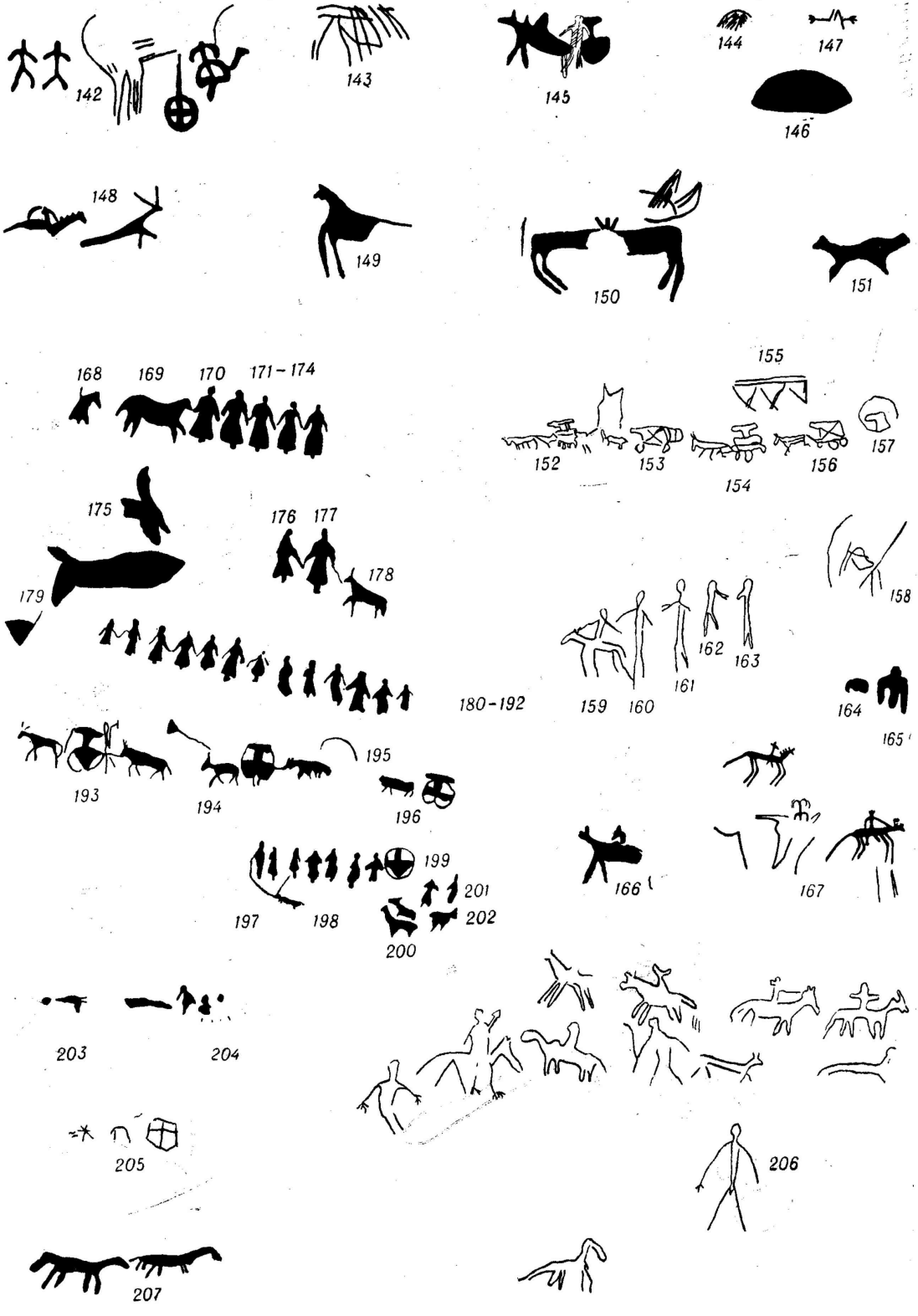

Таблица VII

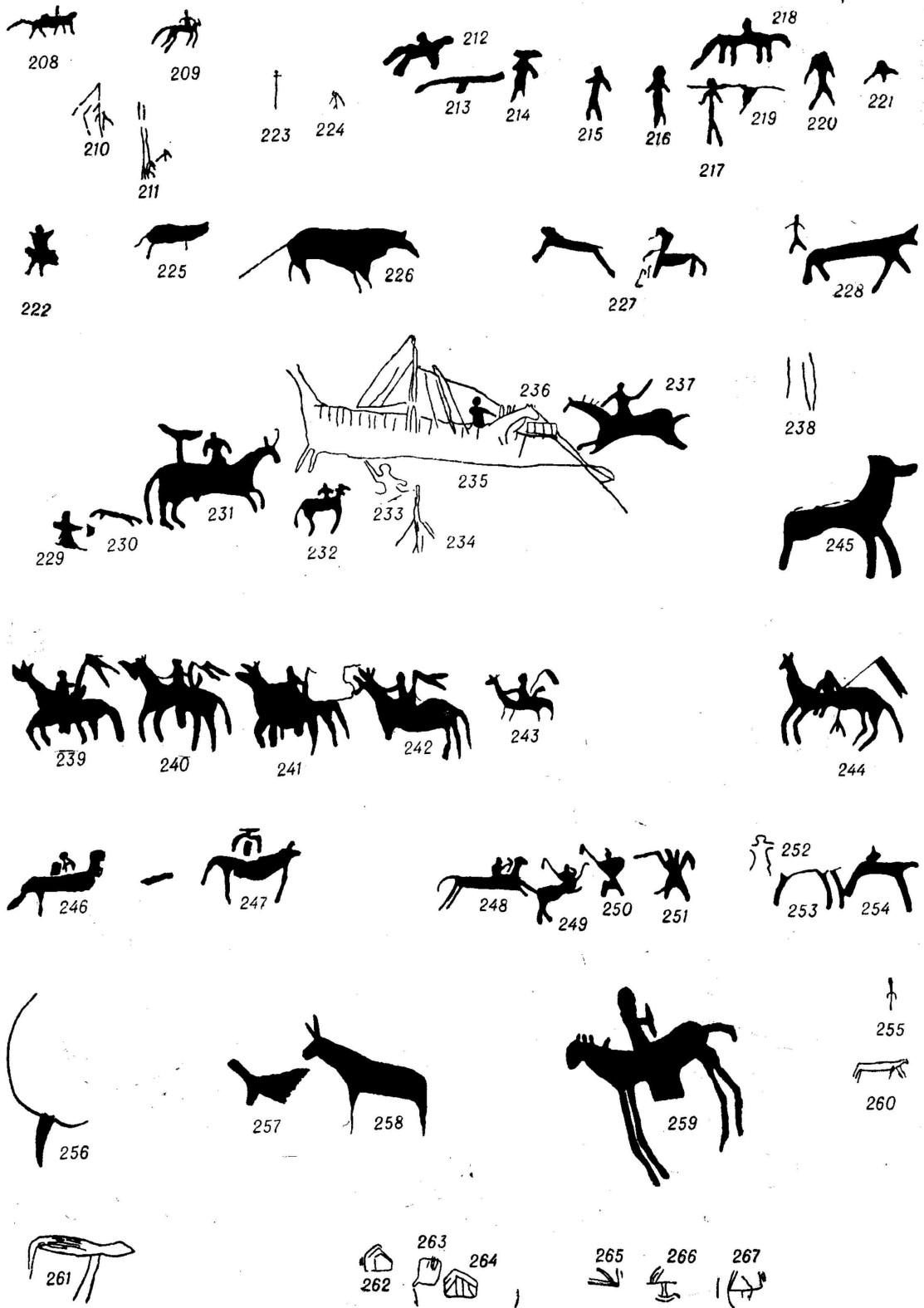

Таблица VIII

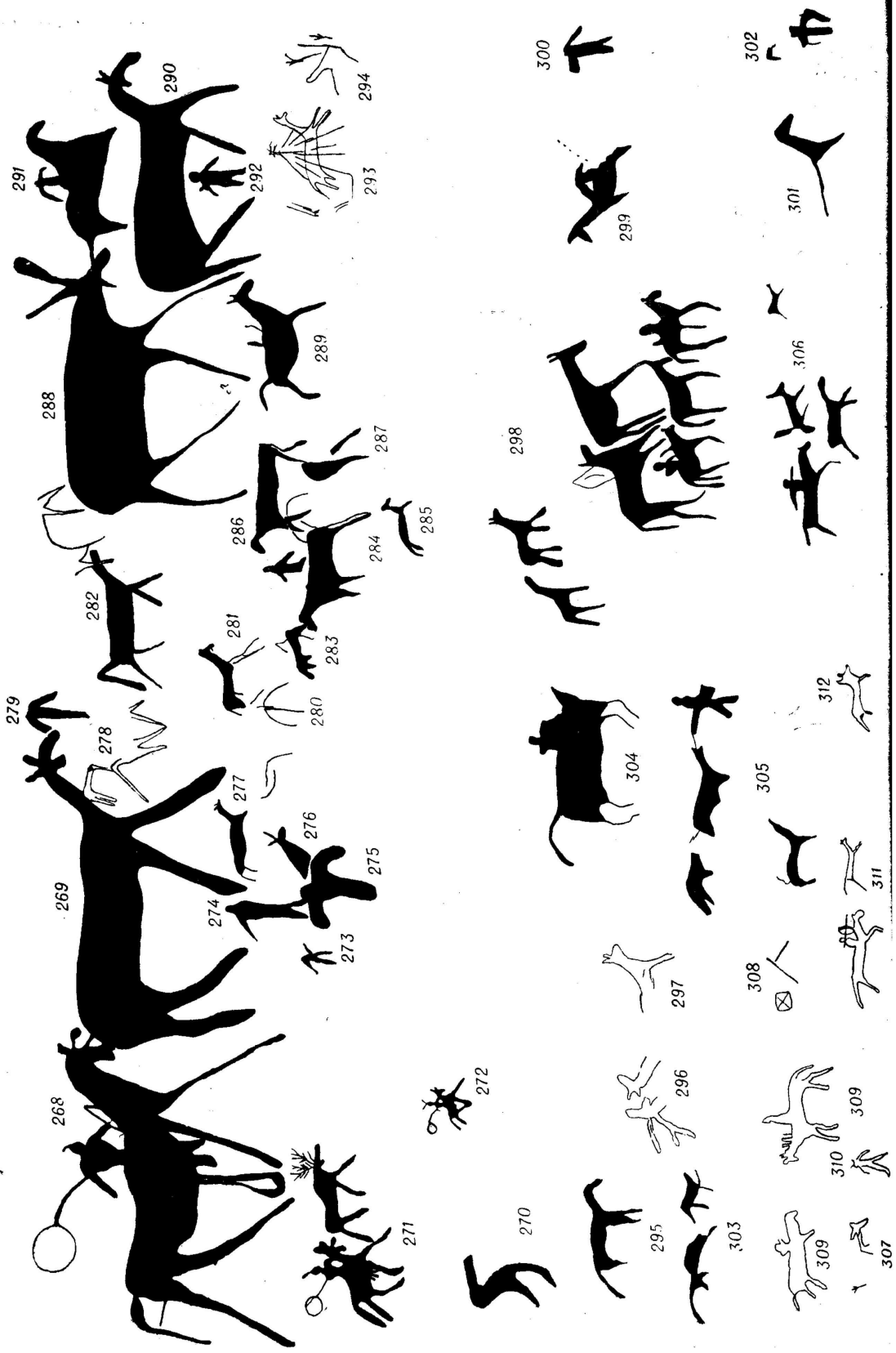
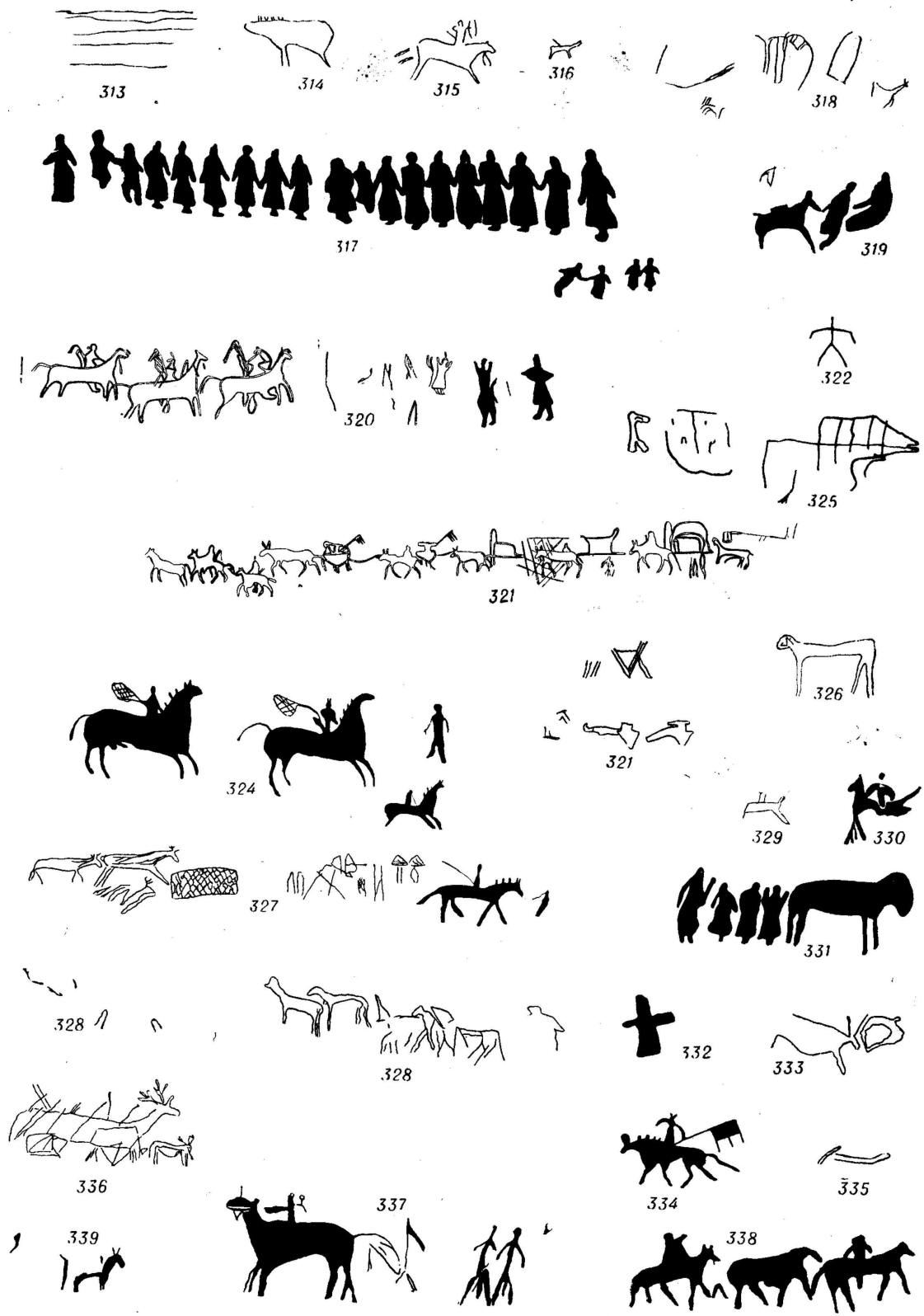
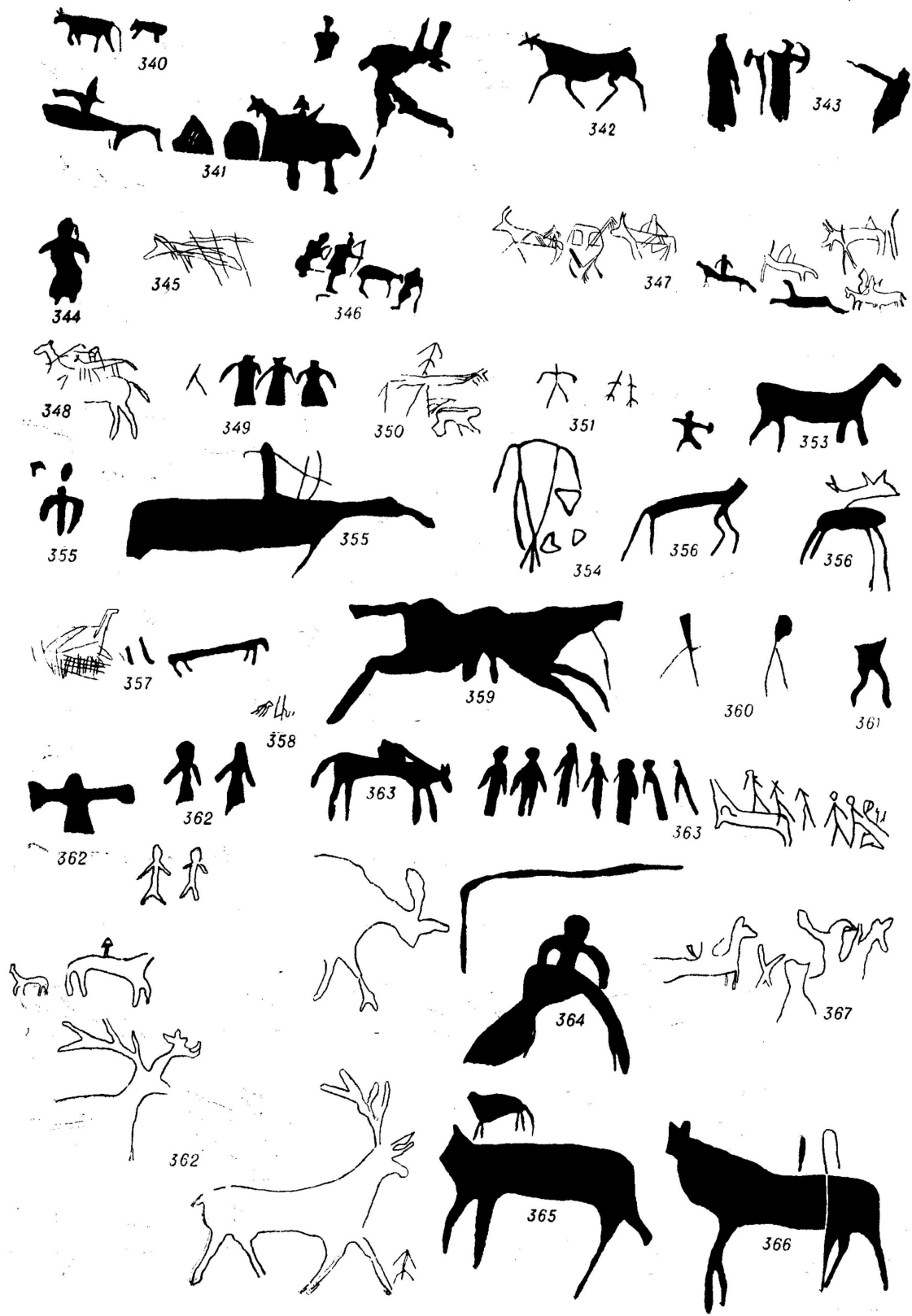
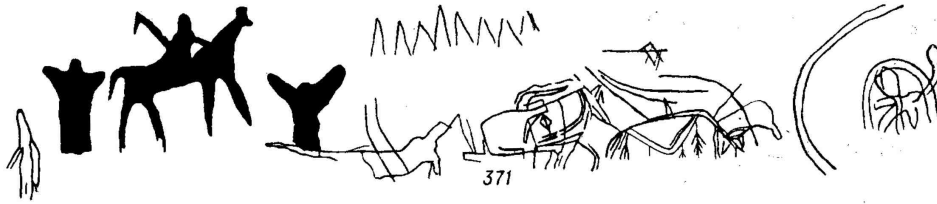

Таблица IX

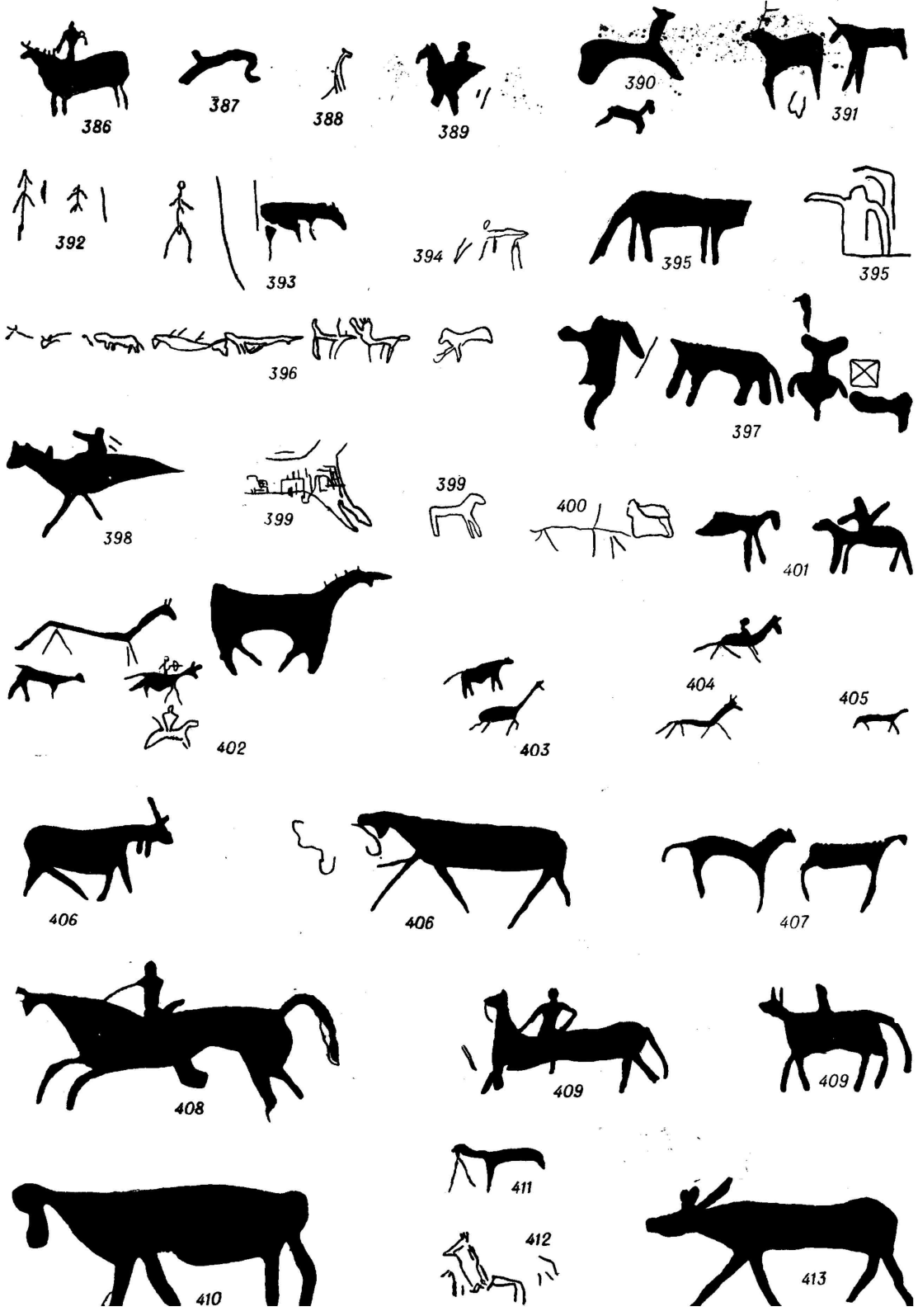
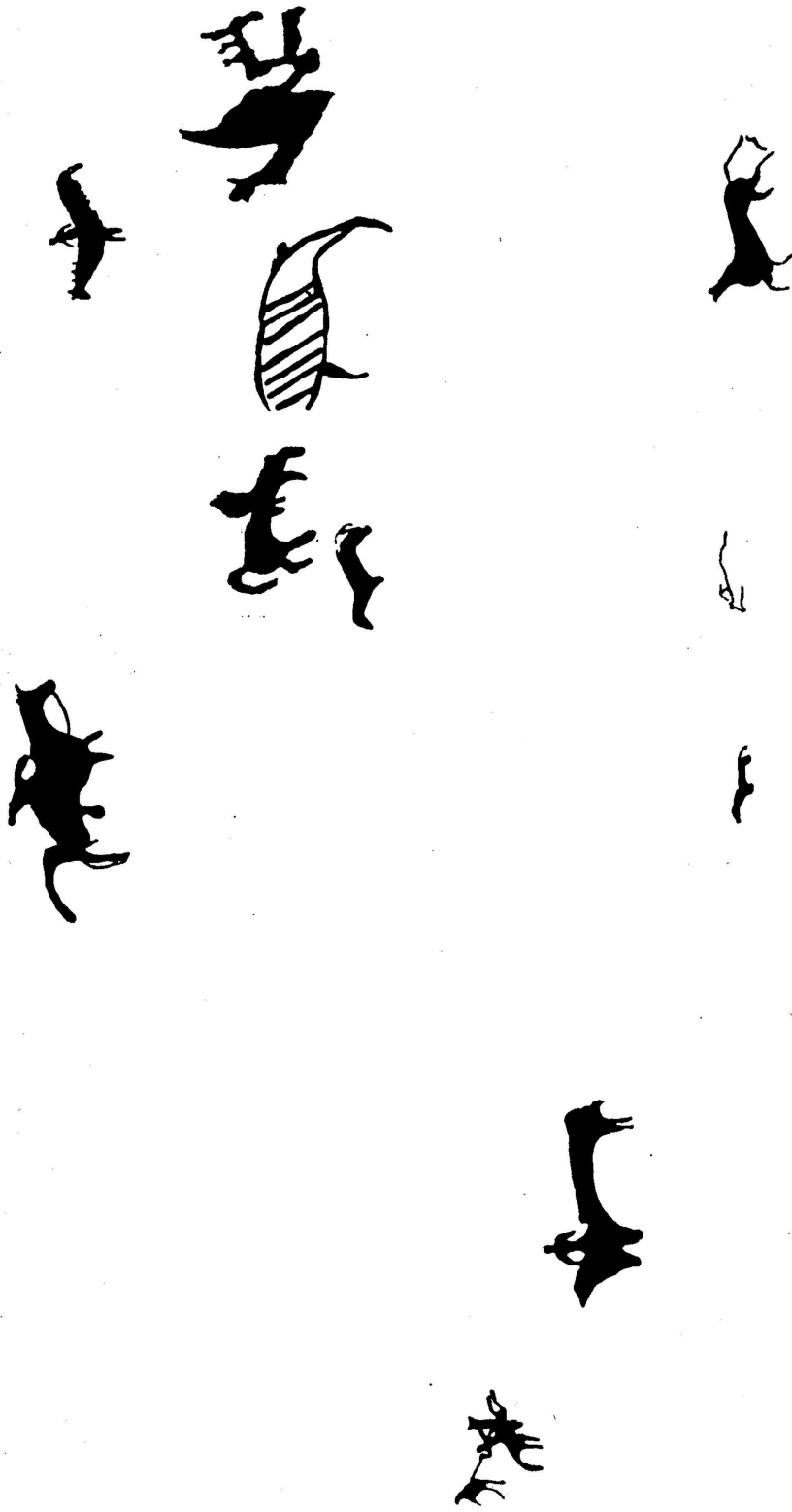

Таблица XIV

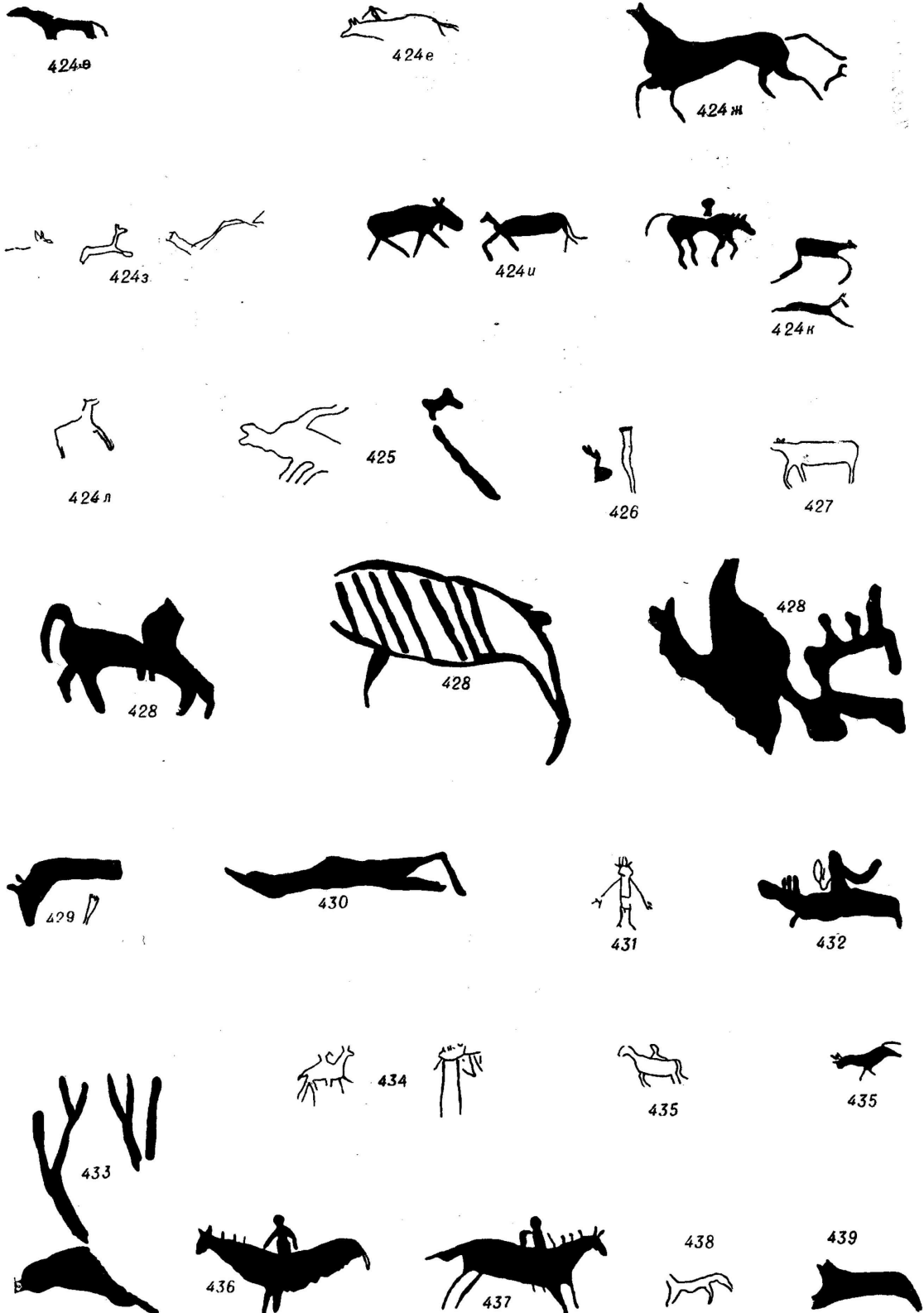
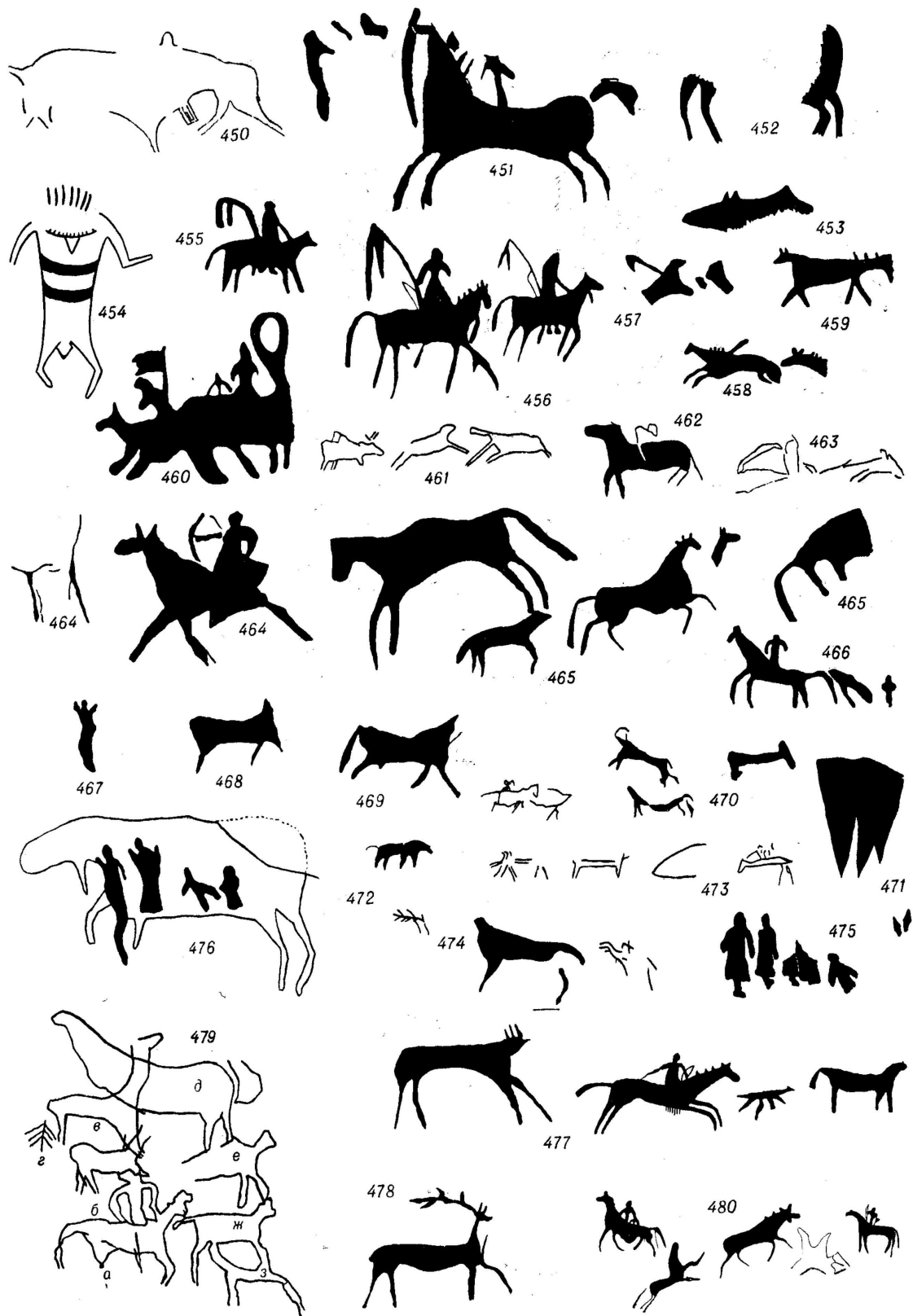
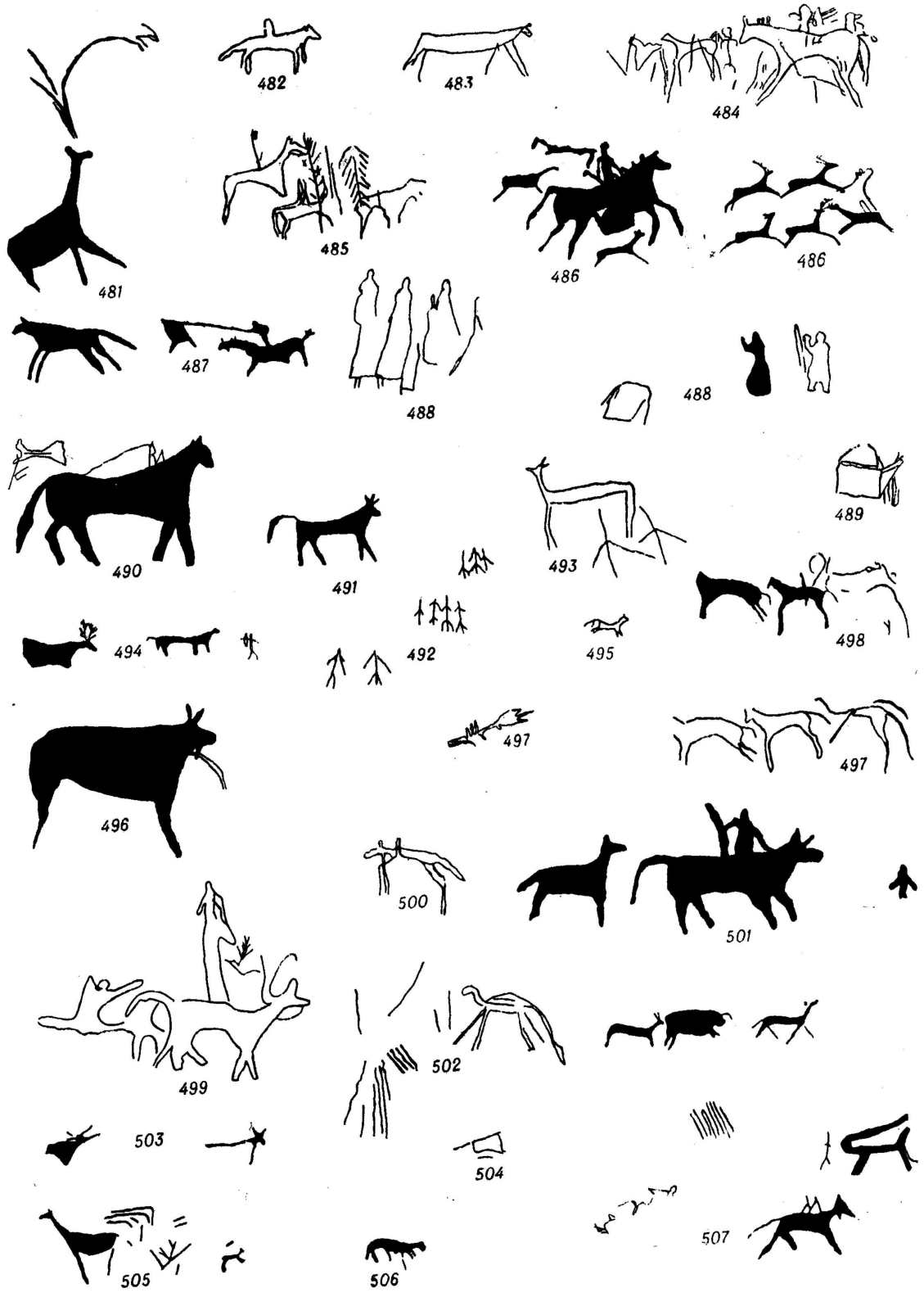

Таблица XVI

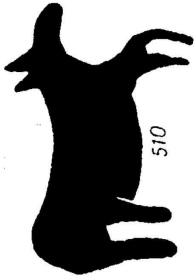

508

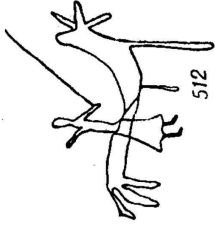
509

510

511

512

514

517

513

516

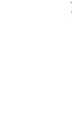
515

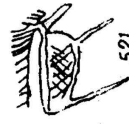
518

518

523

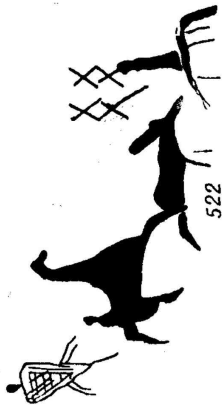
521

520

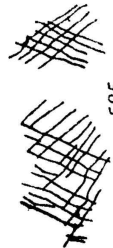
519

522

524

525

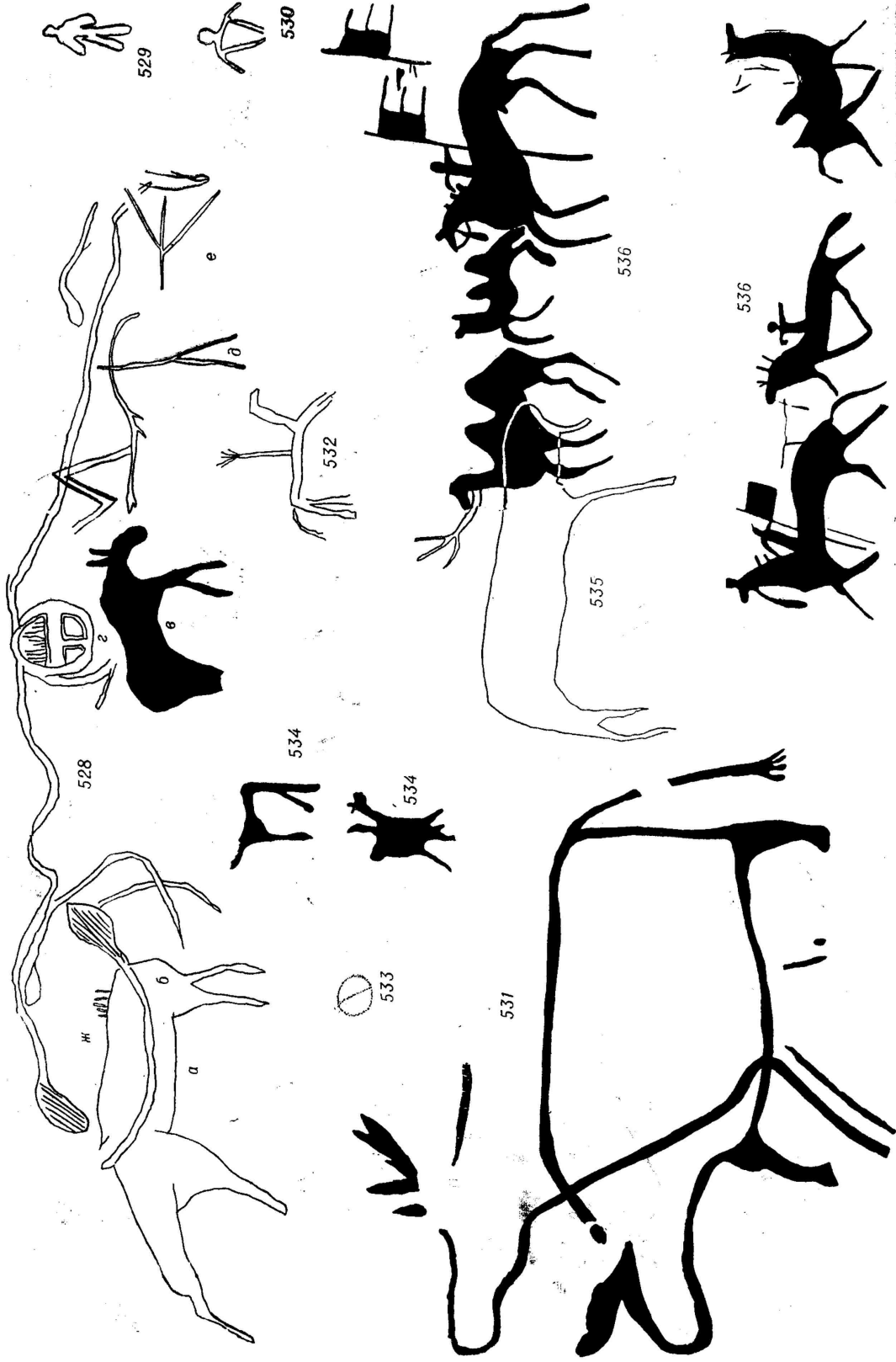

526

527

Таблица XX

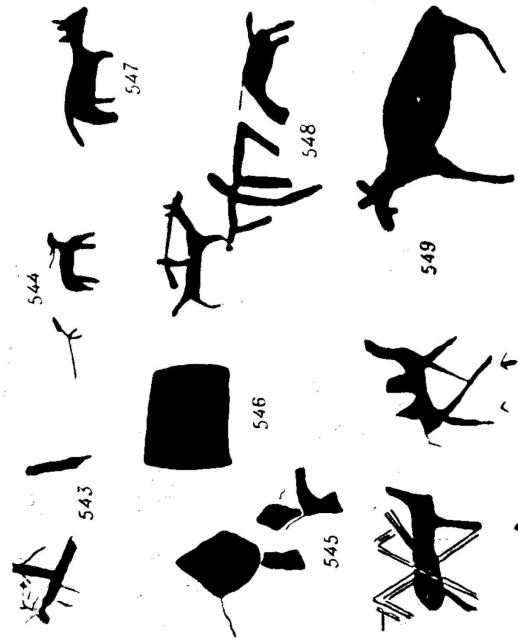
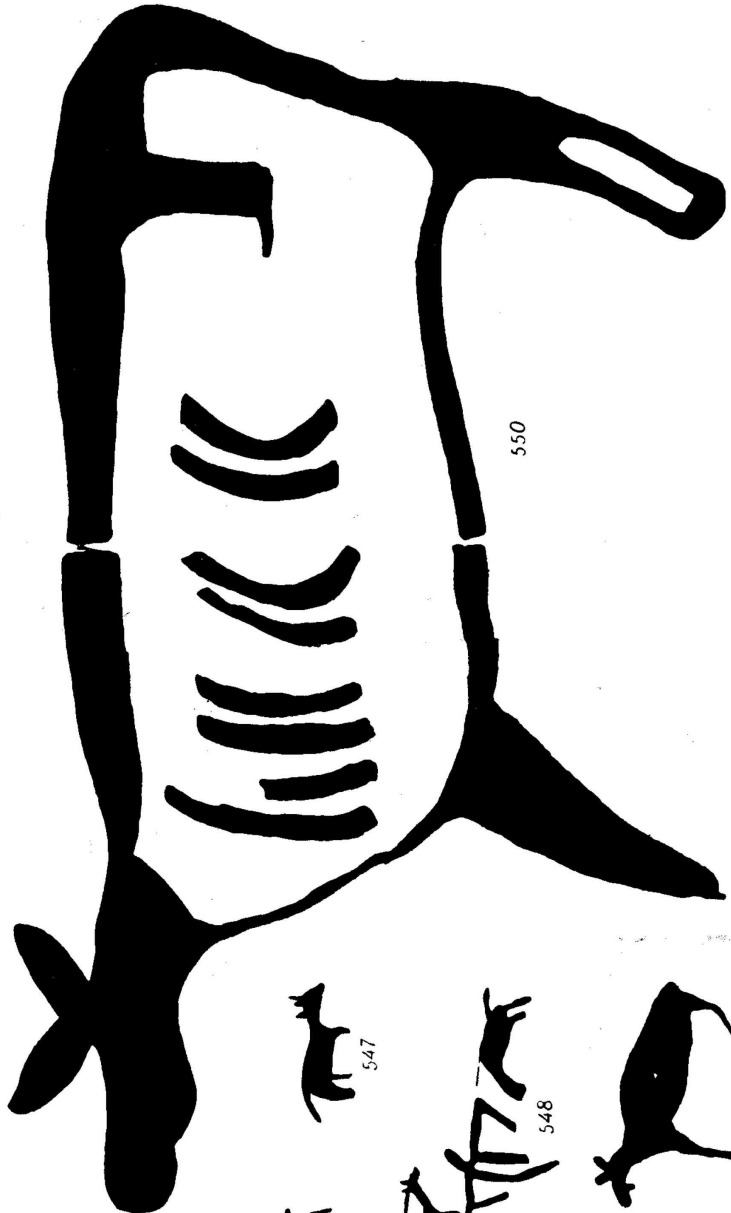
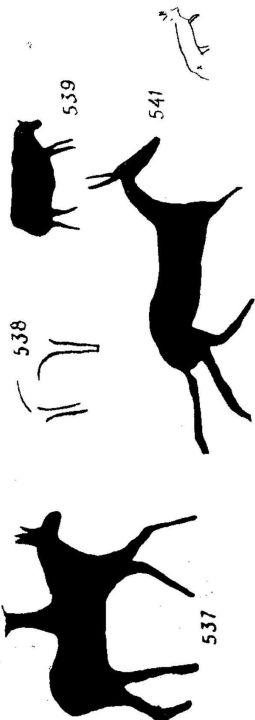
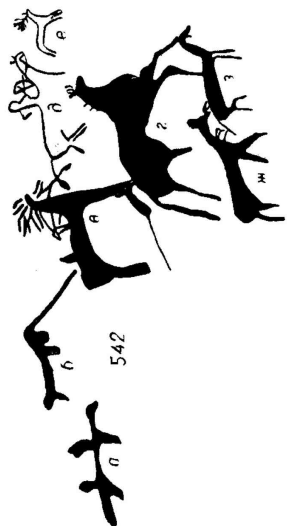
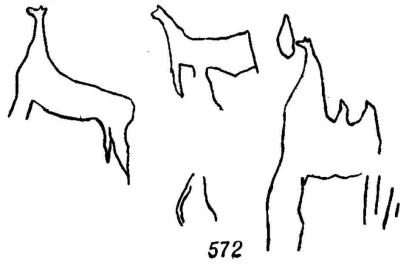
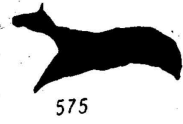
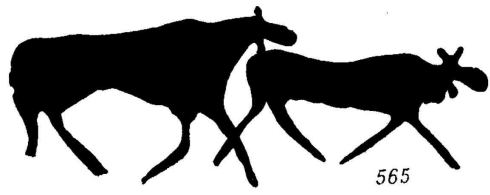

Таблица XXII

581

581

582

583

584

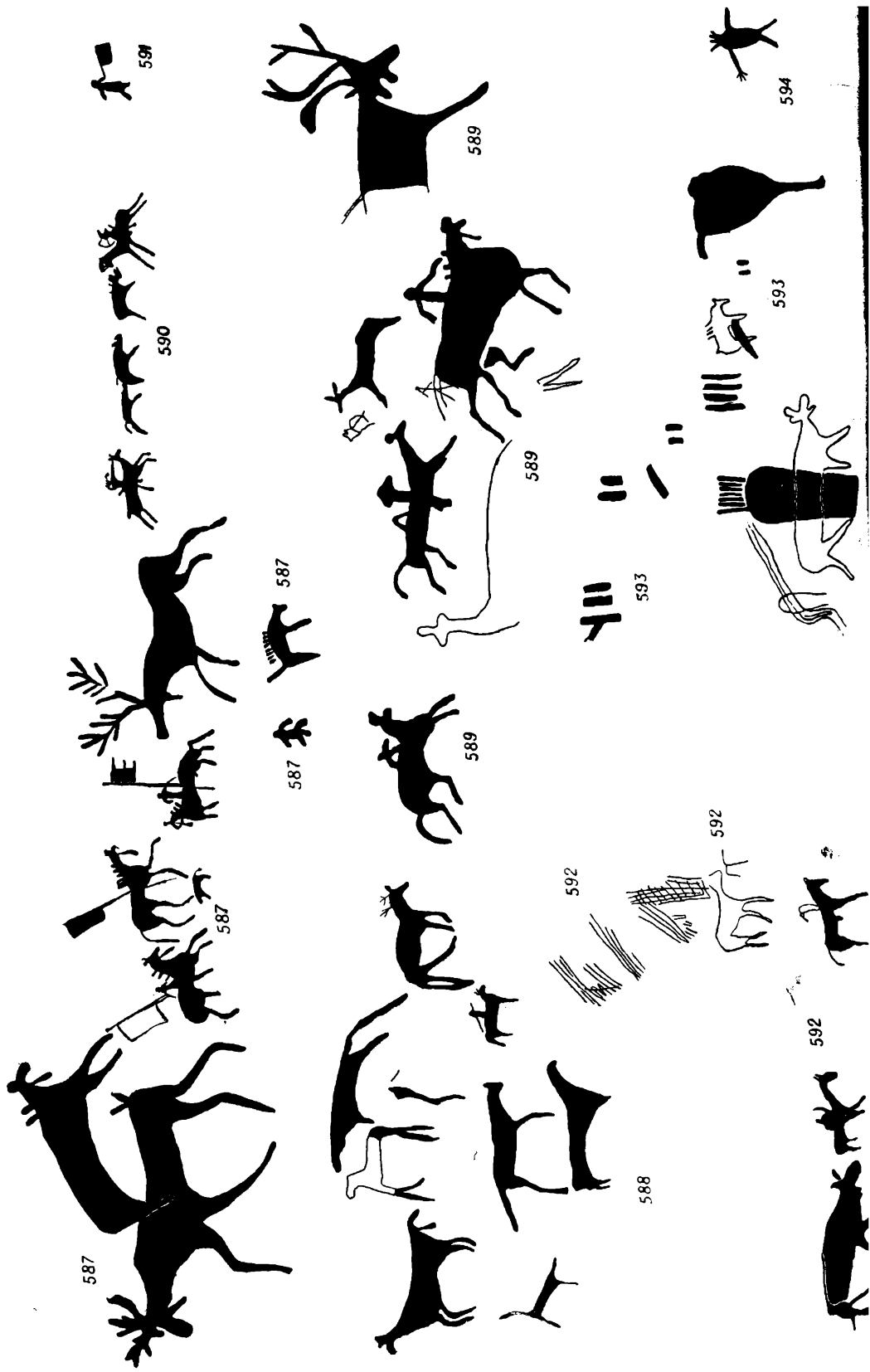
586

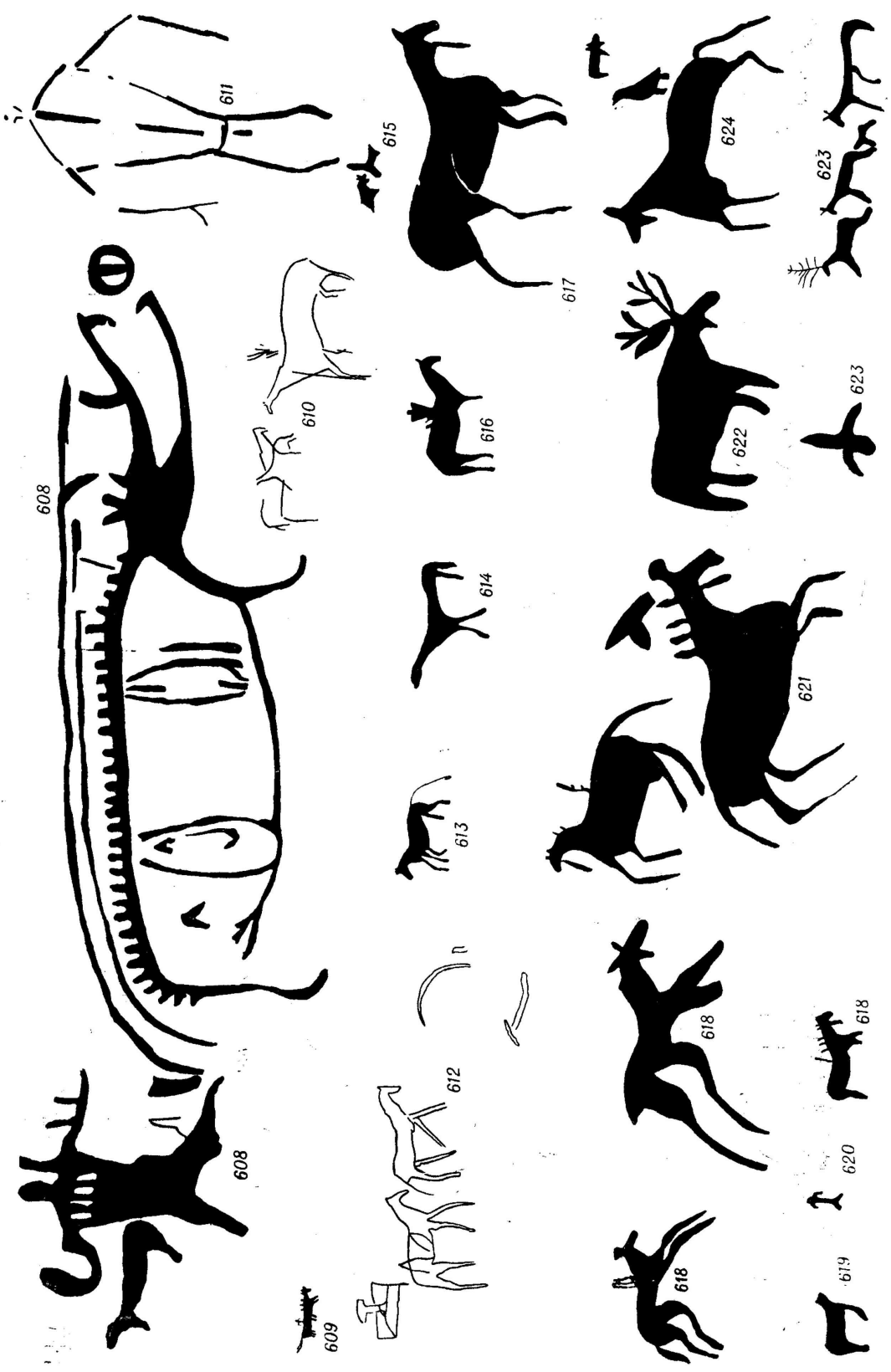

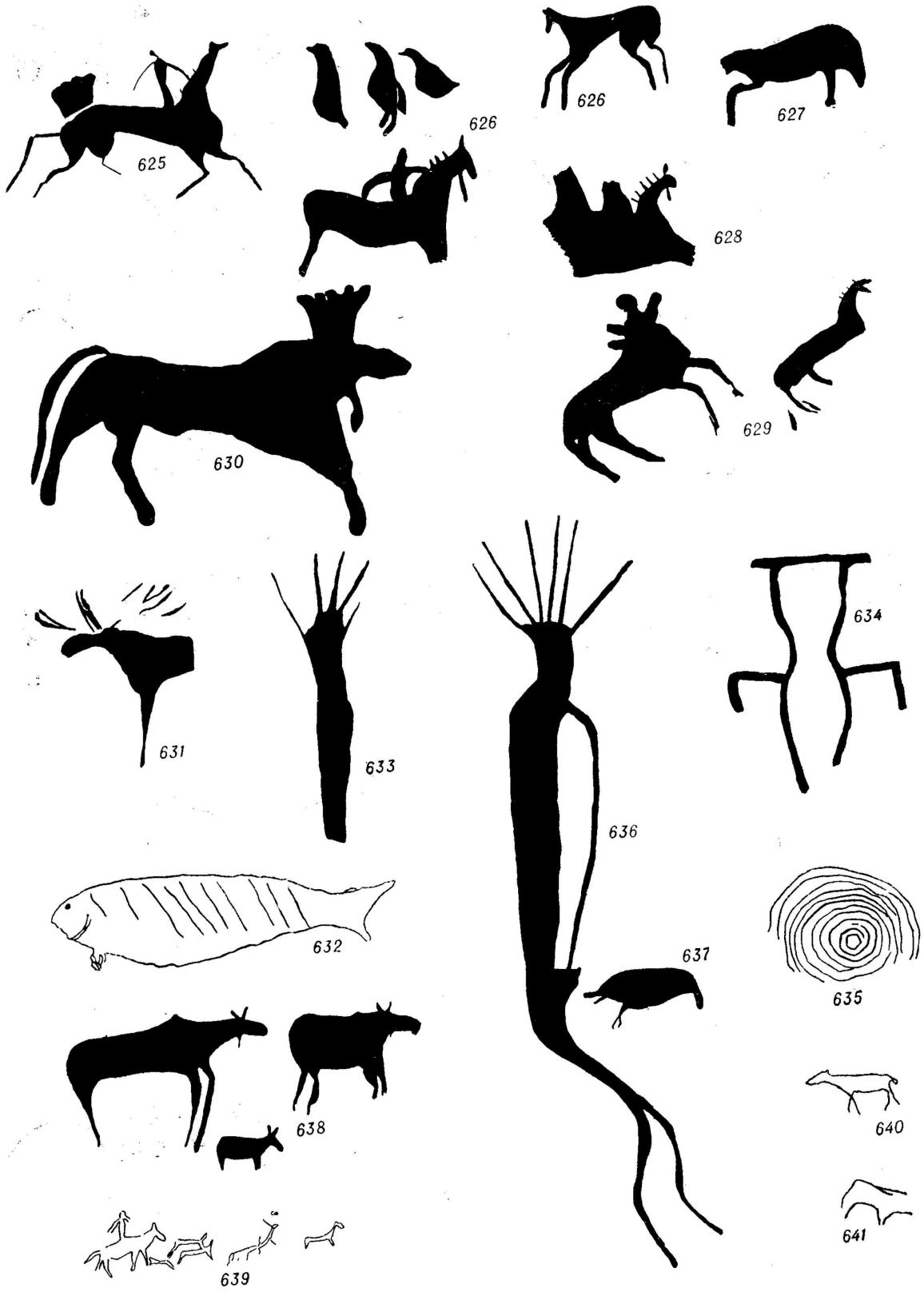
585

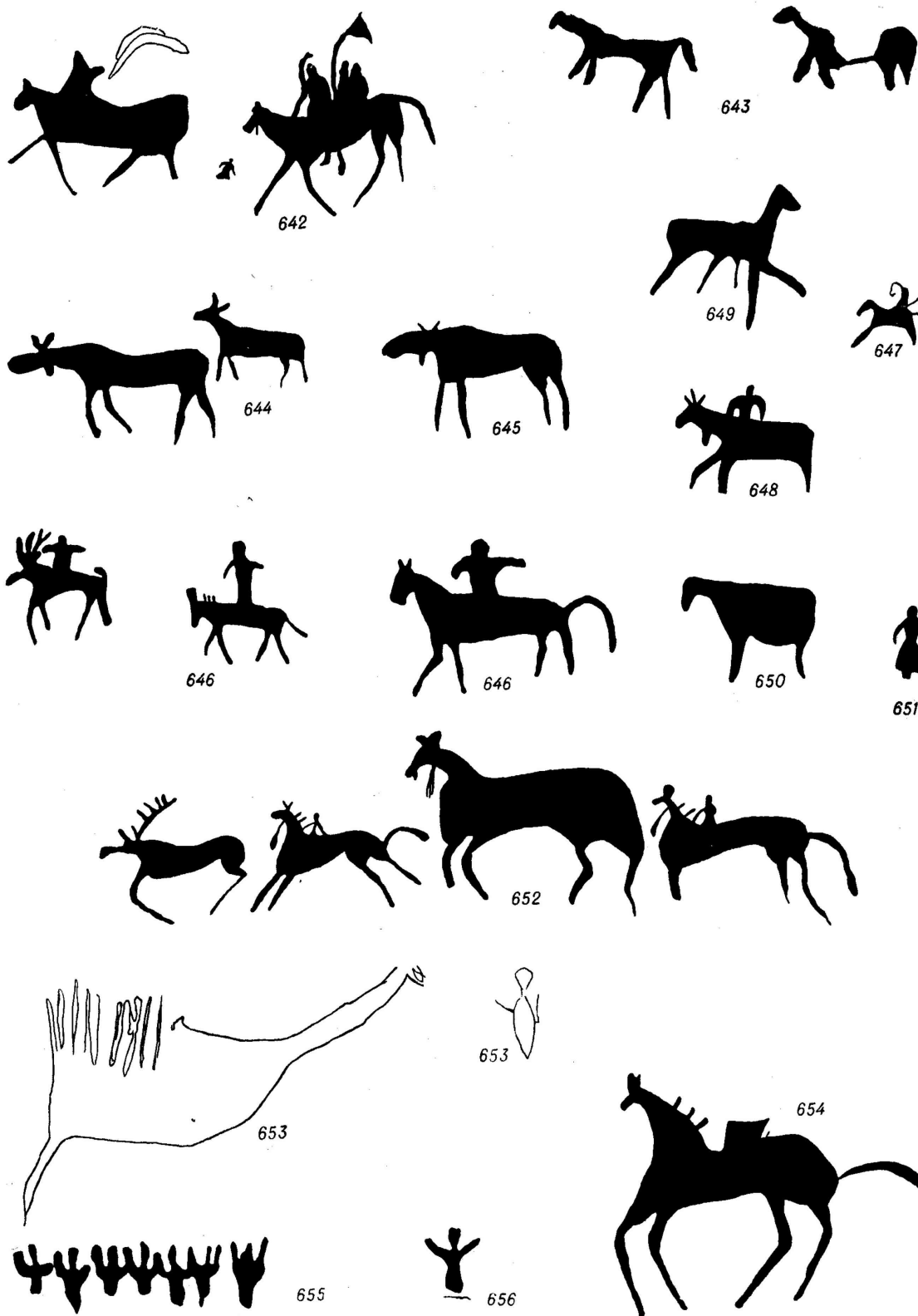

586

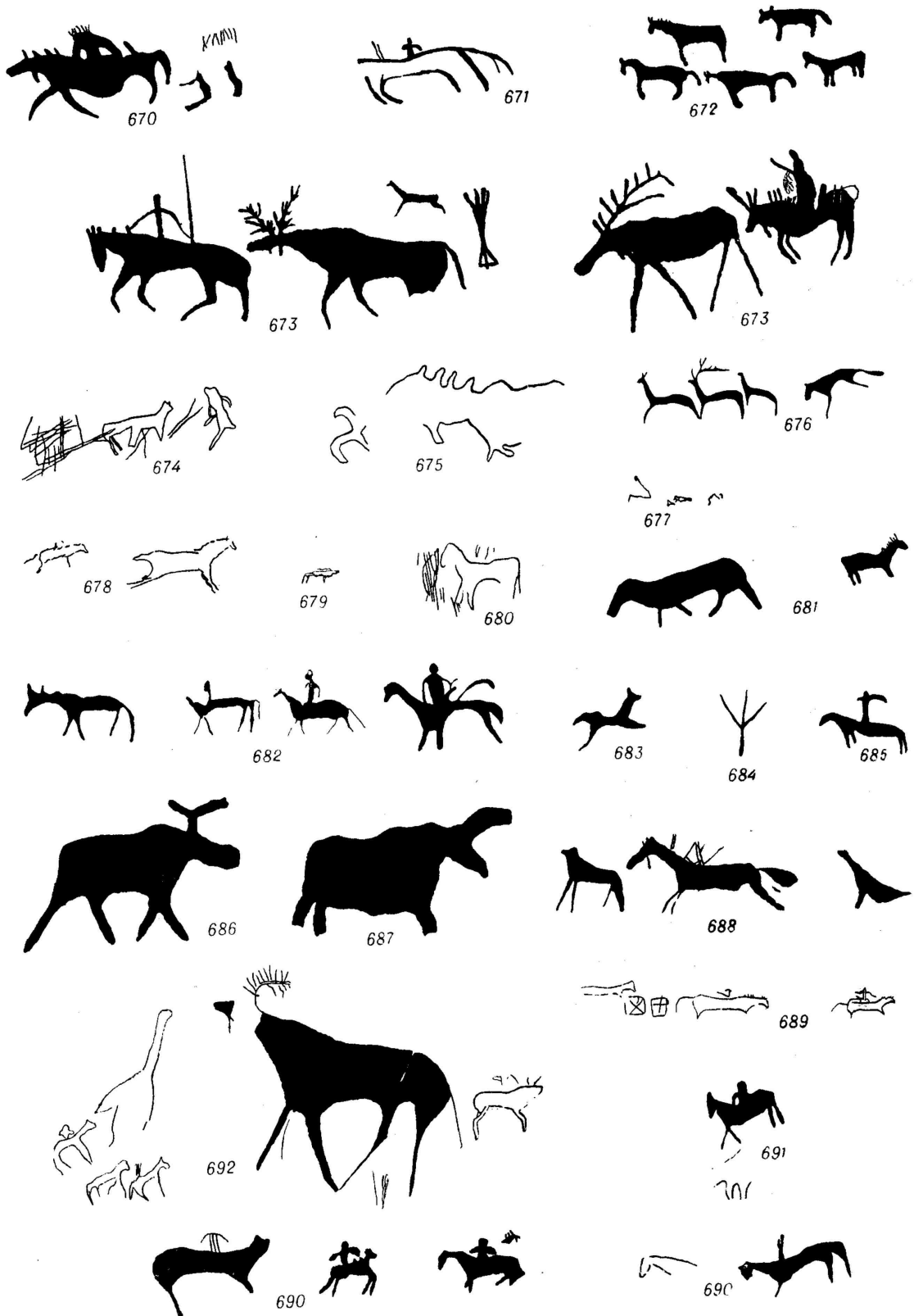

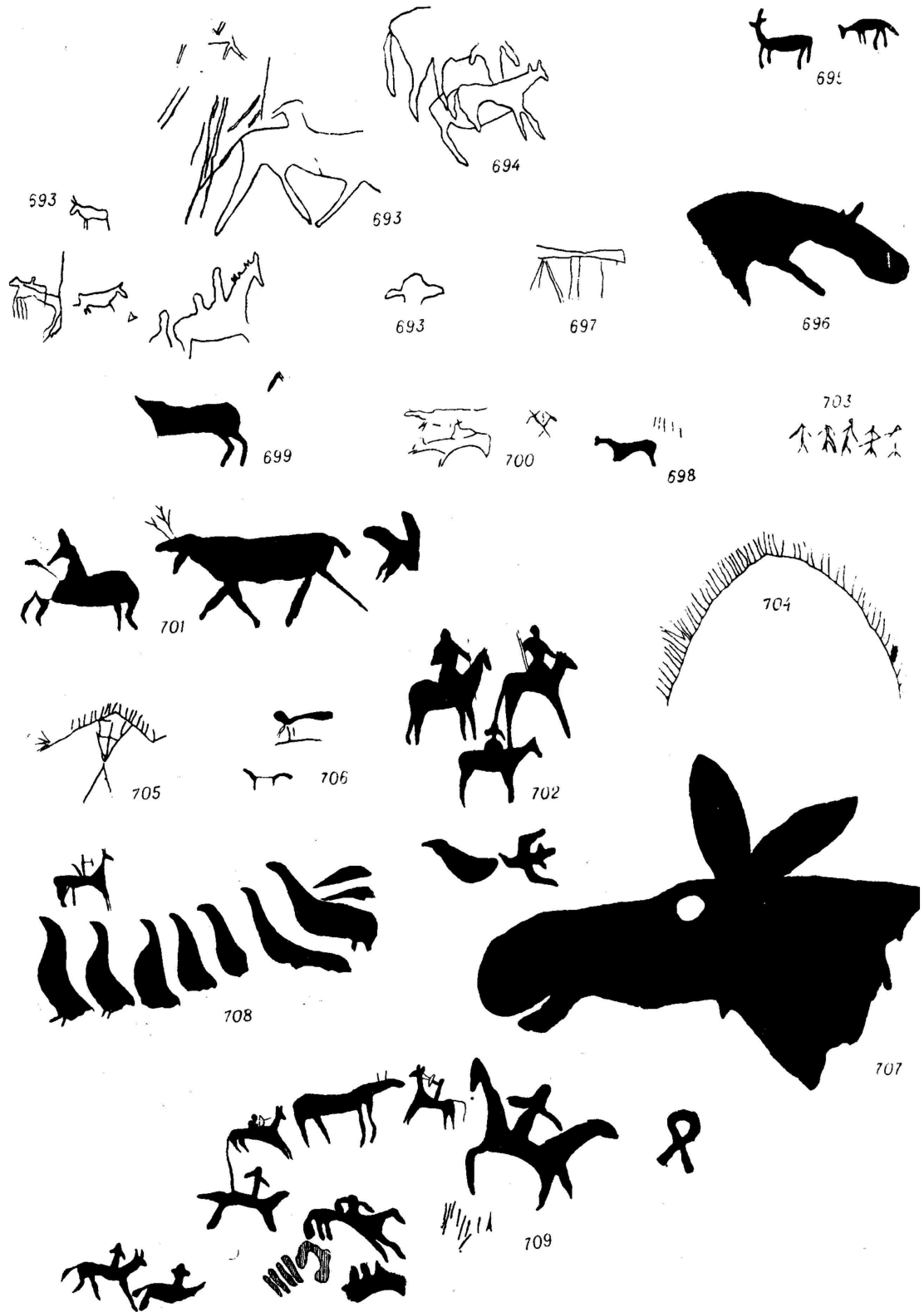

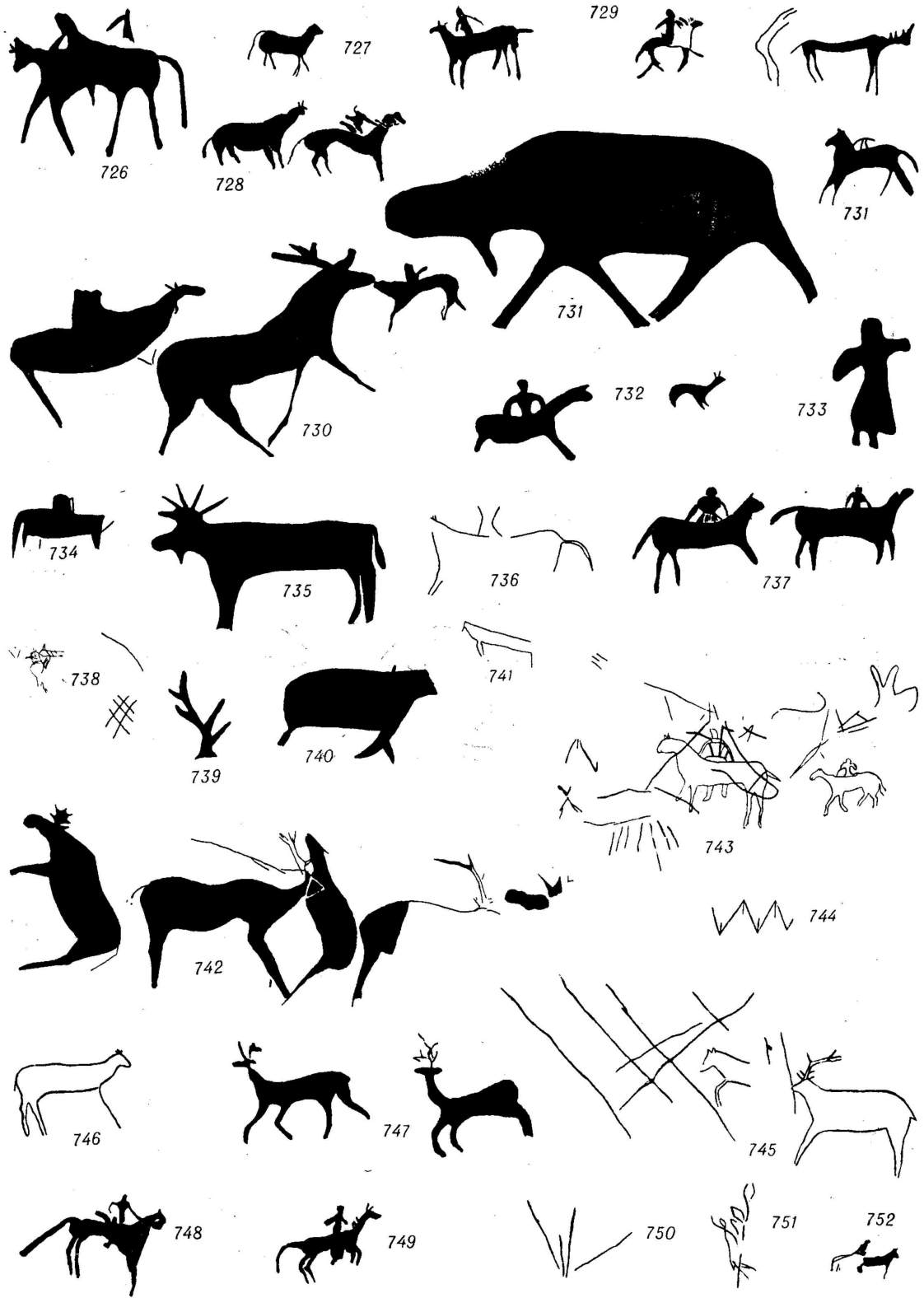

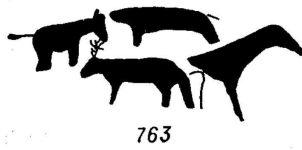
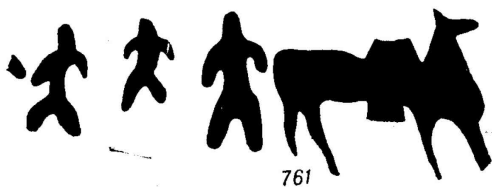
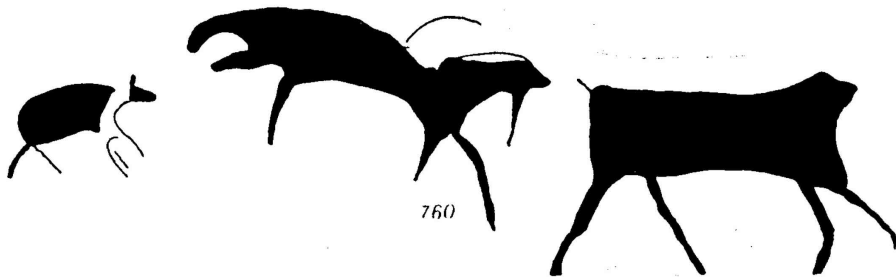
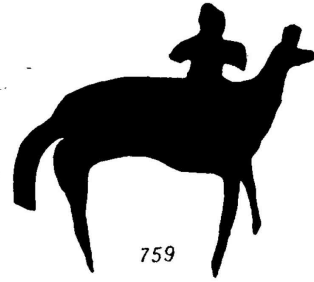
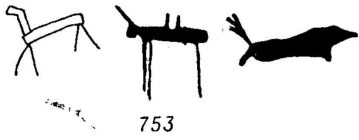
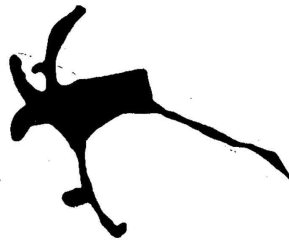
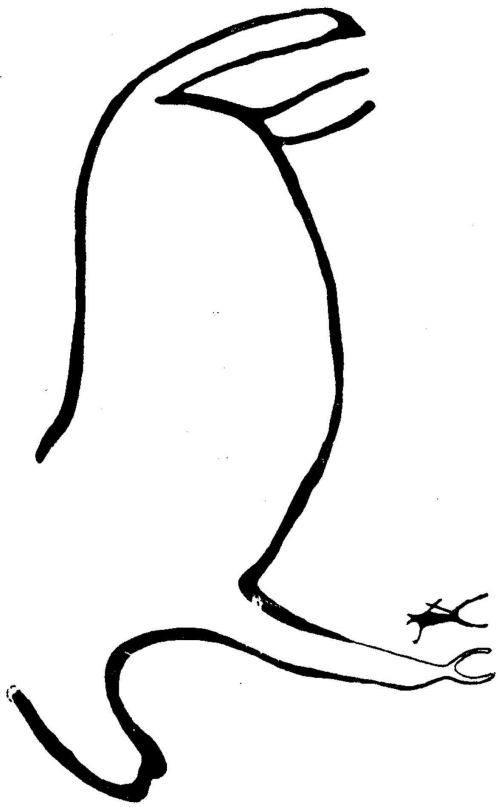

Таблица XXXVI

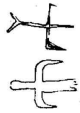

780

Таблица XXXVIII

781

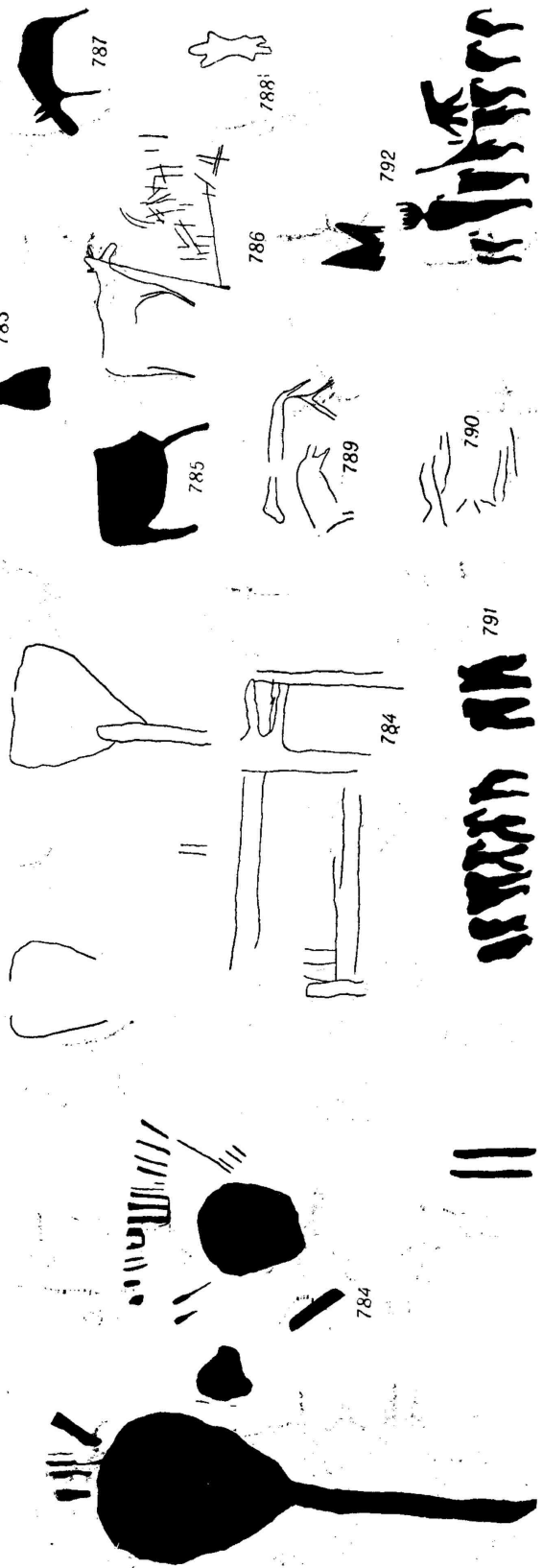

782

782

783

787

786

785

784

789

788

784

792

790

791

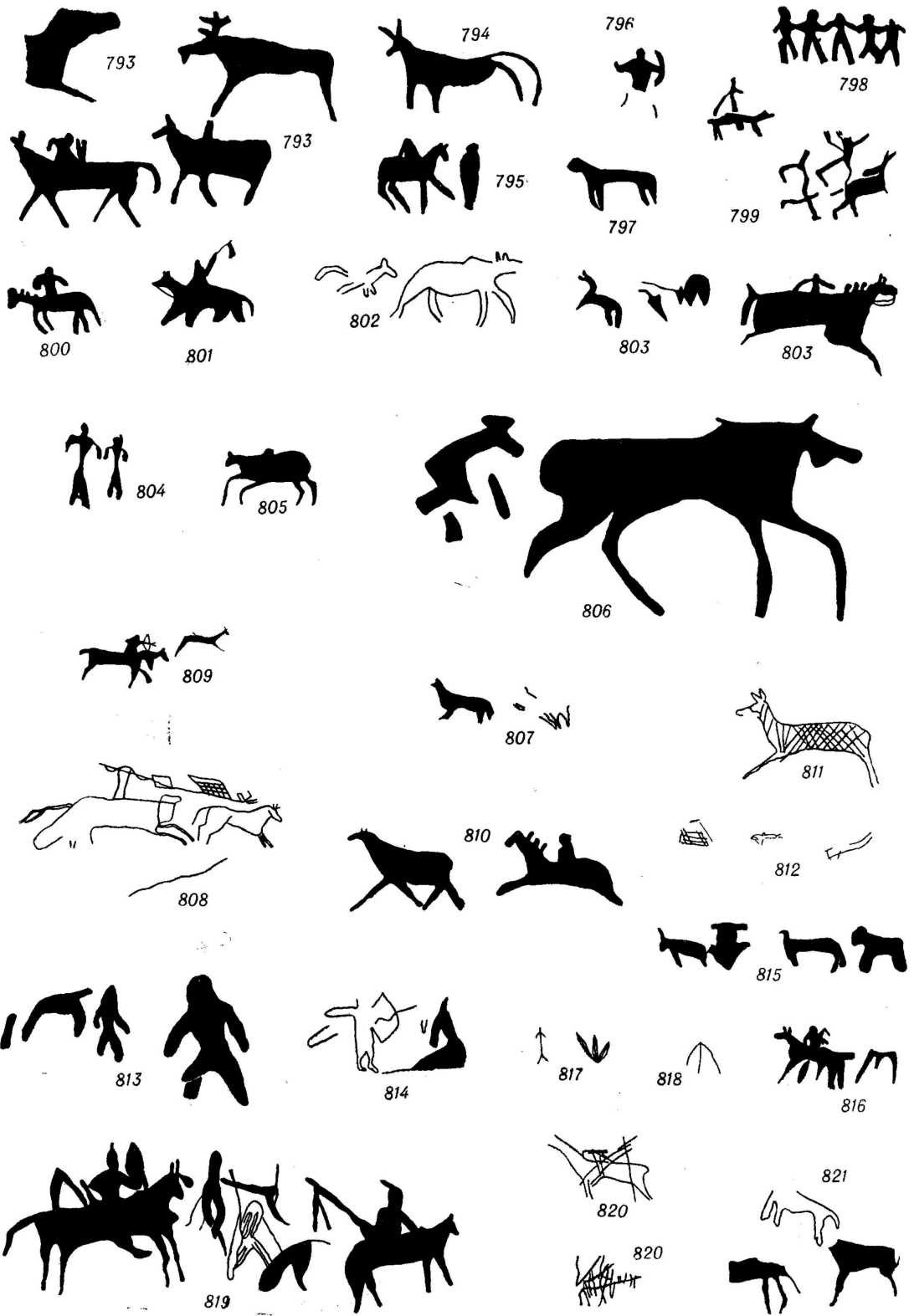
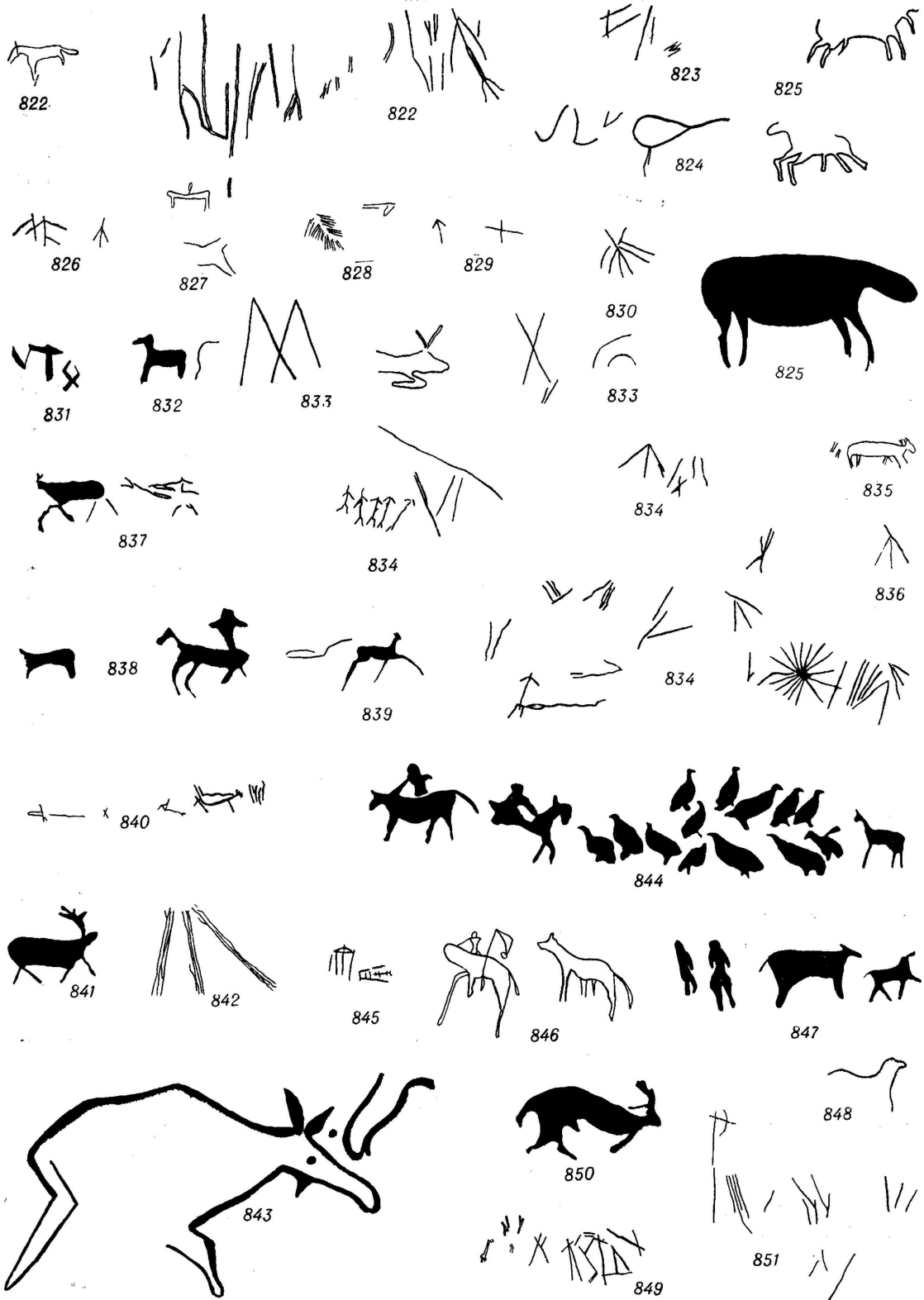
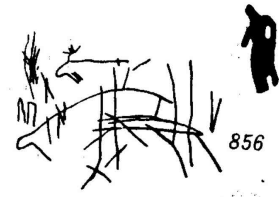
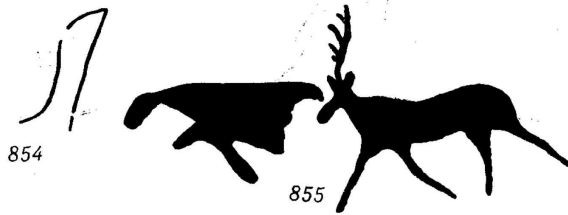
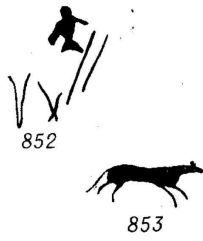

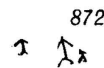
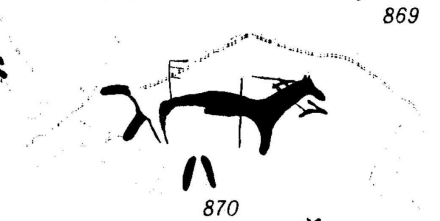
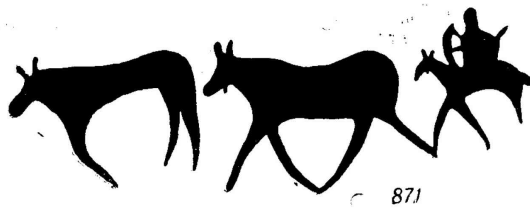
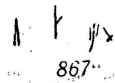
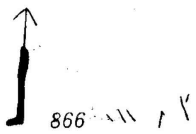
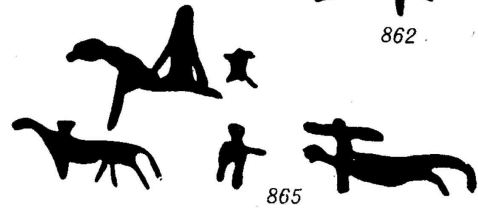
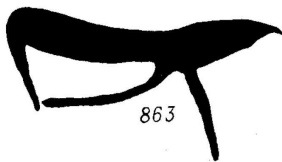
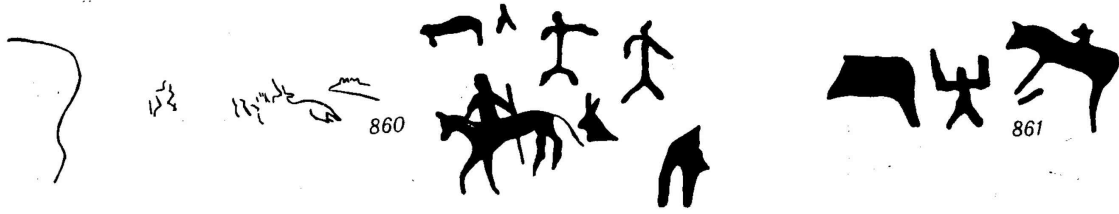
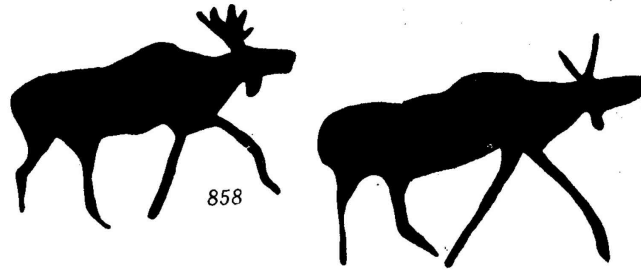
Таблица ХLI

ЧНА ЧАТ,

ЧНА ТГА

874

875

876

877

878

879

880

881

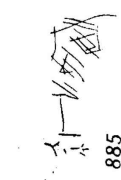
882

883

884

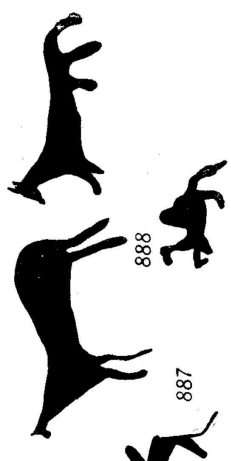
885

885

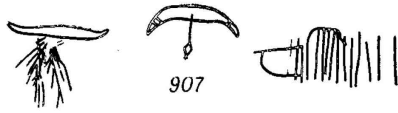
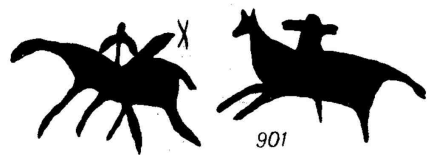
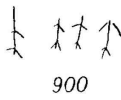
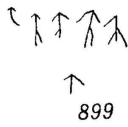
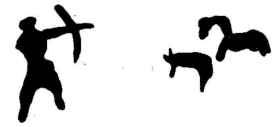
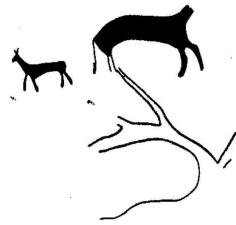
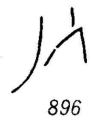
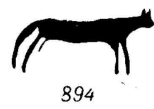
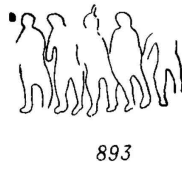
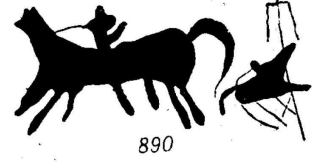
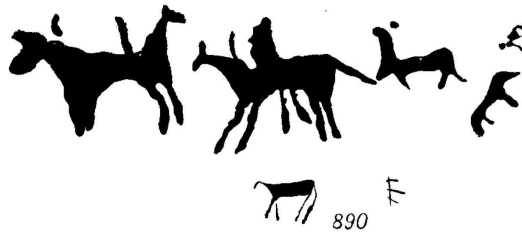

887

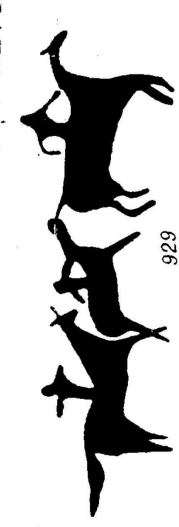
888

886

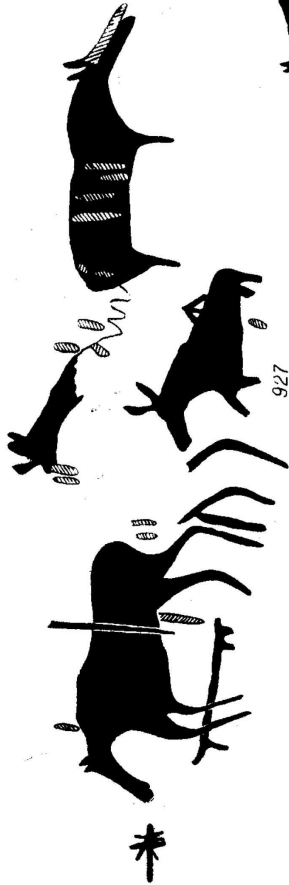

929

927

928

930

927

932

931

931

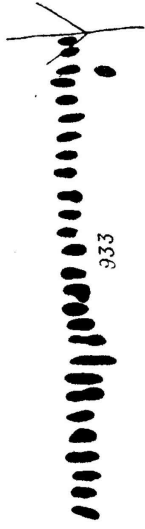
933

933

934

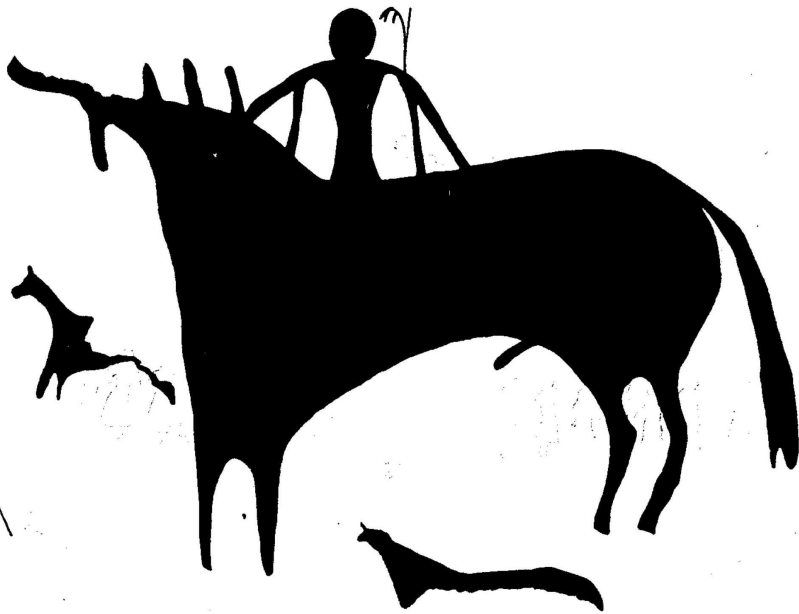
933

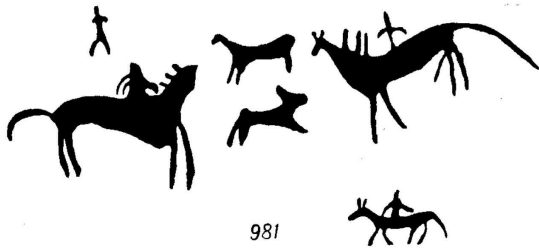
Taouuqa XLIX

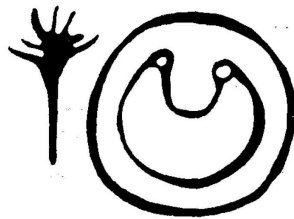

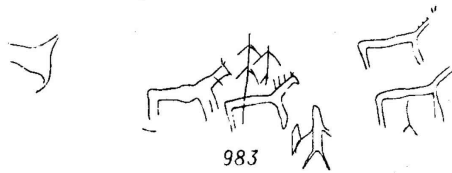
980

981

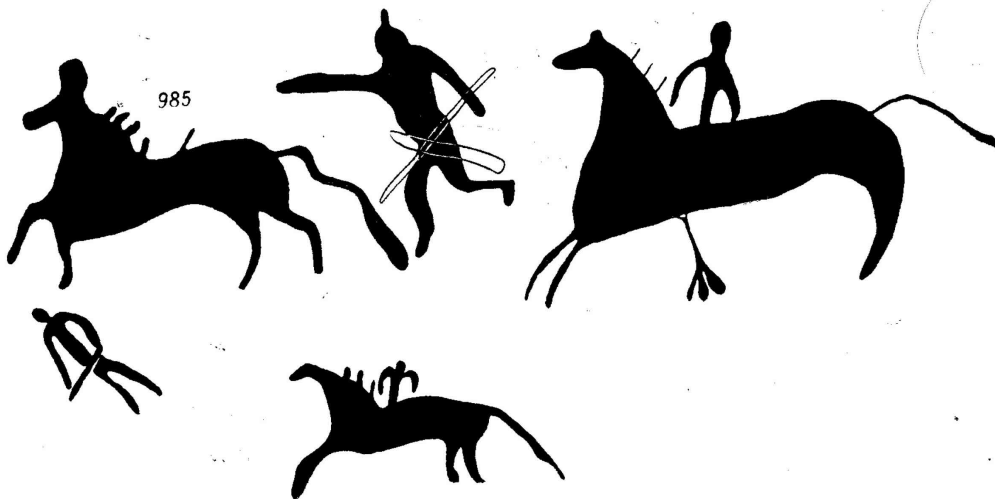
982

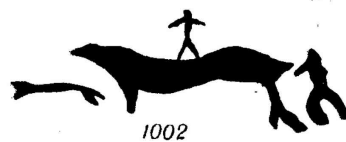
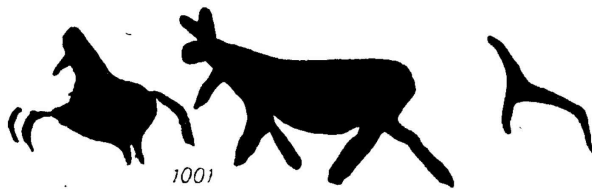
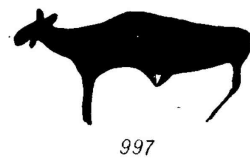
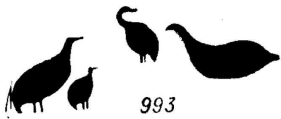
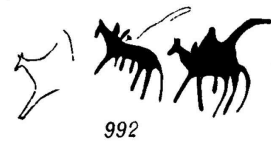
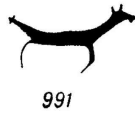
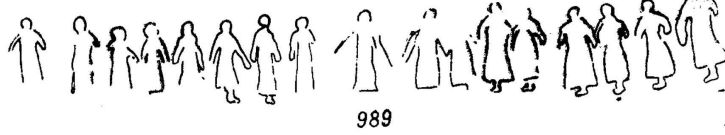
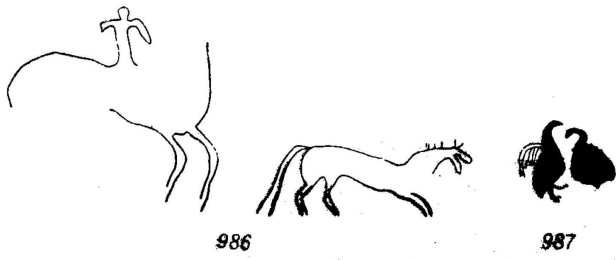
983

984

985

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. К истории изучения писаниц у дер. Шижкино	9
II. Наскальные изображения у дер. Шижкино (описание)	17
III. Шижкинские писаницы как исторический источник	86
Таблицы	145—198

Алексей Павлович Окладников и Вера Дмитриевна Запорожская

ЛЕНСКИЕ ПИСАНИЦЫ
НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ У ДЕРЕВНИ ШИШКИНО

*
Утверждено к печати
Якутским филиалом
Академии Наук СССР

*
Редактор издательства *Н. С. Лебедев*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *Н. М. Шилова*

Сдано в набор 27/V 1959 г. Подписано к печати
2/IX 1959 г. РИСО АН СССР № 144—85В. Формат
бумаги 60 × 92/8. Бум. л. 12¹/₂. Печ. л. 25 = 25 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 21,48. Изд. № 913. Тип. зак. № 199.
М-45745. Тираж 1500.

Цена 15 р. 90 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12.

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
19	2 сверху	начальник.	начельник.
19	7 снизу	к ше—	к шее
19	6—5 »	длине ными,	длинными,
35	10 »	гловные	головные
41	17 »	седла, или	седла или
72	13 сверху	харастера,	характера,
78	4 »	олена, миниатюрный	олена миниатюрный
120	13 снизу	судд ⁸ .	судд ⁸ .
128	9 сверху	Тянь-Шане.	Тянь-Шане.

А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писанины